You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: Semantika mnogolûdstva russkogo âzykovogo soznaniâ

Author: Pëtr Červinskij

Citation style: Červinskij Pëtr. (2019). Semantika mnogolûdstva russkogo âzykovogo soznaniâ. Ternopol' : "Krok".

Uznanie autorstwa - Na tych samych warunkach - Licencja ta pozwala na kopiowanie, zmienianie, rozprowadzanie, przedstawianie i wykonywanie utworu tak długo, jak tylko na utwory zależne będzie udzielana taka sama licencja.

UNIWERSYTET ŚLĄSKI W KATOWICACH
Biblioteka Uniwersytetu Śląskiego
Ministerstwo Nauki i Szkolnictwa Wyższego

Пётр Червинский

Семантика многолюдства русского языкового сознания

Пётр Червинский

Семантика многолюдства русского языкового сознания

Издательство «Крок»
Тернополь, Украина
2019

Рецензент:
Профессор, доктор филологических наук Ярослав Вежбиньски
(Лодзинский университет)

Червинский П.: Семантика многолюдства русского языкового сознания. – Тернополь: «Крок», 2019. – 268 с.
ISBN 978-617-692-511-8

Книга посвящена представлению концептуальных форм, связанных с отражением в языке и сознании некоторого количества, большого, а также не слишком большого, людей как совокупности либо множества. На основе типичных словоупотреблений выводятся и определяются семантические модели имеющихся в языковом, и не только языковом, сознании отражений характеризуемой предметной области, связанной с представлениями о многолюдстве, а точнее n-людстве, обусловливаемые дополнительно в них входящими и себя проявляющими контекстуальными, ситуативными и субъектными обстоятельствами. Эта их дополнительность, как важная дифференцирующая черта, позволила подойти к типологии, строящейся по основаниям общего и различающего, находящим свое воплощение в концептуальных по своему характеру группах, определяемых в уровневых и не только уровневых связях и разновидностях. Немаловажной особенностью характеризуемых единиц явилось также субъектно-оценочное их определение, связываемое не столько с типологическими, сколько с ситуативно-контекстными проявлениями, находящими свое отражение в текстах не только художественных и не исключительно современных. Все это, также с опорой на словарный материал, позволило посмотреть на рассматриваемый предмет, в том числе, и с исторической стороны.

ISBN 978-617-692-511-8 © Piotr Czerwiński, 2019

Оглавление

Параметры определения предмета 7
Людская множественность как вид состояния 7
Семантика слова в его отношении к разбираемому представлению 11
Обобщающая характеристика предмета как представления о нем 16
Некоторые особенности современного отражения 18
О возможных концептуальных тенденциях времени 22
Народ (*люди*): к отображению близлежащих значений 23
Народ в определении словарей 33

Слова и стоящие за семантикой слов представления: 'многолюдство' и 'многолюдье' 45
О различиях словоупотреблений при неразличении их словарной семантики 46
Семантические группы 'многолюдства' 46
Подразделения 'многолюдья' 52
Об отличии 'многолюдства' и 'многолюдья' как представлений сознания 60
Некоторые особенности современных словоупотреблений 66
"Привычные" концептуальные связи 'многолюдья' и 'многолюдства' . 73
Характеристики ядра сопоставляемых представлений 84
Некоторые типологические особенности за пределом ядра 86
О характере восприятия 'многолюдья' и 'многолюдства' 90
Несколько исторических иллюстраций возможных значений 95
'Многолюдство' и 'многолюдье' как формы интерпретирующего восприятия действительности 100
К определению представлений 'толпы' 103

Представления людского количества, передаваемые с помощью разных слов 119
'Артель' как объединенная для совместной деятельности группа лиц .. 119
Типологическое ядро 'артели' 126
Сходные в типологическом отношении представления 128
'Агитколлектив' в представлениях общей с ним группы 130
Концептуализирующее определение 'агитколлектива' 132
'Агитколлектив' в его отношении к 'агитбригаде' 134
Несколько слов о подгруппах (с 'артелью') 141

'Секта' и 'миссия' в подгруппе идейно ориентирующего воздействия на других 147
Словарные определения *секты* 154
Представления о 'миссии', следующие из словарей 181
Парадигматические проекции, получаемые из описания 196

Характеристика ряда подгрупп из общего списка ‘людского количества’ 201
Представление подгруппы с 'активом' 202
К определению *банды* и *шайки* 205
Нечто к подобному роду деятельности относящееся 211
Единицы с параметром объединяющей деятельности 216
Рассуждения о 'монастырской братии' 216
Параметры к определению 'бригады' 222
О единицах не только того же параметра 225
Подход от "имеющихся в языковом сознании представлений" 231
Объединения институционального типа (советская школа) 235

Несколько обобщающих наблюдений 243
О параметрах предполагаемой типологизации 244
Проверка параметров на материале 247
О разрядах характеризуемой предметной области 251
Набросок возможного категориального описания 252

Литература 261

Пётр Червинский (***Piotr Czerwiński***), профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Силезского университета, специалист в области семасиологии, этносемантики, этимологии, семантического языка фольклорных традиций, автор учебников, словарей, монографий, компьютерных курсов. Имеет более 500 опубликованных научных работ (в Польше, России, Германии, Венгрии, Чехии, Словакии, Болгарии, Испании, Румынии, Литве, Белоруссии, Украине, Грузии, Латвии; около 100 из них помещено в Интернете, в международных журналах гуманитарного профиля). Основные (книжные) публикации: “Семантический язык фольклорной традиции”, “Семантика слова в системе стихотворного целого (на материале поэзии С. Есенина и Д. Кедрина)”, “Ступени Храма. Этапы этнического сознания. Эскиз модели Священной еврейской истории” (серия из пяти книг), “Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации”, “Наречие. Дидактический словарь”, “Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические аспекты этносемантики”, “Семантико-операциональный язык для диалога с машиной”, “Словари толкования сновидений. Заметки к строению интерпретативной модели”, „Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц”, „Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные”, „Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц”, „Патетизмы советского официоза в аспекте модулятивной семантики”, „Формы и виды бега русской ментальной действительности: семантика узуальных мотивов и обстоятельств”, „Пространства в снах. Семантика ориентационных мотивов”, „Пространства в снах. Типология”, „Парадигматика знаков сна. Параметры семантической единицы”, „Парадигматика знаков сна. Описание системы”, „Русский речевой узус”; а также написанные в соавторстве: “Логика курса «Русский язык»”, “Русский язык. Введение”, “Русское произношение и правописание”, “Теория и практика русской речи”, “Толковый словарь иностранных слов. Общеупотребительная лексика”, “Большой толковый словарь иностранных слов” (в 3-х тт.), “Энциклопедический мир Владимира Даля” (в 6-ти тт.), “Иностранные слова и словосочетания с ними” (в 2-х частях), “Лингвопсихологический учебник здоровья”, “Иноязычная лексика русского языка (с методикой дидактической игры и творческих заданий)”, “Мой язык и компьютер. Этимологический словарь иноязычной лексики русского языка” (в 2-х частях), “Metaphern des russischen sexuellen EGO. Ein linguopsychologisches Wörterbuch des aktuellen Sprachgebrauchs” (серия выпусков), “Наречие. Семантика, правописание, речевое употребление” (в 2-х частях), “Аспекты лингвопсихологической диагностики партнерских отношений”, “Язык сознания в его вербальных и невербальных реализациях”, “Метафоры русского сексуального EGO: концептуальный подход к описанию лексики и составлению словаря”. Научные интересы связаны с этнолингвопсихологическими проблемами языка и сознания: сопоставительная лексикология, словообразование, ономастика, язык политики и средств массовой коммуникации, язык поэзии и художественной литературы, современный речевой узус, развитие речи и интеллекта, прогрессивные методики обучения. Персональный сайт автора: http://piotr-czerwinski.narod.ru, http://czerwinski.ucoz.net

Параметры определения предмета

Людская множественность как вид состояния

Начнем с представления о самом многолюдстве, коль скоро слово это было вынесено в название. Исходя из состава, его следует понимать как значительное в количественном отношении множество людей, с существенным для понимания дополнением – собранных в одном месте. Или, пользуясь формулой, $Quant^{Mag}(Populi)>Loc$, с признаками ‘числа’ в его ‘значительности’ $Quant^{Mag}$, к ‘людству’ *(Populi)*, в ‘собранном положении’ в ‘месте’ $>Loc$. В качестве дополнительного, но при этом немаловажного, признака выделить стоит также причину такого стечения, точнее, не столько причину как таковую, поскольку побудительные причины могут быть разными, сколько выжидательно-ожидающее либо возбужденное и взбудораженное (первое и второе при этом могут быть совмещены) эмоциональное состояние собранных, вызванное этой причиной как побудительным поводом. А также, что имело бы смыслом добавить, не только причиной, но и сопровождающими обстоятельствами, равно как и самим стечением в одно место многих людей, несомненно, оказывающим свое влияние на эмоции и переживаемые ощущения ими в данный момент. То есть в момент такого совместного, скопленного, пребывания, или стояния, поскольку их пребывание вместе в скученном стоянии вместе себя обнаруживает как нечто значимое и не вполне тривиальное.

Из чего получалось бы дополнительно то, что побудительная причина в том, что принято, соответственно обозначая, воспринимать 'многолюдством', в подобного рода стечении людского множества в одно место, несомненно, присутствует. Просто так и без повода люди обычно не сходятся в столь заметном числе. Хотя, справедливости ради, необходимо сказать, что о многолюдстве в его таком представлении следует говорить, имея в виду только одно из возможных его проявлений, что находит свое отражение в семантике, но об этом речь пойдет дальше.

Помимо того, что было отмечено, подобное их (людей) положение обычно сопровождается как окружающими, так и происходящими на глазах, возможно развертывающимися, обстоятельствами, оказывающими влияние на то, что, наравне с причиной, объявляет себя в эмоциональном их состоянии, которое можно определять как подготавливающее себя к чему-то. К какому-то ожидаемому разрешению. Либо подготавливаемое кем-то и чем-то, и подготовлением этим нередко и возбужденное. Возбуж-

денное также и потому, что уже само стояние вместе в большом числе способно оказывать особого рода эмоциональное действие на собравшихся, усиливаемое дополнительно вызвавшей это их положение побудившей причиной и упомянутыми ранее окружающими либо происходящими на глазах обстоятельствами.

Многолюдство, тем самым, можно представить себе как особого рода (по отношению к людям) совместное мультипликативное состояние. К тому же, что стоит добавить, не только и не столько вместе собранных и рядом и плотно друг к другу стоящих, сколько как таковое и само по себе. Состояние, в этой связи, пространственное и для пространства, поскольку определяющее место такого их пребывания. Как лес или поле, пляж, море, площадь и пр., воспринимаемые сознанием характеризаторы места. С тем отличием, что многолюдство для места и в отношении места будет обычно характеристикой не постоянной, а временной, минующей и преходящей.

Учитывая отмеченное в предыдущих абзацах и воспринимая собрание подобного вида как не случайное, а по какому-то не только и не столько побудившему, сколько, скорее всего, возбудившему либо себя проявившему поводу, обозначенное формулой представление видится необходимым расширить. Расширяющими призначными компонентами общего представления виделись бы такие, которые отмечали бы время, не обозначенное в самом начале. Время это следовало бы понимать как ‘одновременность в ее какой-то себя развивающей длительности’, или, согласно формульному обозначению, *Temp(SimultLong)*. Далее следовала бы ‘побудительная причина’, *Caus(Stimul)*, и ‘окружающие’ и ‘происходящие на глазах’ ‘обстоятельства’, *Circumst(DatFlux)*.

К этому, охватывая то, другое и третье, добавлялось бы ‘эмоциональное состояние’ собравшихся, ‘выжидательно-ожидающее’, ‘подготавливающееся’ и ‘возбужденное’, *EmotExcit(ExspectProspect/Praepar)*. Поскольку речь при таком стечении идет о каком-либо ‘ожидаемом’ ‘разрешении’, *Exsolut(Posit)*, определяемом, гарантируемом либо, напротив, опровергаемом, но всегда ‘направляемом’ ‘кем-то’ и/или ‘чем-то’, все это также следует обозначать как признаки: *Direct(Aliquis/Quid)*. И, наконец, последнее – то, что, как стечение и собрание, многолюдство себя объявляет в ‘стоянии’, *Const*, в более общем случае, ‘пребывании’, *Permans*, в одном месте в одно время сразу многих людей. Необходимо при этом напомнить, что речь ведется об одном из возможных значений и, соответственно,

проявлений рассматриваемого положения вещей, сразу же приходящем в голову. Допустимые также другие появятся при характеристике позже.

Из чего получалась бы общая полная формула, с признаками уточнения (в скобках) к признакам определяющего состава (без таковых):

$$Caus(Stimul)>[Quant^{Mag}(Populi)>Loc]Permans/Const[Temp(SimultLong)]<Circumst(DatFlux)$$
$$\updownarrow$$
$$EmotExcit(ExspectProspect/Praepar)$$
$$\downarrow$$
$$Exsolut(Posit)<Direct(Aliquis/Quid)$$

Приведенную формулу можно было бы, соответственно, прочитать как ‘совместное пребывание (стояние) в одном месте в одно какое-то длящееся время большого числа людей, вызванное какой-то их побудившей собраться причиной, сопровождаемое данными и развивающимися в течение этого времени обстоятельствами, предполагающее эмоциональную возбужденность (заряженность) их состояния в отношении выжидательности, ожидания, подготавливаемости к разрешению в каком-либо положении, связанном с побудившей собраться причиной, направляемом (регулируемом, предлагаемом либо напротив) кем-то либо чем-то и от этого, в соответствии с ожиданием стоящих, возможно, зависящем’.

Побудительная причина, *Caus(Stimul)*, следовательно, должна коррелировать с предлагаемом либо видящимся как предполагаемое, возможно, также желательном и закладываемом, разрешении, *Exsolut(Posit)*. Данные признаки, соотносясь, вместе с тем открывают и закрывают собой пребывание, *Permans,* проявляющее себя в частном случае как стояние, *Const,* или тот элемент, который можно считать центральным и в отношении 'многолюдства' определяющим. В физическом, наблюдаемом и явном смысле, необходимо добавить.

Касаясь этой проблемы, набор составляющих приведенную формулу признаков и, соответственно, самого 'многолюдства' следует определять в отношении признаков внешних, непосредственно воспринимаемых, а также, в том числе и поэтому, обязательных, и признаков внутренних, не наблюдаемых, не то, чтобы не обязательных, скорее, напротив, но на видимость 'многолюдства' непосредственным образом не влияющих, хотя его собой порождающих и затем формирующих.

Следует также отметить еще одну группу признаков – дополняющих и возникающих. Таких, которые могут и будут себя объявлять и при 'многолюдстве' всегда себя объявляют, не определяя при этом его самого, обусловливая, однако, его вероятный характер. Это признаки сопровождения,

следствия, расширяющего движения, распространения, развития и возможного перехода. Способные быть также случайными и неожиданными, хотя допускаемыми, обусловливающими вид и особенности как самого пребывания-стояния, так и эмоционального состояния присутствующих.

Первую группу признаков можно определить как константную и строевую. К ней относятся те, без которых представить себе 'многолюдства' как такового, референциально, денотативно, при визуальном его восприятии, невозможно. Ею будет группа центральная, или

$$[Quant^{Mag}(Populi)>Loc]Permans/Const[Temp(SimultLong)],$$

при ненаблюдаемой относительности, но осознаваемо закладываемой неизбежности последнего признака ‘длящести’ в отношении времени для стояния-пребывания, *Long*.

Эту группу признаков необходимо считать не зависящей ни от каких порождающих обстоятельств и вероятных причин, а потому и необусловленно общей и медиативно-универсальной. Любое, какое бы ни было 'многолюдство' – это всегда ‘собрание или стечение в одно место, проявляющее себя в совместном стоянии либо движении в одно и то же длящееся время, большого количества людей’. Все остальные признаки, также 'многолюдство' определяющие, но не в наблюдении, а потому и не референциально, одновременно с этим следует считать в их насыщении переменными, зависящими от характера данного 'многолюдства'.

Вторую группу, соответственно, следует представлять как генеративно-диссолютивную и переменную. Зависящую от обусловливающих 'многолюдство' причинно-следственных обстоятельств. Связанную с тем, что 'многолюдство' себя формирует и создает, либо же возникает спонтанно, но на характер его это не будет влиять, для чего-то и почему-то, и, соответственно, в чем-то должно себя разрешить и себя разрешает (или не разрешает, будучи типологическим свойством пространства). Таковыми будут признаки *Caus(Stimul)*, с одной стороны, и *Exsolut(Posit)* при направляющем их *<Direct(Aliquis/Quid)*, с другой, находящие их проявляющий и на них балансирующий выход в характере эмоционального состояния *EmotExcit(ExspectProspect/Praepar)*, которое, вместе с тем, может действовать не только как показатель, но и как регулятор, через *Direct(Aliquis/Quid)*, на необходимо желательное, для $Quant^{Mag}(Populi)$, *Exsolut(Posit)*.

И, наконец, третью группу, также по своему характеру переменную, можно определить как продуцируемую и проецируемую. 'Многолюдство', с одной стороны, само в себе, своим наличием создает, порождает и про-

воцирует какие-то возникающие обстоятельства, способные на него, его характер, вид и особенности каким-то образом повлиять. Так же как и, с другой, во время его такого нахождения в определенном месте в данный период ‘длящести’ могут возникнуть и возникают нередко не спровоцированные им непосредственно обстоятельства, оказывающие, в свою очередь, свое влияние на него, его характер, вид и особенности.

К этой группе относится *Circumst(DatFlux)*, проявляющее себя через характер стояния, *Const*, многих людей в данном месте и в данное время, $Quant^{Mag}$*(Populi)>LocTemp(Simult),* как на их эмоциональное состояние, *EmotExcit*, так и, в каких-то случаях, и на последний представленный компонент – через *EmotExcit* и/или *Aliquis/Quid* на возможный характер его *Direct* и, тем самым, само разрешение, *Exsolut(Posit).*

Семантика слова в его отношении к разбираемому представлению

Говоря об обязательном и достаточном и не обязательном, но характеризующем представлении разбираемого 'многолюдства' в отношении языкового сознания, необходимым видится, прежде чем пойти в своих рассуждениях дальше, обратиться к лексической в своем основании семантике *многолюдства* как слова, фиксируемого в словарях. С тем чтобы, с одной стороны, соотнести ее с тем, что было перед этим показано, дав ему соответствующую характеристику, а с другой, постараться увидеть и вывести ту смысловую основу, которая, отображая и заключая в себя 'многолюдство' как некое представление, послужит в последующем к рассмотрению связанного с этим всего дальнейшего.

„Словарь русского языка в четырех томах”, или МАС (1983), определяет *многолюдство* как ‘большое скопление людей’, выделяя, тем самым, три ключевых для разбираемого представления признака. То, что ‘много’ в количественном отношении, т.е. $Quant^{Mag}$, то, что ‘людей’, или *Populi,* и то, что, выражая себя через *скопиться,* ‘постепенно приходя, собраться, сойтись в большом количестве’, характеризует себя в отношении ‘места’, *Loc*. (Ср. *скопление* в МАС: «**2.** Большое количество скопившихся, собравшихся в одном месте лиц, предметов».) И, опуская ‘большое количество’, уже отраженное, то, наконец, что отмечает не определяемую временем ‘постепенность’ нарастающего количественно, *Grad*, ‘схождения-собирания’, *Congr*.

Представление о *GradCongr>Loc*, или ‘постепенном схождении-собирании в одном месте’, можно было бы отчасти соотносить с тем, что в

предложенной ранее формуле выразило себя в ‘одновременном пребывании (стоянии) в одном месте’ *[...Loc]Permans/Const[Temp(Simult...)*. И рассматривать как наблюдаемо себя выражающий, получившийся результат предшествующего постепенного собирания. При отсутствии в определении МАС непосредственного указания на одновременность, *Temp(Simult)*, в *многолюдстве* скопления, она в нем неизбежно заключена. Трудно себе представить постепенно пришедших, чтобы собраться в одном месте в большом количестве, как пребывающих, находящихся там не в одно время. Скопления бы не получилось.

Приводимый в МАС к *многолюдству* и *многолюдью* далее («То же, что многолюдство», если цитировать) иллюстративный материал дает возможность и повод еще раз задуматься над определяемой семантикой разбираемого слова и стоящими за ней представлениями. Примеры даются следующие: *Он не привык к движению, к жизни, к многолюдству и суете*. И. Гончаров, Обломов. *Москва оглушила меня своим шумом, огнями, запахами, многолюдством*. Казаков, Голубое и зеленое. *Кузьма Кузьмич всегда любил эти сладостные минуты раннего утра. Они нравились ему и тем, что непохожи были на остальное время суток с его многолюдьем, суматохой*. Ажаев, Далеко от Москвы.

Исходя из примеров, вряд ли можно было бы говорить о том, что семантика приведенного в употреблениях *многолюдства* предполагает, через *скопиться, скопление*, используемых при его объяснении, ‘постепенный приход’, ‘собирание в одно место’. Так же как нет во всем этом выделенного нами ‘стояния’. Скорее напротив, *движение*, *суматоха* и *суета*, используемые к тому же в приведенных примерах в качестве контекстуальных синонимов.

Мало этого, воспринимаясь и отображаясь не в непосредственном наблюдении (континуально), а отвлеченно и обобщенно, в памяти, в переосмысливающем, раздумывающем и обдумывающем сознании, подводящем итог своих впечатлений, 'многолюдство' начинает для такого сознания и в нем выступать как то, что собой отмечает ‘большое’, даже ‘слишком большое’, ‘количество’, несомненно ‘людей’. Но при этом не обязательно собранных и уж никак не сошедшихся в одном месте, скорее напротив, толкущихся, перемещающихся, передвигающихся, находящихся в самых разных местах. Везде и повсюду, куда ни кинь взором и куда ни пойди, и при этом, для восприятия, что важно отметить, одновременно. ‘Слишком большое’ как признак в количестве для людей переходит, себя расширяя, на признак в ‘слишком многих’, во всех доступных и воображаемых, ‘ме-

стах’. Появляется мысленно обобщающее и нивелирующее различия ощущение взгляда сверху, с пребыванием вместе с тем как бы внутри, и при этом также одновременно и в отвлечении, в отдалении и со стороны.

Выводимые из этого признаки сводятся к представлению в формуле $Quant^{Mag}(Populi>Loc)Est/Vers(TempSimult)$: ‘(слишком) большое количество людей одновременно находится, обращается во многих (слишком многих) местах’. Применительно, следовало бы добавить, поскольку об этом в контексте речь, к их включающему в себя, содержащему, большему месту, или пространственному для них всех расположению, своего рода месту мест, *LocLoc* (*Locus loci*). И тогда получалась бы важная для определяемого представления формула:

$$[Quant^{Mag}(Populi>Loc)Est/Vers(TempSimult)]LocLoc.$$

„Толковый словарь русского языка” (ТСУ) под ред. Д.Н. Ушакова (1938) дает такое объяснение разбираемому слову: «**МНОГОЛЮ'ДСТВО,** а, *мн*. нет, *ср*. Большое стечение народа где-н.» с примером из Грибоедова: *В многолюдстве я потерян, сам не свой*. А *многолюдье* объясняет через *многолюдство* («То же, что многолюдство») с пометой разг.

Тем самым, отличие от толкования в МАС заключается в слове *стечение* вместо *скопления* с прямым указанием на место (где-н.). Поскольку для МАС показатель места подразумевался в слове *скопление*, то о передаче его имеет смысл говорить в обоих случаях, тем более, что *стечение* в ТСУ непосредственно указывает на место: «**2.** Скопление в одном месте. *Небывалое с. народа на площади*».

Подставляя, для эксперимента, объяснение *стечения* через *скопление* в приведенное в ТСУ толкование, получаем по внешнему виду объяснение тавтологичное: «Большое [скопление в одном месте] народа где-н.». По внешнему виду, на что следовало бы обратить внимание, поскольку 'в одном месте' и 'где-нибудь' не то же самое. В то время как 'в одном месте' предполагает позицию локально общего собирания, *Congr>Loc*, большого числа людей, 'где-нибудь' указывает на ту неопределенность места, которая предполагает значением ‘любое’, ‘всякое’, ‘не важно где’. Или, согласно имеющимся в языковом сознании представлениям, в таком любом месте, где стечение большого числа людей, *Congr>Loc*, может быть и происходит, себя объявляя типично. Либо периодически, либо спонтанно, либо в какое-то время, в первую очередь дня, регулярно и/или постоянно, что подразумевается, но на что в объяснении не указывается. Показатель вре-

мени, *Temp*, следовательно, будучи заложенным в существующие представления, присутствует в определении семантики слова не эксплицитно.

Вместе с тем это не время как таковое и не любое и всякое время, а время для места собрания или стечения, *Congr(Temp$_i$)>Loc*. Это также и не то время по приведенной ранее формуле, *Temp(Simult)*, которое, определяя одновременность, относилось к большому количеству собранных в одно место людей. Из чего получалось бы, для определения, проявляющего не только семантику слова, но и имеющиеся представления о 'многолюдстве', можно было бы данный фрагмент отразить в таком виде: ‘одновременное в одно место собрание, стечение, скопление, результативно – собранность, большого числа людей в какое-то *i*-тое время, тогда, когда это происходит в течение дня или, будучи чем-то вызвано, может произойти’.

Из сказанного в отношении толкования в ТСУ получалось бы также и то, что, с одной стороны, применительно к месту, или показателю *Loc*, следует говорить о признаке *Idem* (‘один и тот же’, ‘общий для всех’) для *Congr*, т.е. *Congr(Temp$_i$)>Loc(Idem)*. В то время как, с другой, указывать на подразумеваемую для сознания допустимость не уточняемого в толковании места, регулируемую существующими представлениями о типическом: в таком любом месте, где это может себя проявить. В ‘допустимо возможном, обычно предполагаемом для этого месте’. И тогда это был бы еще один уточняющий показатель для места, *Pass*[1]. В объединяющей формуле относящийся к показателю *Idem* как маркер возможной его переменности: *Congr(Temp$_i$)>Loc(Idem/Pass)*.

Обращаясь к примеру из Грибоедова в ТСУ (*В многолюдстве я потерян, сам не свой*), помимо отмеченного уже ранее на примерах из МАС оценочного восприятия 'многолюдства', становящегося в ряд к 'суете', 'суматохе', 'толчее', 'беспокойству', 'движению масс' не только людей, но и запахов, шумов, огней и т.п., что влияет, может влиять, на внутреннее состояние потерянности, несвойственности для человека, – помимо этого, следовало бы также отметить характер самого восприятия 'многолюдства', возможного для него перцептивного представления, впечатления о нем или от него.

---

[1] Лат. **pătior, passus sum, păti** 1) терпеть, претерпевать, переносить; 2) испытывать; понести. И, что в разбираемом случае главное, но как скрытое следствие из первых двух: 3) разрешать, допускать, позволять (aliquid): ut tempus locuque patitur насколько позволяет время и место. С этим, также не явным, но важным образом связывается также 4) *грам.* иметь страдательное значение: patiendi modus страдательный залог.

Чем является и как отражает себя 'многолюдство' в подобном примере (из Грибоедова)? Важным становится в данном случае показатель большого количества вместе людей там, где оказывается, может быть, оказаться или бывает субъект сообщения. Людей, что, видимо, следует, предполагая, добавить, находящихся в суетливом движении, толчее.

Отчасти это пример, подобный рассмотренным в отношении МАС. Показатели места и времени также мыслятся отвлеченно, они объясняют, входя, представление о движущихся количествах собранных вместе людей, для актуального восприятия субъектом переживаемого им для себя 'многолюдства' оказываясь при этом малосущественны. Иными словами, речь идет в приведенном примере о том, что ‘всякий раз, когда я оказываюсь в каком-либо месте’ в ‘меня окружающей массе людей’, *я потерян* (и) *сам не свой*.

Всякий раз, или во всякое время, в любом из доступных, возможных для этого мест. И тогда показатель для ‘времени места собрания или стечения’, $Congr(Temp_i)>Loc$, не одновременности в нем пребывания большого людского числа, т.е. не *Est/Vers(TempSimult)*, приобретает в идентификаторе *i*-тости уточнителем повторяющуюся периодичность, итеративность, $(Temp_{Iterat})$. При неизменности показателя *Loc(Idem/Pass)*, переменности единого, общего места собрания, *Congr*.

Из чего получалось бы также, что и итеративность дополнительно может, усиливая, влиять на восприятие 'многолюдства' субъектом как на то, что вызывает в нем ощущение потерянности и состояние несвойственности, в конечном итоге, потери себя самого в деконцентрирующем движении масс людей, собранных в одном месте.

В.И. Даль в своем словаре объясняет интересующее нас слово следующим образом: «[***много***] ***–лю́дье, –лю́дность, –лю́дство,*** скопленіе народа, людей; густое населенье». Из чего следует, с одной стороны, что, по сравнению с *многолюдьем*, в отличие от времени толкования в ТСУ и МАС, *многолюдство* оказывается не ведущим у Даля словом. В то время как с другой, становясь в общий ряд с *многолюдьем* и *многолюдностью*, также опережающей в порядке своего представления *многолюдство*, имеет оно не отмечаемое в ТСУ и МАС значение ‘густое населенье’, что может быть не случайным. Иллюстраций употребления данного слова Даль не дает.

Представление о густом населении вместе с тем снимает как таковую актуальность одновременности, равно как и спонтанного либо периодиче-

ского пребывания в одном месте большого числа людей. Пребывание их при этом оказывается мало того, что не периодическим, а постоянным, оно также связывается с иным по своему существу положением, связываемым и выражаемым с помощью слова *скопление*.

Пребывание, воспринимаясь как признак постоянно-оседлого, привязанного к данному месту нахождения в нем, что определяется как *проживание*, абстрагирует собирание, *Congr*, ему предшествующее, от времени появления в данном месте собравшихся лиц. Время их появления оказывается в данном случае не существенным, и то, что характеризовалось в МАС для *скопления* как постепенный приход собирающихся, становится недействительным, допуская возможность своего проявления в каких-то особых контекстах, там, где затрагивается именно данный вопрос – кто когда прибыл, чтобы в данном месте, осев, поселиться.

Одновременно с этим, как неизбежное следствие, иначе выглядеть начинает также и представление о скоплении, внутренне распределенном во времени, однако существенном в полученном своем результате, а потому и представляемом статично. Подчеркнуто важным оказывается большое число людей, проживающих, т.е. находящихся в данном месте освоенно и постоянно, и при этом таким числом, которое превышает обычное представление о норме. Помимо признаков ‘большого числа’ ‘людей’, $Quant^{Mag}(Populi)$ и ‘единого’ для них, ‘общего места совместного пребывания’, $Congr>Loc(Idem)$, новыми, по сравнению с ранее выведенными, становятся показатели ‘места освоенного’ с ‘пребыванием в нем постоянно’, т.е. ‘места освоенно-постоянного пребывания’, $Loc(Propr)<Est(Stabil)$, которое дополнительно сопровождается представлением о числе людей, на нем, находясь, проживающих, ‘большем обычного’, $Quant^{Major}$.

Получаемая из этого формула выглядела бы следующим образом:

$$Quant^{Major}(Populi>Loc(IdemPropr)<Est(Stabil).$$

Без указания на не актуальное время пребывания в данном месте собранного в нем больше обычного представления о числе людей для постоянного проживания.

Обобщающая характеристика предмета как представления о нем

Подходя к обобщению, поскольку просмотренный материал уже может это позволить, для 'многолюдства', тем самым, как представления о нем, повторяющимися, независимо от проявлений, видятся показатели ‘значительного либо большего, чем обычно, числа’, $Quant^{Mag/Major}$, в отно-

шении ‘людей’, *(Populi)*, применительно к ‘общему месту’ для них, *Loc(Idem)*, которое характеризуется, при любых обстоятельствах, признаком *Est*, т.е. их ‘нахождения, пребывания’ на нем. Получаемую в результате формулу $Quant^{Mag/Major}(Populi)>Loc(Idem)<Est$ можно, следовательно, воспринимать как инвариант с возможными для нее в различных, но обусловленных употреблениями, вариантами.

Естественным было бы ставить вопрос о характере узуально и не узуально, потенциально, окказионально, себя проявляющих обусловленностей, допускающих вариативность. Такую, которая, не разрушая, но не семантики слова, а существующего в сознании представления о 'многолюдстве', предполагала бы некую, не парадигму, что было бы сложно, с учетом действий и функций сознания, вообразить, и потому не закономерность, а не вполне и не всегда случайную, скажем так, допустимость. Разрешимость, которая перед этим для определяемого в приведенной формуле места была обозначена показателем *Pass*.

На основании рассмотренных ранее вариативных проекций можно было бы некий образ таких допустимостей для сознания отобразить, поскольку все же не вывести. Постоянными, или строевыми, о чем, впрочем, уже говорилось, выступают показатели ‘большого’, *Mag*, ‘числа’, *Quant*, ‘людей’, *(Populi)*, ‘собранных вместе’, *Congr*. Первый и последний из показателей этого ряда могут иметь проекциями ‘больше привычного, слишком большое’, *Major* (‘число людей’), ‘находящихся, пребывающих’, *Est*, ‘проживающих постоянно’, *Est(Stabil)* при *Loc(Propr)*, ‘пребывая, стоящих’, *Permans/Const*, а также ‘толкущихся, движущихся, обращающихся’, *Vers*, ‘в одном месте’, *Loc(Idem)*, либо одновременно, *Vers(TempSimult)*, в разных ‘допустимо предполагаемых местах’, *Loc(Idem/Pass)*.

Отвлекаясь на время от уточнений дальнейшего, как показанного, так и не отраженного, можно было бы говорить об отсутствии видимых вариантов у показателей *Quant*, *(Populi)*, *Congr*; об обусловленной степенью, а потому ограниченной, вариативности признака *Mag* > *Major*, при возможной подвижности признаков *Loc* > *Loc(Idem)*, *Loc(Idem/Pass)*, *Loc(IdemPropr)*, *LocLoc*, а также статально-акциональных следствий из показателя *Congr* → *Est*, *Est(Stabil)*, *Permans/Const*, *Vers*.

Что касается подразумеваемого, но не всегда актуального для сознания показателя ‘времени’, *Temp*, то его проявление можно воспринимать как приписываемое – либо, что чаще, проекциям *Congr* с показателем ‘одновременности’, *Est/Vers(TempSimult)*, с дополнением к ‘длительности’,

Const[Temp(SimultLong)], либо ему самому. И тогда с показателем ‘неопределенности’, ‘*i*-тости’ – *Congr(Temp$_i$)*, себя объявляющей также в ‘итеративности’ – *Congr(Temp$_{Iterat}$)*.

Будут ли перечисленные вариативы репрезентативно достаточными либо возможны другие, также репрезентативные и релевантные для 'многолюдства', равно как и то, в каких моделирующих сочетаниях своих показателей их можно увидеть в различных употреблениях, – эти вопросы, поставив, не будем решать. Их выяснение предполагало бы обращение к разнообразному материалу употребления *многолюдства* как слова, что не входило в задачу, которая виделась в отражении того характерного для языкового сознания, что, связываясь с многолюдством как с общей сферой большого количества собранных вместе людей, не выражает и не отражает себя только в этом слове. Мало этого, отображая себя в словах, точнее с помощью слов, содержит в себе далеко не только и даже не столько то, что является лексико-семантическим. Однако прежде чем к этому более непосредственно подойти на примерах других отражений, концептуально-вербальных по своей природе, не обязательно существу, имеет смысл обратиться к возможным другим сторонам 'многолюдства'. Если, что следует подчеркнуть, таковые себя обнаружат.

Некоторые особенности современного отражения

В толковых словарях последнего времени, что представляется несколько неожиданным и весьма интересным, с учетом толкования в МАС, т.е. для языка второй половины XX века, интересующее нас слово дается не как основное, а через *многолюдье*, которое определяется как ведущее. „Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный” Т.Ф. Ефремовой (2000 г.) содержит такое определение: «**МНОГОЛЮ́ДСТВО** *ср*. **1.** То же, что: многолюдье». И для *многолюдья*: «**1.** Большое скопление, количество людей». (В обоих случаях 2-го значения нет.) „Большой толковый словарь русского языка” (БТС), гл. ред. С.А. Кузнецов (2000 г.), *многолюдство* определяет как «*Разг.* =Многолюдье. *М. большого города. М. собрания*», а *многолюдье* с такой же пометой «*Разг.* Большое количество людей. *М. Невского проспекта*».

Из чего получается, что, в соответствии с представлениями составителей, *многолюдство* в употреблениях и, следовательно, как слово языка последнего времени, отступает на второй план, уступая первое место *многолюдью*. Наблюдается, тем самым, но только в отношении указанного по-

рядка, своеобразный возврат к тому положению, которое можно было увидеть у Даля, при котором *многолюдье* воспринималось как основное и первое, а *многолюдство* за ним, толкуясь и определяясь через него. И при этом, что необходимо добавить, семантического отличия в каждом случае при толковании обоих слов ни в одном из просмотренных словарей не находим.

Исходя из помет стилистического характера, понимая при этом их не вполне очевидный характер, опирающийся нередко на чувство языка составителей, поскольку в употреблениях слов это может иметь относительный и не вполне достоверный поэтому вид, стоило бы обратить внимание на определения в ТСУ и в БТС. Другие из процитированных словарей, т.е. МАС и Т.Ф. Ефремовой, опуская при этом Даля, что не то, чтобы показательно, но и, по-видимому, не случайно, стилистических помет ни к одному, ни к другому слову не помещают.

Возвращаясь к вопросу об этих самых пометах, в ТСУ помета разг. сопровождает не *многолюдство*, как основное к тому же слово, а *многолюдье*. *Многолюдство*, тем самым, опираясь на представление о последовательности стилистического отображения в этом словаре, воспринималось носителями русского языка в то время (20-30 гг. XX века) как слово, скорее, нейтральное. По крайней мере, без замечаемого признака разговорности, и приводимый пример из Грибоедова, хотя это и язык первой четверти XIX столетия, но, следовательно, ощущаемый приблизительно в таком же своем стилистическом виде, может служить тому подтверждением. В то время как *многолюдье*, в первую очередь с учетом суффиксального сопровождения, суффикс *-j(е)*, – как разг. В отличие от, скорее все-таки книжного, суффикса *-ств(о)*, хотя далеко не всегда, но при составлении одинаково организованных в остальном *многолюдства* и *многолюдья*, это первое – если не как нейтральное при разговорном втором, то характерное, видимо, для текстов художественных, а тем самым, отчасти и книжное. В привычном, что следовало бы добавить, для первой четверти XX века их восприятии как основном, помимо газет, а возможно, и вопреки им, источнике литературного языка.

В БТС, нельзя сказать, чтобы столь же последовательно, как в ТСУ, отображался стилистический характер определяемых слов, а тем самым, коль скоро таковое отображение имеется, то это важно и показательно с точки зрения составителей. Поэтому если оба слова содержат в этом источнике помету *Разг.*, то это о чем-то может свидетельствовать. Сопостав-

ляя с тем, что содержится в ТСУ (МАС, как словарь по времени промежуточный, никаких помет не дает), *многолюдство*, под влиянием ли разговорного *многолюдья*, к тому же его оттеснившего, под воздействием ли изменившегося по сравнению с первой четвертью XX века источника литературного языка для носителей рубежа XX-XXI-го, художественные тексты той роли уже не играют, – можно было бы сделать вывод о том, что интересующее нас слово, как слово, изменило свой значимый для последнего времени и, соответственно, представления и восприятия характер. Став разговорными, то и другое слово, с учетом не в последнюю, если не в первую, очередь, того, что они означают, могут свидетельствовать об ощущаемой в них обоих оценочности. Вопрос, к которому в дальнейшем мы еще обратимся.

Небезынтересным и вместе с тем показательным можно было бы также считать не то, чтобы семантическую редукцию, но, видимо, некое переосмысление и перестановку акцентов в обоих словах. Если словарь Т.Ф. Ефремовой, не исключено, что под влиянием и вслед за МАС, определяет *многолюдье*, а с этим и *многолюдство*, как ‘большое скопление, количество’ (в отношении людей), то БТС это первое, т.е. ‘скопление’, опускает, определяя то и другое лишь в отношении ‘количества’. Немаловажно и показательно, что ни в МАС, ни в ТСУ, ни у Даля ‘количество’, как параметр и, соответственно, как семантический признак, при определении данных слов не используется.

Теряется, следовательно, с учетом последнего времени, имевшееся ранее, более или менее ясное, представление о скоплении, стечении, собирании, постепенном и как получившийся результат, – отражаемое в показателе $Congr(Temp_i)$, пусть и скрытом, но все же предполагаемом. И остается лишь представление о $Quant^{Mag}(Populi)$, при сохраняющемся, хотя и не выраженном прямо в определении, положении к месту $>Loc(Idem)<Est$, находящем свое отражение в приводимых примерах.

В связи с ними (примерами в БТС) можно бы было задуматься, в отношении характера восприятия места и большого количества людей к данному месту, о возможном различии между тем, что выходит из *многолюдства* и из *многолюдья*, при семантическом их неразличении. Ср.: *М. [многолюдство] большого города. М. [многолюдство] собрания*, с одной стороны, и *М. [многолюдье] Невского проспекта*, с другой.

Тем самым, с одной стороны, обобщенное и отвлеченное представление (*М. [многолюдство] большого города*), на что уже обращалось вни-

мание и что уже отмечалось через *LocLoc* (*Locus loci*) на основе иллюстративных примеров из МАС: ‘(слишком) большое количество людей одновременно находящихся, обращающихся во многих (слишком многих) местах’. При возможности представления скопившихся, собравшихся, пришедших, но в одно место к тому же в стеснении, воспринимаемых не столько как $Congr(Temp_i)$, опираясь на определение в БТС, сколько как $Quant^{Mag}(Populi)$ по отношению к $Loc(Idem)<Est$ ‘(слишком) большое количество находящихся в одном месте людей’.

И тогда показателями, объясняющими смысл *многолюдства*, были бы представления о ‘слишком большом для количества в слишком многих, возможно одновременно, местах либо в одном каком-либо, предполагающем в связи с этим стеснение, месте, для пребывающих, находящихся в нем в данное время людей’.

С другой стороны, в свою очередь, не стремясь к обобщению, но обращая внимание на характер возможных отличий, при *многолюдье* (*М. [многолюдье] Невского проспекта*) ни ‘стеснения в одном месте’, ни ‘слишком большого количества во многих (слишком многих) одновременно местах’, приводимый иллюстративный пример не содержит, отмечая только большое количество $Quant^{Mag}(Populi)$, воспринимаемое к тому же как положительно демонстрирующий, определяющий достопримечательную особенность данного места (*Невского проспекта*) характер, его привычную, для него специфическую, особенность и черту. На Невском проспекте обычно, как правило, однако все же, скорее, в дневное время, можно встретить, находится, движется много людей, и в этом его особая прелесть и показательная для Петербурга черта как неповторимого и определяющего лица этого своеобразного города. Нечто подобное можно почувствовать за таким отражением, и это также будет одной из существенных составляющих разбираемых в отношении 'многолюдства' и 'многолюдья', а с ними других, но, прежде всего, представлений, не слов.

Что небезынтересно и можно считать показательным в отношении расходящегося развития *многолюдства* и *многолюдья*, однако в данном случае, по-видимому, скорее, как слов, хотя вопрос этот не представляется однозначным, – национальный корпус русского языка, как демонстрирует обращение к нему, содержит в составе собранных составителями примеров почти в два раза больше на *многолюдство* (120) по сравнению с *многолюдьем* (70). Соотношение это, впрочем, не может свидетельствовать в пользу большей активности для последнего времени первого слова сопо-

ставительно со вторым, показывая, скорее, его все же бóльшую свойственность текстам художественным и не только сравнительно недавнего времени.

О возможных концептуальных тенденциях времени

Обозначив указанную тенденцию, представляющую собой проявление общего изменения во времени (что, впрочем, уже отмечалось, с отходом от книжной художественности, в качестве отображаемого и ощущаемого говорящими образца, к пластам языка, которые ближе к явлениям разговорности и, скажем так, медиальности, предполагающей не то, чтобы снижение, хотя это тоже, сколько массовизацию и эгалитаризм со снятием с литературного языка налета и признаков элитарности), – в приводимом в национальном корпусе материале попробуем поискать не столько то, что свидетельствовало бы в какую-то сторону разговорности либо книжности разбираемых слов, равно как и чего-то другого в том же ряду, сколько, не исключая этого, возможных отличий, через семантику, ощущаемых внутренне представлений того, что считается, воспринимаясь как 'многолюдство', от того, что считается, воспринимаясь как 'многолюдье'.

Исходя, с одной стороны, из мысли, что, если имеются два слова, обозначающие в принципе то же самое и фиксируемые как тождественные в существующих словарях, то, видимо, не только в большей или меньшей активности, при совпадении также стилистики (по определению в БТС, где оба слова равно даются как разговорные), должна и может состоять особенность их речевого употребления. Но и в чем-то еще.

В том, в первую очередь, и это будет с другой стороны, что составляет различие в закрепленных, имеющихся в ощущении носителей языка, а также и языкового сознания, представлений по поводу того и другого. Представлений, которые, проявляя себя в употреблении соответствующих слов, с ними связанных и их эксплицирующих, если не называющих (поскольку такое может быть не всегда: проявляется в речи нечто, что номинативно может себя и не отмечать, так, чтобы быть дефинитивным и дифференцирующим), – будут и могут стать показателями (речь идет об указанных представлениях) того, что составляет тонкую грань перехода и претворения смысла. От одного его импульсивного восприятия к близко с ним связанному, незаметно действующему в сознании, но слегка и отчасти другому. Поскольку, занимаясь семантикой 'многолюдства' для языкового

сознания на основе имеющихся в языке близко связанных своими значениями слов, неизбежно приходится говорить об этом и обращаться к этому.

Прежде чем перейти к рассмотрению выбранного из национального корпуса иллюстративного материала в указанном перед этим ключе, небезразличным было бы обозначить получившееся вследствие проделанных рассуждений представление о 'многолюдстве' в каком-то себя объявившем виде. С тем чтобы, имея его в виду, попытаться увидеть, как и что из него отражает себя, добавляя, снимая, переставляя либо преобразуя, в употреблениях.

Данное проявившее себя представление видится следующим. 'Многолюдство', а также многое из имеющегося в языковом сознании с ним близко связанное, можно было бы определить как то, что ‘людям / народу свойственно собираться, сходиться, стекаться в большом количестве (а также очень, слишком большом) в одно место одновременно либо встречаться в большом количестве (очень, слишком большом) в разных, многих, слишком многих одновременно и не одновременно местах как частях ме́ста большего, перемещаясь, двигаясь там либо находясь неподвижно’.

Черта эта как свойство, что видится необходимым добавить, способна себя проявлять как ‘явление в отношении места / мест стечения, собирания постоянное, периодическое, регулярное либо себя объявляющее время от времени, спорадически или спонтанно’.

Так же как скорость перемещения, передвижения находящихся в 'многолюдстве', если таковая себя объявляет, как всех, так и отдельных людей, может быть, вызванная какими-то побуждающими причинами, разной, равно как и не однонаправленным осуществляемое ими движение. Люди могут бежать толпой в одном направлении, могут, будучи собраны вместе, находиться в разнонаправленно хаотичном перемещении, кто-то из них, по отдельности или группами, может с различной скоростью передвигаться внутри.

Все эти признаки в их различиях и совпадениях, что важно отметить, выражаясь, хотя не обязательно и не всегда, в употреблениях в речи, не меняют общего, объединяющего их представления о самом 'многолюдстве'.

Народ (*люди*): к отображению близлежащих значений

Касаясь вопроса о том, кому свойственно так собираться, имеет смысл обратить внимание на различие между имеющимися в сознании

представлениями, передаваемыми с помощью часто встречающихся в этом случае единиц ‘люди’ / ‘народ’. Обращение к словарям, начиная с Даля вплоть до последнего времени, дает картину практически неизменную. *Народ* толкуется в интересующем нас, представляемом везде последним, значении, хотя и с помощью разных слов, но как ‘люди’. Однако не просто как ‘люди’, а как (у Даля явно) их ‘множество’. В связи с чем неизбежен вопрос – что такое ‘множество’ применительно к ‘людям’ и как его понимать, если таковое ‘их множество’ будет ‘народ’.

Пойдем в этом важном для нас вопросе по порядку.

Даль дает такое определение разбираемому представлению как слову: «**НАРО́ДЪ** м. людъ, народившійся на извѣстном пространствѣ; люди вообще; языкъ, племя; жители страны, говорящіе однимъ языкомъ; обыватели государства, страны, состоящей подъ однимъ управленьемъ; чернь, простолюдье, низшія, податныя сословія; множество людей, толпа».

Выделяется семь смысловых позиций, связываемых в каждой из них с представлениями о ‘людях’ – 1) по отношению к объединяющему их пространству рождения, появления на свет; 2) по отношению к общей для них родовой принадлежности, люди по роду, как человеки, биологический вид; 3) по племенной принадлежности, общему роду-племени, общему корню, происхождению, а с этим, как следствие, национальности; 4) по объединяющей их стране проживания и характерному для нее, также объединяющему их, языку; 5) по принадлежности данному государству с объединяющим подчинением общим законам и его властям; 6) по принадлежности низшим, не привилегированным, а потому и воспринимаемым как не различимая общая масса, слоям (в отличие от индивидуализируемого представления о представителях высших сословий); 7) люди в их собранном вместе большом количестве, объединяющей их неразличимо неорганизованной массой – ‘толпой’.

За всем этим, отвлекаясь от различающих в каждом случае параметров, стоит представление о ‘людях как некой целостной совокупности’. Как о том, что присутствует в языковом и не только языковом сознании в виде такой из ‘людей состоящей совместности’, при которой и в общем, объединяющем их составе которой отдельности их не значимы и как отдельности не различимы. Иными словами, 'народ' – это только и всегда только представляемое по одному из возможных параметров ‘объединение, обычно большого числа, людей, воспринимаемых как интегрирован-

ная, снимающая различия между ними и их уравнивающая, эгалитарная, целостность’.

В отличие от 'людей', когда они собраны и находятся вместе одновременно в большом числе, мыслящихся, представляемых все же в своей расчлененной отдельности. Ср.: *На улице много народу* с *На улице много людей*; *Ну и народу набилось!* с *Набилось [куда-то]* (*слишком*) *много людей*. При том, что *Ну и людей набилось [куда-то]!* (мысль о куда-то неизменно присутствует, поскольку само представление о *людей* конкретнее, чем *народу*), хотя и возможно, но менее употребительно, менее ярко и не так эмотивно окрашено. Если при *Ну и народу набилось!* выражает себя, способно, может себя выражать, недовольство либо, напротив, более или менее скрытое восхищение, то при *Ну и людей набилось [куда-то]!*, скорее, идея препятствия, невозможности быть, находиться, пройти либо (хотя, возможно, и одновременно) необычности, непривычности, исключительности данного положения для данного места, в котором не всегда и не как правило столько людей.

Одновременно с этим, в соотношении с указанной эмотивностью первой фразы, представление о 'народе' в наблюдаемом большом количестве собранных предполагает дистантность, взгляд несколько сверху и со стороны. 'Народ' в данном случае – это те, говоря о которых, субъект представляет, не относя себя к ним, он вне их и, находясь вне их, чувствуя себя, может их в столь немалом количестве сбившихся вместе, возможно толпящихся, констатировать.

В связи с обозначенным немаловажным видится обратить внимание на то, что значит ‘большое количество’ (показатель $Quant^{Mag/Major}$). Какое число собравшихся вместе можно воспринимать как большое? А также что можно и следует понимать под представлением ‘множества’? Поскольку при том, что, хотя у Даля о множестве говорится только в последнем случае (‘множество людей, толпа’), во всех остальных перед этим неизменно нечто подобное, не упоминаясь прямо и непосредственно, будет иметься в виду.

В отношении большого количества, видимо, следует опираться на нормативно-привычное представление носителей языкового сознания о действующей применительно к случаю мере, с интерпретирующим восприятием этого представления говорящим при употреблении в речи. Большое количество (если иметь в виду разбираемое 'многолюдство', а также 'народ' в последнем значении у Даля) связывается, в первую очередь,

с местом (показатель *Loc* либо *LocLoc*). С тем, где таковое собрание наблюдается либо, воображаясь, допускается или видится говорящим.

В воспринимаемом или воображаемом в этом случае месте либо а) далеко не всегда или обычно не собирается сразу столько людей. Либо б) собираются, могут в таком количестве быть, и это для данного места обычно, составляя его при этом, возможно, что характеризующую, черту. Однако не все или же далеко не все места подобного рода такой чертой, как их выделяющей на фоне других, обладают. Либо в) большое количество собранных в данном месте, том или ином, мыслится обобщенно, вне конкретизируемой связи к воспринимаемому, чувствуемому и созерцаемому состоянию определяемого места. Как отвлеченно действующее в сознании представление о немалом числе громоздящихся, сбившихся, плотно стоящих, находящихся где-либо вместе людей.

И, наконец, возможно еще одно представление, исходящее от субъекта и связанное с его собственным восприятием и эмоциональным настроем в данный момент, обусловленными г) неожиданностью либо его нежеланием видеть, увидеть какое-то, даже не слишком, возможно, большое по общим критериям (субъективно смещенное отображение меры и нормы) количество находящихся в данном месте людей.

Четыре условно выделенных нами параметра представлений о большем, чем ожидается и чем привычно, количестве, связываются с проекциями сознания в отношении показателей а) повторяющей себя регулярности для чего-то (*Reg*), знания о том, что́ и как обычно бывает и происходит; б) типизирующей черты (*Propr*), выделяющей на фоне таких же других, как характеризующая и свойственная чему-то; в) способности воображения представлять непосредственно не наблюдаемое в каком-либо отвлеченном и обобщающем виде (*Abstr*), возможно также при этом, не существующем. И, наконец, для г) в показателе индивидуализирующего, субъективного восприятия (*Subj*). В связи с чем можно было бы говорить об организующих ориентирующие представления категориях регулятивности, свойственности, абстрагируемости и субъективизации, в первую очередь, не языкового сознания, находящих свое неизбежное отражение и выражение также и в языковом.

Что касается упомянутого неоднократно представления ‘множества’ в отношении собравшихся вместе ‘людей’, сошлемся в этом месте на замечания О.Н. Ляшевской. Говоря о типах числового оформления различных объектов с помощью имен существительных для русского языка, она вы-

деляет дискретные (расчлененные, согласно грамматическим представлениям) множества, имеющие формы единственного и множественного числа (типа *команда – команды*, *толпа – толпы*); совокупности, или недискретные (нерасчлененные) множества, выражаемые существительными singularia tantum (*большинство*, *молодежь*); так называемые множественные совокупности, также обозначающие недискретные множества, «у которых по каким-то причинам вместо формы ЕД выбирается форма МН», определяя эту группу как особую разновидность, выражаемую существительными pluralia tantum (*кадры*, *родные*, *домашние*, *верхи*, *низы*).

И небольшое число неисчисляемых существительных, попадающих в переходную зону между классами совокупностей и множественных совокупностей, обнаруживающих колебание в числовом оформлении (*власть ~ власти*, *штат* (*сотрудников*) ~ *штаты*)[2]. Имея «несколько вариантов концептуализации … Существительные *меньшинство* и *народ* обозначают либо совокупность людей (*я оказался в* ***меньшинстве***, *там полно* ***народу***), либо множества (*национальные и расовые* ***меньшинства***, ***народы*** *Африки*); как показывают приведенные примеры, денотаты имен в первом и втором типе употреблений различны»[3].

Интересовать нас все это будет в том отношении, что, как она замечает далее, «Имена множеств обозначают несколько предметов или лиц, объединенных выполнением определенной функции: *артель* (ср. *рабочие*), *делегация* (ср. *делегаты*) … Объединение предполагает единство места и обозримое количество элементов множества. Число элементов a priori не фиксировано, но каждое понятие включает представление о примерном числе элементов (в норме), и множество поддается количественной оценке (*большая свита*, *маленькая делегация*). В ряде случаев появление элементов разнесено во времени, и одновременное сосуществование элементов невозможно, однако принцип единства места сохраняется (например, *сериал*…)»[4].

«В отличие от названий множеств имена совокупностей обозначают лица и предметы, не связанные единством места и времени. Совокупности – это классы, задаваемые определенным набором значений признаков. … Отнесение нескольких предметов к совокупности означает наличие у них общих признаков. … одни классы включают в себя другие, поэтому все

---

[2] Ляшевская О.Н.: *Семантика русского числа*. Москва 2004, с. 153, 161.

[3] Там же, с. 161.

[4] Там же, с. 161-162.

единицы, относящиеся к более мелкому классу, относятся также к более крупному … (ср. *человечество – аристократия*). … части с уникальными свойствами попадают в класс совокупностей (*большинство, молодежь*), а допускающие существование однородных частей – в класс множеств (*дивизия*…). У имени *меньшинство* отнесение к классу совокупностей или множеств зависит от категоризации обозначаемого как единственной части, противопоставленной *большинству*, или как неединственной (одной из многих меньших частей), ср. *национальные меньшинства*»[5].

Приведенная большая цитата позволяет еще раз обратиться к рассмотренным перед тем представлениям. Итак, согласно отмеченному у О.Н. Ляшевской, множество от совокупности отличает три основных параметра: наличие объединяющей функции, единство места при обозримости элементов с представлением об их примерном в норме числе (обозримость и нормативность количества проявляются применительно к месту) и отношение ко времени, которое, если и не едино, то также присутствует как "обозримое".

Совокупности, в свою очередь, отмечаются наличием объединяющих признаков, имеющих категоризирующий характер, что связывается с их отношением к «иерархическому устройству понятийной системы». Отличие между множествами и совокупностями, тем самым, выражается в том, что если множества связываются с «понятиями о естественных группировках элементов», то совокупности определяют «понятия, отражающие представление о категориальном членении воспринимаемого человеком мира»[6].

Из чего будет следовать представление о том, что множества суть проявления собранных элементов чего-либо однородного (людей, в интересующем нас случае) в их непосредственном или воображаемом, приписываемом, наблюдении в реальной действительности («понятия о естественных группировках»). И тогда знания, стоящие за подобными представлениями, будут знаниями по своему происхождению главным образом эмпирического характера. В то время как совокупности следует относить к тем знаниям, которые связаны с классифицирующими представлениями о мире («понятия, отражающие представление о категориальном членении»), не находящими обычно свое выражение в наблюдаемой реальности.

---

[5] Там же, с. 162-163.

[6] Там же, с. 162.

Исходя из сказанного, обратимся еще раз к семи значениям слова *народ* у В.И. Даля. Первые шесть (по отношению к пространству рождения, родовой принадлежности, общему происхождению, стране проживания и языку, принадлежности государству, низшим слоям) будут собой представлять совокупности. И только седьмое, последнее (люди, собранные вместе в большом числе как толпа), следует воспринимать как множество. Будучи наблюдаемым либо же представляясь как наблюдаемый в воображении, объединяет 'народ' в этом значении общее место его нахождения в определенный момент, при обозримости, необходимо добавить, и примерном в норме, хотя и большом, числе составляющих элементов (людей). Что касается объединяющей функции, ее следует понимать как причину, заставившую, побудившую либо просто приведшую, к тому, чтобы людям в данном месте в данное время вместе собраться либо сойтись[7].

Интерес в этом смысле может представить употребление слова *народ* в каком-либо объединяющем тексте. К примеру, в «Борисе Годунове» у Пушкина слово это встречается многократно. Обозначая, по замыслу, категоризирующее по своему характеру и нагрузке и важное для поэта противопоставление верха низам, царя своим подданным, правителей, власти, боярства тем, кем они управляют, слово это в употреблениях неоднозначно. Уже с первых строф разговора Воротынского с Шуйским можно отметить объединение, в принципе, всех семи выделяемых Далем значений (курсив мой – *П.Ч.*):

Воротынский

Наряжены мы вместе город ведать,
Но, кажется, нам не за кем смотреть:
Москва пуста; вослед за патриархом
К монастырю пошел и весь *народ*.
Как думаешь, чем кончится тревога?

---

[7] В связи с чем вызывает сомнение приведенный О.Н. Ляшевской пример в отношении переходной зоны между классами совокупностей и множественных совокупностей, где она сообщает о том, что «Существительные *меньшинство* и *народ* обозначают либо совокупность людей (*я оказался в* ***меньшинстве****, там полно* ***народу***), либо множества (*национальные и расовые* ***меньшинства****,* ***народы*** *Африки*)». ***Меньшинство***, в котором «я оказался», так же как и ***народ***, которого «там полно», отмечают явления наблюдаемые, связанные единством функции, места и времени. Иными словами, множества. В то время как *национальные и расовые* ***меньшинства***, равно как и ***народы*** *Африки*, наоборот, обусловлены представлениями существующей в сознании абстрагирующей категоризации, иллюстрируя собой совокупности. Приводимые ею примеры в скобках поэтому следовало бы переставить.

Шуйский

Чем кончится? Узнать не мудрено:
Народ еще повоет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится…

«К монастырю пошел и весь *народ*», с одной стороны, отмечает реально существующее, вместе собравшееся множество, толпу людей (7-е значение), направившихся к монастырю. В то же время, с другой, это представители, в первую очередь, низших сословий, московские жители, которыми наряжены ведать бояре, над ними поставленные, те, за кем им смотреть (6-е значение).

При том, что эти два, объединенных вместе, значения необходимо воспринимать как ведущие, 7-е – актуализированное к употреблению (изображению) в тексте, 6-е – как его объясняющее и прямо с ним связанное, пять остальных (по отношению к пространству рождения, родовой отнесенности к людям, общности происхождения, стране проживания и языку, принадлежности государству с подчинением его властям и законам), неизбежно присутствуют, действуя совместно с 7-м и 6-м в семантическом и концептуализированном конкордансе. То же самое, поскольку это все тот же к монастырю пошедший 'народ', относится и к ответной реплике Шуйского («Народ еще повоет да поплачет»).

Вместе с тем не следует думать, что представление с совмещением едва ли не всех значений действует постоянно. Во фразе Шуйского несколько далее «Когда Борис хитрить не перестанет, Давай *народ* искусно волновать, Пускай они оставят Годунова» 7-е значение не проявляется. *Народом* здесь названы, в первую очередь, если не единственно, московские городские низы (6-е значение). В то время как в следующей тут же ответной реплике Воротынского «Да трудно нам тягаться с Годуновым: *Народ* отвык в нас видеть древню отрасль Воинственных властителей своих. Уже давно лишились мы уделов, Давно царям подручниками служим, А он умел и страхом, и любовью, И славою *народ* очаровать.» 6-е значение, хотя и присутствует, но более значимым видится 5-е (по принадлежности к данному государству с подчинением его властям и законам), с подразумевающимися 4-м (страна проживания с ее языком), 3-м (нацио-

нальная общность), 1-м (пространство рождения) и 2-м (отнесенности к людям). И сразу же вслед за этим:

Шуйский
(Глядит в окно.)
Он смел, вот все – а мы... Но полно. Видишь,
Народ идет, рассыпавшись, назад…

народ выступает, себя проявляя в 7-м актуальном значении, как ‘движущаяся и расходящаяся в разные стороны масса людей’, при не существенных в данном контексте всех остальных значениях.

В следующем словоупотреблении, что показательно и неслучайно, народ выступает как персонаж, говорящая одновременно толпа, в толпе, выразительно слышимые голоса из толпы. И это было бы снова 7-е значение при неактуальности остальных, причем присутствие его обозначено в тексте на Красной площади, именно как персонажа:

Народ
Молчать! молчать! дьяк думный говорит;
Ш-ш — слушайте!

Не менее интересно использование слова *народ* в непосредственно следующем за этим контексте. Идти упрашивать Бориса на царство собираются представители всех московских сословий во главе с патриархом. Передается это в виде такой последовательности, иерархической по своему существу:

Заутра вновь святейший патриарх …
Воздвижется; а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди
И весь *народ* московский православный,
Мы все пойдем молить царицу вновь…

Сначала пойдет патриарх, с ним синклит, после чего бояре, дворяне сонмом, выборные (от разных сословий) люди и, наконец, весь *народ,* определяемый как московский православный. Или, иными словами, низы (6-е значение), и, будучи собраны вместе, – толпа (7-е).

То же самое, в продолжение, наблюдается далее. Народ, собравшись, пошел и в результате: «Вся Москва Сперлася здесь … Все ярусы соборной колокольни, Главы церквей и самые кресты Унизаны *народом*»; «*Народ* завыл, там падают, что волны, За рядом ряд... еще... еще... Ну, брат, Дошло до нас; скорее! на колени!» 6-е значение становится неактуальным, отсту-

пая на второй план, ведущим оказывается 7-е. И снова народ – персонаж, при этом актуализируется значение 5-е (подданные царя и его государства):

Народ
(на коленах. Вой и плач.)
Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

Последующие словоупотребления в пушкинской пьесе повторяют отмеченное. Фигурируя как персонаж, 'народ' проявляет себя, главным образом действуя собранной вместе толпой (7-е значение), обычно при этом в противопоставлении высшей власти, царю (значение 5-е), реже и дополнительно, воспринимаясь как представители низших сословий (6-е), при возможном подразумеваемом в отдельных контекстах присутствии менее значимых для разбираемого текста всех остальных, в порядке, как это было отмечено в самом начале от 4-го к 3-му, 1-му и менее значимому из всех остальных 2-му.

Общим выводом из проделанных наблюдений над употреблением слова *народ* в данной пьесе было бы то, что, помимо актуализации 7-го значения как ведущего в наиболее значимом и характерном его сочетании с 5-м и менее значимом, но время от времени повторяющемся, соединении с 6-м, при неактуальности всех остальных, необходимо отметить такую особенность. Если принять, что 7-е значение проецирует множество, в то время как шесть предыдущих определяются как совокупности, множество, если оно себя проявляет через 7-е значение как ведущее, допускает в контексте употребления присутствие подразумеваемых либо совмещенных с ним совокупностей. В то время как, если ведущей становится какая-то из совокупностей (одно из значений первых шести), проявления множества (7-го значения) не наблюдается.

Как представляется, и такой вывод был бы понятен и объясним: множество, будучи по своему характеру представлением конкретизированным, поскольку привязанным к месту, осуществляемой функции и отношением ко времени, если себя проявляет каким-то значением в контексте, допускает возможность присутствия при себе совокупностей, как значений концептуально-категоризирующей отвлеченности. В то время как совокупности, по той же причине, если проявляют себя как основные значения в каком-то контексте, одновременного при себе присутствия значения множества не будут предполагать.

Возвращаясь к вопросу о разбираемом 'многолюдстве', необходимо заметить, что оно представляет собою, в первую очередь, множество, а тем самым, если 'народ', то в 7-м по Далю значении. Совокупность, если таковое для 'многолюдства' возможно и себя обнаружит, то в каком-то особом случае, на который предстоит обратить внимание.

Соответственно, если множество, определяясь единством функции, места и времени (при его возможной смещенности), можно представить, опираясь на приведенные замечания О.Н. Ляшевской, в виде сочетаемых признаков, применительно к ‘людям’, как

$$Quant^{Norm}(Populi)>Loc[Temp](Idem)<Func,$$

то 'многолюдство', что было показано ранее, в виде

$$Quant^{Mag/Major}(Populi)>Loc[Temp](Idem)< Congr/Est,$$

необходимо рассматривать как его разновидность. При отличии параметра ‘большого количества собранных вместе людей’ $Quant^{Mag/Major}$, как проекции в отношении $Quant^{Norm}$, параметра *Est* как функции, *Func*, в отношении ‘сошедшегося перед тем, *Congr*, нахождения, пребывания’, вызванного какой-то причиной *Caus*. В то время как множество предполагает $Quant^{Norm}$ (норматива), т.е. не обязательно большого количества, *Mag/Major,* а *Func* не только сошедшегося присутствия *Congr/Est*.

'Многолюдство', вместе с тем, представляя собой проявление множества, одно из возможных, конкретизированное в параметрах *Mag/Major* при *Quant* и *Est* для *Func*, имеет свои разновидности. Такие, к примеру, как дифференцируемые по *Mag* либо *Major*, когда это значимо, или отмеченные в различиях для *Congr/Est*, *Est(Stabil)*, *Const* либо *Vers*. Какими они могут быть, в том числе и другие, что собой представлять и будут ли по своему характеру для сознания парадигматичны, ответить на этот вопрос можно было бы, обратившись к материалу, передаваемому не только с помощью *многолюдства* как слова.

***Народ* в определении словарей**

Прежде чем затронуть данный вопрос, попытавшись его по мере возможности как-то решить, имеет смысл рассмотреть, как толкуется слово *народ* не только у Даля, но и в последующих, для сравнения, словарях. А также, вернувшись к затронутому перед тем составлению *многолюдства* и *многолюдья*, постараться увидеть, опираясь на употребления их как слов, ту семантику, которая, возможно концептуально, может их различать. Возможно не только концептуально, но и в ощущении говорящего. Исходя

из предположения, что если имеется два и более способов выражения чего-то общего в языке, представляемых как тождественные по словарям, то в речевых проявлениях они таковыми могут уже и не быть, передавая и отображая то, что не обязательно ощутимо и выразительно для сознания.

МАС (1983 г.) объясняет слово *народ* как «**1.** Население, жители той или иной страны, государства». 4-е и 5-е значения из выделенных по Далю, а также, возможно, и 1-е, т.е. жители страны и граждане данного государства объединены, с подключением к этому тех, кто народился на данном пространстве, но без явного о том представления. «**2.** Нация, национальность, народность» (3-е значение у Даля, определяемое у него как «языкъ, племя»). «**3.** *только ед. ч.* Основная трудовая масса населения страны (в эксплуататорских государствах – угнетаемая господствующими классами)» (6-е у Даля значение – «чернь, простолюдье, низшія, податныя сословія», т.е. низы). «**4.** *только ед. ч.* (*род. п.* -а и -у). Люди» (2-е по Далю значение, «люди вообще»).

Сопоставление с Далем, прежде всего, обнаруживает разный порядок. В качестве основного вынесено обозначение жителей страны и одновременно также и государства как его граждан (в прежнее время – подданных). То, что у Даля дано на 4-м и 5-м месте, при неотмеченности 1-го (в МАС) в его словаре. Национальная принадлежность осталась на той же позиции (характером описания приходится пренебречь, как в силу изменившихся по сравнению с серединой XIX столетия особенностей концептуализации, так и по причине по-разному понимаемых слов).

То же касается представления о низших сословиях, простом народе, простонародье, простолюдинах, простолюдье у Даля, трудовой массы населения страны, с существенным, судя по всему в идеологическом отношении, уточнением «Основная». Из чего можно было бы делать несколько поверхностный вывод, что есть и какая-то дополнительная, еще одна, не основная трудовая масса страны. Однако это было бы неправомерно, поскольку определение *основная* в данном месте и в данное время (вторая половина XX века) для официального проявления русского языка имеет несколько иначе определяемый характер. *Основная* следует понимать как ‘ведущая, значимая в социально-классовом и количественном вместе с тем отношении для страны и при этом единственная (как масса)’, а не та, которая может другую какую-то как дополнительную и не основную иметь.

Небезынтересно и показательно то, что 4-е в МАС значение, по Далю соотносимое со 2-м, вытеснило его 7-е («множество людей, толпа»). *Народ*, тем самым, это ‘люди в каком-то количестве, не всегда и вовсе не обязательно, чтобы большом’. И тогда это было бы *множество* в грамматическом понимании этого слова как какое-то, в первую очередь, не единственное число. Хотя и не два, и не три, не четыре, при семантике *Quant* норматива. И если не столько, то сколько?

Приводимые в качестве иллюстрации к 4-му значению в МАС примеры отвечают отчасти на этот вопрос. *Загуляли мы у городского головы, – разный народ был: учителя, чиновники из семинаристов*. А. Островский, Трудовой хлеб. Сколько было таких людей, неважно, однако нельзя сказать, чтобы много, если учителя и чиновники из семинаристов. Под *народом* здесь понимаются представители разных общественных групп. Из чего можно сделать вывод об обобщенно-типологизированном употреблении слова.

Следующий пример едва ли не прямо дает представление о возможном количестве: *Домашний кабинет Лутонина был полон народу: сам, жена, Домна Борисовна, Иван Титыч, Орешков, Тохпан, Миша Коков*. А. Кожевников, Живая вода. Названы семь человек. Не так чтобы много, но все же немало для домашнего кабинета, в котором обычно, как правило, видимо, не бывает столько, а возможно также, и именно этих людей.

Народ, тем самым, обозначает, может обозначать, количество большее, чем для данного места или в данном месте бывает обычно, а отчасти, также возможно, и тех, кто в данном месте, если бывает, то не всегда. Хотя этот последний признак не обязателен. Из этого представления будет следовать ограниченное локально и в представителях, т.е. локативно-квантитативно-репрезентативное употребление слова, при факультативности последнего признака.

И, наконец, последний пример из МАС: – *Зови народ, – сказал он Ныркову. Люди быстро собрались у головной машины*. Чаковский, У нас уже утро. Сколько могло быть таких людей, без контекста неясно, но и контекст в данном случае ничего бы не разрешал. С одной стороны, это было бы обозримое, а тем самым, и не слишком большое количество, поскольку людей, собравшихся у одной только головной машины. С другой стороны, выражение *Зови народ* означает не столько то, что тех, кого позовут, имеется какое-то там количество, это неважно, сколько то, что это люди, где-то близко присутствующие, пришедшие, для чего-то собравшиеся, а пото-

му находящиеся и в доступном наличии при этом имеющиеся (показатель *Congr* при неактуальности *Quant*), которых стоит только позвать, чтоб пришли. И это было бы презенсно-циркумстативное употребление слова *народ* с точки зрения разбираемой семантики.

Указанные словоупотребления, реализующие подразумеваемые, в семантике слова исходно заложенные и в контекстах себя проявляющие соотношения, можно рассматривать отчасти как парадигматичные, поскольку имеющие повторяющийся и не случайный, чтобы не сказать регулярный, характер. Отчасти также и как соотношения валентностные (впрочем, это второе не исключает первого), связываемые с внутренним представлением не столько о том, что такое *народ* в его возможных значениях, общеизвестных и зафиксированных в словарях, сколько о том, что этим словом в привычных контекстах словоупотребления можно назвать. Контекстах, которые, реализуются в отношении обозначаемых ситуаций, с одной стороны, равно как с другой, предопределяются привычными сочетаниями данного слова с другими, в которых и через которые, обозначаемые как возможные, ситуации дают себя ощутить. Речь идет о клишированных по своему характеру сочетаниях (на основе примеров из МАС) типа:

- (*там, где-то, в каком-либо подходящем для этого месте*[8]) *разный народ был* (*собирался, собрался, случался, встречался, стекался, имелся, бывал, приходил, находился, набивался, крутился, вертелся, толкался*), с моделью *Loc(X) + разный народ + P(Praes)* [предикат присутствия];

- (*некое место, в некоем месте, где-то*) *полно народу* / (*было полно, был полон / полна* (о каком-либо помещении), *набилось, столпилось, собралось полно, масса, огромная масса, толпы, толпа, пропасть, прорва, невпроворот, не продохнуть от, не пройти, не воткнуться, не втиснуться от*) *народу*: *Loc(X) + P(Mult)* [предикат мультипликатива] + *народу*;

---

[8] Ограничение к характеру вероятного в данном случае места необходимо рассматривать как существенный в конституционно-ситуативном и семантическом отношении признак. Какими могут быть такие места, в которых возможен в своем собирании 'разный народ', – определение и описание этого должно составлять тот круг представлений языкового сознания, который связан с характеризуемой конситуативностью употребления слова, с одной стороны, выступая, с другой, проявлением существующих в данном ментально-культурном сообществе знаний в отношении реальной действительности. И, тем самым, является частью не только языкового сознания, но сознания как такового. Не говоря об отношении всего этого к языковой картине мира, а также модели мира (ММ), типичной для носителей данного языка, если не универсальной и как таковой.

- *зови(те)* (*собирай(те), созывай(те), скликай(те), кличьте, призывай(те), сгоняй(те), подгоняй(те), выводи(те)*) *народ*: *Imp(Convoc)* [императив конвокатива] + *народ*.

ТСУ (1938 г.), в свою очередь, содержит такие определения разбираемого слова: «**1.** Население, объединенное принадлежностью к одному государству; жители страны». И это значение в обоих его проявлениях, сопровождаемое цифрой **1.**, полностью соответствуя с тем, которое было представлено в МАС, с точки зрения акцента, отображаемого в порядке подачи, на первое место выносит, в отличие от МАС, параметр, связываемый с 'принадлежностью одному государству' (действие внутренне заданной и не случайной для времени этатически-унитаристской модели). В то время как идеологически менее заряженный определитель 'жители страны', как области проживания в определенных границах (теллус[9]-инхабитатив-финитива), подается вторым.

Сопоставление с Далем выглядит так же, как и для МАС. Отделяемые точкой с запятой 4-е и 5-е по порядку, а потому и различаемые в его словаре, проявления семантики слова (трудно было бы в отношении Даля говорить о значениях слова в лингвистическом понимании XX века) объединены в ТСУ, как и в МАС, в виде два в одном: 'жители страны с ее языком' и 'обыватели государства, страны, состоящей под одним управлением', но в обратном, как уже отмечалось, порядке. При подразумеваемом, но не эксплицируемом представлении 1-го ('народившихся на данном пространстве'), не актуальном для знаний XX века.

И далее в ТСУ: «**2.** То же, что нация, национальность». Так же 2-е значение в МАС, но без сложившегося в более позднее время терминологического различия понятий 'нация – национальность – народность' (в ТСУ значения этих слов толкуются одно через другое). И это 3-е определение у Даля – «языкъ, племя».

ТСУ: «**3.** *только ед.* В эксплоататорском государстве – основная масса населения (преимущ. крестьяне) в противоположность правящему, господствующему классу». Так же 3-е значение в МАС и таким же образом охарактеризованное, при замене «(преимущ. крестьяне)» в скобках на определение «трудовая» (масса) и прямом указании на ее угнетаемость в эксплуататорских государствах господствующими классами. 6-е определение у Даля – «чернь, простолюдье, низшія, податныя сословія».

---

[9] Лат. **I tellus, ūris** *f* 1) земля, земной шар … 4) область, страна, край (Aegyptia ‘Египет’).

ТСУ: «**4.** *только ед*. Люди (разг.)». Так же 4-е значение в МАС, но с пометой разг. в ТСУ и 2-е определение у Даля («люди вообще»). С иллюстрациями мультипликативно-презенсного (*Много народу. На народе. И поет при всем народе во саду ли в огороде*. Пушкин. *Народу было пропасть и в кавалерах не было недостатка*. Тургенев) и обобщенно-типологизированного (*Старушки всё – народ сердитый*. Грибоедов. *Народ в этом краю был суровый – охотники, лесовики*. А.Н. Толстой) употреблений слова.

В отношении интересующего нас в первую очередь 4-го и последнего значения в ТСУ, так же как в МАС, наблюдается, по сравнению с Далем, изменение представления. То, что у Даля дается 7-м («множество людей, толпа»), перестает восприниматься вне употребления, проявляя себя для 'людей' вне значительного их количества, хотя и в каком-то, не то, чтобы малом, числе. Впрочем, и в середине и не только в середине XIX столетия подобное представление существовало, о чем свидетельствуют примеры из словарей (Грибоедов, Пушкин, Тургенев, А.Н. Островский). Даль, давая определение для *народа* 'множество людей, толпа', отразил наиболее часто встречаемое и потому характерное употребление.

БТС и словарь Ефремовой, из современных (оба 2000 г. изд.), несколько различаются в определении разбираемого слова. В то время как БТС опускает в 1-м значении показатель 'государственной принадлежности' («**1.** Население той или иной страны»), так же как слово «жители», по сравнению с МАС, словарь Ефремовой его дает дословно, как в ТСУ: «**1.** Население, объединенное принадлежностью к одному государству; жители страны». Из чего получается, что для современного представления одно с другим не только взаимосвязано, но и присутствует одно в другом. Через концептуальное тождество страны-государства, при затруднительности выведения, что было бы первым, а что вторым. Результат, в известном смысле, длительного воздействия указанной ранее этатически-унитаристской модели.

2-е значение и в БТС, и в словаре Ефремовой, выглядят так же как в МАС («**2.** Нация, национальность, народность», БТС), с отсылочным представлением у Ефремовой «**2.** То же что: нация, национальность, народность». Так же как 3-е значение, с опущением указания на эксплуатацию и угнетение: «**3.** *только ед*. Основная трудовая масса населения страны» (БТС) и «**3.** Основная часть трудящегося населения страны», т.е. уже не *масса*, видимо воспринимаемое автором словаря как слово, заряженное

идеологически. При неясности, следовало бы добавить тогда, что значит «часть» и какую часть считать «основной», поскольку, если не «масса», то 'не основная часть трудящегося населения страны' уже не 'народ'? А ежели не 'народ', но при этом 'трудящееся население страны', тогда кто?

Оставим, однако, подобного рода сомнения и размышления, следующие из концептуальной туманности, порожденной идеологическими вкраплениями предыдущих эпох. О чем уже говорилось, но что все же не будет предметом специального интереса для нас, хотя и находит свое отражение в семантике.

Может, точнее было бы определять это 3-е значение *народа* в противоположение так называемым 'элитам' и 'представителям власти'? Воспринимаются ли они как 'народ' в этом 3-м значении (не 2-м и не 1-м)? Скорее всего, нет. И тогда ближе такому значению будет все же понятие не 'части', а 'массы'. Хотя эту 'массу' не следует как 'трудящуюся' и 'трудовую' воспринимать. Нетрудовая часть населения (дети, пенсионеры, инвалиды, а также живущие за чей-либо счет, включая сюда же так называемый деклассированный элемент, не всегда и не обязательно трудовой, и т.п.) разве уже не народ?

И, наконец, 4-е значение, в БТС полностью совпадающее с толкованием в МАС: «**4.** *только ед. ч.* (*род. п.* -а и -у). Люди». С примерами, аналогичными рассмотренным ранее, презенсно-мультипликативного и обобщенно-типологизированного характера. Словарь Ефремовой, определяя это значение так же, содержит даваемое в скобках, соотносимое с 7-м у Даля, уточнение: «**4.** То же, что: люди (1*) (обычно много людей)». Представляя, тем самым, презенсно-мультипликативный характер употребления, по другим словарям, кроме Даля, как возможный оттенок значения.

Обращение к словарям, отмечающим изменения, произошедшие в языке в последнее пятнадцатилетие XX и в начале XXI века, связываемые с так называемой деидеологизацией, а точнее десоветизацией, дает возможность увидеть те значения, неизменно заряженные в мировоззренческом, а тем самым системоценностном, отношении у слова *народ*, которые были и остаются по-прежнему актуальными.

Толкований значений словари эти не дают, отмечая тем самым, что в отношении семантики изменений не наблюдается, но, как можно вывести на основе устойчивых сочетаний и приводимых с ними примеров, значения обращаются, главным образом, вокруг определяемого 3-м ('трудящаяся масса населения страны'). С характеристикой ухода в пассив: «В советск.

время. *Н. и партия едины! (лозунг)*. *Единение партии и народа всегда было и продолжает быть краеугольным камнем морально-политического единства нашего многонационального общества.* Сурков А. Заметки на полях истории литературы.»[10].

Коль скоро следует говорить о единстве народа и партии, то в сознании неизбежно два эти понятия, а следовательно также значения, так или иначе, разведены. Партия из народа, но партия над народом и народом руководит. Тем самым, речь идет о значении, при котором масса трудящихся соотносится с теми, кто, выйдя из этой массы, уже и не масса, поскольку массу ведет за собой (остаемся в пределах системоценностных ориентиров времени). И это будет значение 3.

Показателен в этом смысле пример, приводимый далее о единении партии и народа в отношении единства многонационального общества. Если общество многонационально, то оно состоит из 'народов' в значении 2. И тогда *народ*, который при единении с партией, это одновременно значение 1 ('население, объединенное принадлежностью к одному государству; жители страны'), т.е. все граждане данной страны-государства, и значение 3 ('трудовая часть населения'), т.е. все трудящиеся, сополагаемые по указанной характеристике с партией как своим руководителем и авангардом.

Вопрос о том, как соотнести значение 1-е в его одновременности с 3-м, был бы мировоззренчески не корректен, поскольку в данном случае речь идет и для сознания, воспринимаясь, действует как намеренно не случайное тождество: 'граждане-жители данной страны-государства' = 'трудящиеся, трудовая масса данного государства-страны'. Из чего также следует вывод, что те в данной стране-государстве, кто не трудящиеся, не относится к трудовой массе ее населения, не народ. Как в 3-м значении, что само собой разумеется, так и в 1-м, как неизбежное следствие приведенного тождества.

В этом месте следует обратить внимание на два, опять же мировоззренчески воспринимаемых, но не обязательно прямо и непосредственно определяемых, следствия. Те в стране-государстве, кто 'не народ' в указанных 3-м, а с ним и 1-м значениях, подразделяются на две категории.

С одной стороны, на тех, кто стоит над народом, будучи сверху, а потому и не масса-народ (значение 3). Номинально являясь 'гражданами данной страны-государства' (значение 1, которых 'жителями' ее как-то и не

---

[10] *Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения*. Под ред. Г.Н. Скляревской. Санкт-Петербург 1998, с. 413.

назовешь, эта часть значения нейтрализована), это особые граждане. Прежде всего, в отношении гражданских обязанностей и прав. Обладающие своими правами и с ними обязанностями, понимаемыми, скорее, как возможности и способность, которых нет у народа, т.е. всех остальных.

И на тех, с другой стороны, кто поставлен, стоит вне народа, за пределом его, поскольку не 'трудовая часть населения страны' (3 значение). А потому и не 'граждане данной страны-государства', хотя ее 'жители', физически в ней находясь (1 значение, вновь расщепленное на две составляющих). Не относясь к 'народу' в 3-м и с этим 1-м значении в его "государственной" части, это те жители данной страны-государства, которые лишены, поскольку "сами себя лишили", условно-идеологически либо фактически, общегражданских и государственных прав.

В таком понимании и представлении следовало бы характеризуемую семантику слова *народ* для советского времени и воспринимать. Как ‘трудящихся в их совокупности; граждан и жителей данной страны-государства, но обычных, простых ее граждан и жителей (не представителей власти, в первую очередь высшей, или так называемой номенклатуры), на свой хлеб зарабатывающих трудом, с добавлением к этому также и тех, кто находится либо на их иждивении (дети, в первую очередь), либо на содержании у государства (пенсионеры и инвалиды)’. Всех остальных, не подходящих под такое определение, к *народу* в 1-м и 3-м значениях не следует относить. При том, что во 2-м (‘нация, национальность, народность’) и 4-м (разг. ‘люди’, обычно ‘много людей’, с показателем $Quant^{i}$ либо $Quant^{Mag/Major}$) они будут к нему относиться.

И тогда приводимые в процитированном словаре языка конца XX века идейно отмеченные выражения *Во благо, на благо народа*, *Враг народа*, *Опиум (для) народа*, *Слуга народа* (о депутатах верховной и местной власти), – следует понимать применительно к сказанному. *Народ* в них фигурирует в 3-м в соединении с 1-м значениями. Исключение составляет *Отец народов* (о И.В. Сталине), в котором проявленным будет значение 2.

Словарь актуальной лексики начала XXI века, опуская все приведенные выражения, характерные для советского времени, а потому и к началу века воспринимаемые как вышедшие из активного употребления, сохраняет, передавая как продолжающее быть таковым, лишь одно – *Слуга народа* (о депутатах верховной и местной власти)[11]. Тем самым, противоположе-

[11] *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика.* Под ред. Г.Н. Скляревской. Москва 2008, с. 637.

ние обычных граждан, *народа* в 3-м и 1-м значениях (как населения данной страны, по БТС), но уже, видимо, не только тех, кого следует понимать как трудящихся, особым гражданам, не народу, а "слугам" его, продолжает быть актуальным, вместе с тем изменяя концептуальный характер. По сравнению с языком предыдущего состояния (второй половины XX века, отображенному, в первую очередь, в МАС).

Из всего сказанного по поводу слова *народ*, применительно к семантике 'многолюдства', следует сделать вывод о том, что его значение, определяемое последним по всем словарям и интересующее в отношении разбираемого предмета в первую очередь, по сравнению с языком времен Даля (XIX век, его первая половина), если и изменилось, то либо в перемещении акцентов, либо, что также не исключено, в характере интерпретирующего для языкового сознания восприятия. Того восприятия, которое находит свое отражение в толкованиях.

Если для Даля это сводилось к определению «множество людей, толпа», то в последующих словарях, начиная с ТСУ (первая треть XX века), затем МАС (вторая его половина), БТС (конец), то же самое находит свое объяснение в разговорном определении ‘люди’. Без указания на их большое количество собранных где-то вместе. За исключением словаря Ефремовой, в котором эта семантика передается, сопровождаясь пояснением в скобках «(обычно много людей)». При том, что в приводимых в качестве иллюстраций примерах семантика эта неизбежно отображена. Как семантика характерно-типичного и частотного словоупотребления.

В связи с чем, если и говорить о смещении акцентов, то наблюдать его можно в том, что показатель количества, не обязательно воспринимаемого, но обычно имеющегося присутствия собравшихся вместе где-то людей, смещается с $Quant^{Mag/Major}$ на *i*-тое $Quant^{i}$. И это лежит на поверхности восприятия слова *народ* в его данном значении. Все остальное в том же значении в показателях ‘тождества места-времени’, *Loc[Temp](Idem)*, ‘вместе собравшихся, находясь’, *Congr/Est*, присутствуя для сознания и находя свое выражение в употреблениях слова, в определениях его разбираемого значения отражения не находит.

Вместе с тем во всех возможных значениях для слова *народ* ведущим становится признак единства, а не количества, точнее единства в каком-то количественно представляемом множестве, не обязательно только большом $Unit(Quant^{i})$. Единство это воспринимается как совокупная целостность по одному из возможных параметров или нескольких одновременно,

в соответствии с Далем семи, в других словарях иначе распределенных, в том числе и параметру 'вместе собравшихся где-то людей' в последнем значении. Целостность, состоящая из своих представителей, что немаловажно, поскольку эти ее представители воспринимаются применительно к их принадлежности данному целому, по ней определяясь и типологизируясь, не в отдельной своей индивидуальности, т.е., иными словами, не вне ее.

Слова и стоящие за семантикой слов представления: 'многолюдство' и 'многолюдье'

Возвращаясь опять к *многолюдству* и *многолюдью*, отношение этих слов в их семантике к слову *народ*, было бы, может отчасти, тождественным, при совпадающем показателе $Quant^{Mag/Major}$, как одном из возможных, со всем при нем далее остальным, т.е. *(Populi)>Loc[Temp](Idem)< Congr/Est*, если бы не то указанное перед тем представление о непременном параметре *Unit*, которое не столько в референциальном, сколько в сигнификативном и концептуально-оценочном, а с этим, также отчасти, системоценностном, воплощении, отличает одно от другого.

В связи с чем возникает, как следствие, может не столько из сигнификативных, сколько концептуально-оценочных отражений, вопрос о возможном отличии *многолюдства* и *многолюдья*. Поскольку, как ранее уже отмечалось, коль скоро присутствуют в языке два не различаемые семантически и стилистически слова по словарям, в употреблениях они могут быть не подобны. И если имеет место такое отличие, то в чем оно состоит?

Для того чтобы разобраться с этим вопросом, обратимся к выбранному из национального корпуса материалу[12]. Как уже отмечалось ранее, при том, что в двух словарях последнего времени (БТС и Ефремовой) предпочтение было отдано *многолюдью*, в отличие от ТСУ и МАС, где ведущим было отмечено *многолюдство*, в основных материалах корпуса почти что в два раза в большем количестве представлено именно это второе. Источники, из которых отбирался в корпус иллюстративный материал, это, прежде всего, литература художественная и при этом не только последнего времени. Отсюда понятно получившееся несовпадение с предпочтением *многолюдства*. Подтвердить позицию двух названных словарей последнего времени в отношении первенства *многолюдья* можно было бы, опираясь на современный, конца XX века, материал.

[12] www.ruscorpora.ru [дата обращения: 6 июля 2018]

О различиях словоупотреблений при неразличении их словарной семантики

Семантические группы 'многолюдства'

Рассмотрим по вероятным семантическим группам некоторые примеры из выбранных (параметры их семантики охарактеризуем впоследствии).

Первую группу составит уже встречавшееся ранее представление, выведенное на основе примера из МАС, отмечающее то, что ‘(слишком) большое количество людей одновременно находится, обращается во многих (слишком многих) местах одного для них общего места (*Locus loci*)’, которое будет ведущим для восприятия смысла, передаваемого указанным показателем (общего места), по формуле:

$$[Quant^{Mag}(Populi>Loc)Est/Vers(TempSimult)]\mathbf{LocLoc}.$$

Действовать это может по-разному – поражая воображение субъекта, но, возможно, и утомляя его своей суетой, возможно также, притягивая, живостью, яркостью впечатлений, многообразием жизни в ее полноте, либо, напротив, отталкивая, вызывая в нем ощущение потерянности, неприязни, несовместности.

> С непривычки Москва одуряет, ошарашивает. *Многолюдство*, мелькание, спешка. Машины, люди, впечатления – всё теснится. [И. Грекова. Перелом (1987)] (курсив везде мой – *П.Ч.*)

> Ведомо мне, что твои взоры очарованы многошумной Европой и *многолюдством* родного моего Ньюкестля, где мореплавателей изрядно и есть чем утешиться образованному взору. [А.П. Платонов. Епифанские шлюзы (1927)]

> А в Париже на него давило одиночество, которое оказалось страшнее *многолюдства*, и он взахлеб ругал французов за их скупердяйство, вертопрахство и глупость. [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)]

> …дай Яне в кромешном *многолюдстве*, в домах, набранных крупным шрифтом, в каруселикольцевой дороге найти этого человека и вынуть из него одну маленькую, легкую, пустую вещицу из-под третьего левого ребра – даже дьявол искрошит о нее зубы!.. [Ирина Полянская. Жизель (1996)]

Конечно, там лучше, чем у нас, но всё же великая богиня, смотря на воздвигнутый ей уродливо громадный идол, скорбит и не хочет утешиться в мышиной суетне рабочего *многолюдства*, кующего доллары в дьявольски неустанном труде, ни в эффективной грандиозности грабительских трестов и синдикатов, выжимающих миллиарды долларов из трудящихся масс. [Ф.К. Сологуб. Публицистика разных лет (1904-1918)]

Улицы имеют уже почти деловой вид, несмотря на *многолюдство*. [О.А. Бессарабова. Дневник (1917)]

Голландия вспоминается мне как сплошной свет, тепло и веселье. И *многолюдство, многолюдство*!.. Так много детей и дам – невысокого роста блондинок, необыкновенно хорошеньких. [И.Е. Репин. Далекое близкое (1912-1917)]

Разновидностью данного представления можно считать то же самое, но не в общем (*LocLoc*), а в одном каком-либо месте, соответствующим образом воспринимаемым и своим многолюдством отмеченным, с формулой:

$$[Quant^{Mag}(Populi>Loc)Est/Vers(TempSimult)]\mathbf{Loc(Propr)}.$$

Ворота штейновской дачи постоянно оставались распахнутыми, автомобили теснились, и когда мы шли мимо, мама грустнела, хотя и не решалась признаться, как ей хочется туда, в *многолюдство*. [Н.В. Кожевникова. Сосед по Лаврухе (2003)]

Мне показалось, что он стал бояться нашего *многолюдства*. [Борис Васильев. Дом, который построил Дед (1990-2000)]

Встречи Нового года здесь всегда отличались *многолюдством*. [Встреча Нового года (1914.01.14) // газета «Раннее утро», 1914]

Особенным *многолюдством* отличалось собрание рабочих на спб. металлическом заводе. [Забастовки (1913.07.19) // «Новое время», 1913]

Но вокзалы побили рекорд *многолюдства*: ежеминутно вокзальные линии трамваев доставляют новые и новые толпы пассажиров, и поэтому в станционных помещениях, особенно около касс, – давка…[неизвестный. Москва перед праздниками (1913.01.06) // «Столичная молва», 1913]

Вторую группу составит также уже встречавшееся на примере из Грибоедова в ТСУ представление о ‘вероятной во времени повторяемости

для субъекта его окружающей массы людей’, вызывающей в нем неприятное чувство несвойственности, неспособности быть собой в одновременном присутствии многих и посторонних, деконцентрирующего в их движении раздражения либо усталости, с ведущим на этот раз показателем времени периодической повторяемости:

$$[Quant^{Mag}(Populi)>Loc(Idem/Pass)>Est/Vers]\mathbf{Temp}_{Iterat.}$$

Вот ещё с тех пор Зыбин люто возненавидел всякое *многолюдство* и избегал его пуще всего. [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)]

Меня в минуты этого *многолюдства* охватывает инфернальный ужас. [Сергей Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина (2008)]

Нужно отряхнуть с притомившихся плеч усталость от коммунальной жизни, от *многолюдства*, от круговорота, от тайного ощущения люмпенства. [Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008]

– Душа здесь у меня каким-то горем сжата, И в *многолюдстве* я потерян, сам не свой. (Цитата из Грибоедова) [Вячеслав Пьецух. Русские анекдоты // «Знамя», 2000]

Они гласили: «Познай себя самого»; «Ничего сверх меры»; «Мера – важнее всего»; «Всему свое время»; «Главное в жизни – конец»; «В *многолюдстве* нет добра»; «Ручайся только за себя». [М.Л. Гаспаров. Занимательная Греция (1998)]

Теляковский не любил такого *многолюдства* и предпочитал tête-à-tête с просителем. [П.П. Гнедич. Книга жизни (1918)]

Третья группа дает представление о ‘большом количестве вместе собравшихся где-то людей, либо стоящих, либо толкущихся, либо живущих где-либо, находясь там при этом’. И это может а) составлять препятствие необходимым образом для субъекта себя почувствовать и каким-либо образом проявить, ощутив или же показав свою отдельность от них, с тем чтобы не испытывать давящего ощущения, а также, возможно, и для того, чтобы привлечь к себе внимание кого-то; б) давать ощущение движущейся массы и с этим, как следствие, слияния с нею и всеобщего равенства; в) быть показателем множества как такового в знак благополучия и достатка (1) либо переизбытка тех или иных проявлений (2), в качестве свидетельства чего-либо или возможности достижения каких-то целей.

Определяющим в этом случае будет большое количество вместе собравшихся:

Quant^{Mag}*(Populi>Loc)>**Congr>Est/Vers/Inhabit**(TempSimult).*

а) Айя плыла в оглушительной немоте *многолюдства*, пытаясь выпрыгнуть из нее, вновь завладеть вниманием парня. [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]

И от *многолюдства*, от этого звонка у Игната ломило в темени. [И.А. Бунин. Игнат (1912)]

б) По своему *многолюдству* и демократичности это бесхитростное торжище напомнило мне «Чрево Парижа», знаменитый оптовый рынок, позже снесенный. [Сергей Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина (2008)]

И в миллионах гнездышек, и в *многолюдстве*, и в одиночестве, на лицах примолкших на миг людей является странное выражение. [Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008]

Саграда Фамилиа могла заменить все: и пространство, и одиночество, и *многолюдство*. [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005)]

Сейчас, ночью, когда не видно было ни одного человека, впечатление *многолюдства* было почему-то ощутимей, чем днем. [Л.Р. Кабо. Ровесники Октября (1964)]

в[1]) Наслег[13] последнего «противо Оленского округа наслегов обширностью и *многолюдством*, к тому же скотоводством и достаточеством имеет превосходство». [Д.И. Саврасов. Дело о редкостях, или первопроходцы (2003-2008)]

Долго на Нюрбинском озере они не задержались: 30 апреля они уже в тридцати верстах от Нюрбы в гостях у князца Жарханской волости Магандыка Клевинского, наслег которого «*многолюдством* и скотоводством весьма достаточен противу других мест скот конный и рогатый плодится и народы все богатые». [Д.И. Саврасов. Дело о редкостях, или первопроходцы (2003-2008)]

Ее необычайному успеху, *многолюдству* и огромности заключенных на ней сделок способствовали многие обстоятельства: постройка

[13] *Наслег* «**1.** *Ист*. Родовая, позднее сельская община у якутов.» (МАС) «|| *Наслегъ, сиб*. якутская деревня, аулъ, десятка в два юртъ (кибитокъ).» (Даль)

в окрестностях трех сахарных заводов и необыкновенно обильный урожай хлеба и в особенности свекловицы; открытие работ по проведению электрического трамвая и канализации; сооружение новой дороги на расстояние в семьсот пятьдесят верст; главное же – строительная горячка, охватившая весь город, все банки и другие финансовые учреждения и всех домовладельцев. [А. И. Куприн. Яма (1909-1915)]

в[2]) О *многолюдстве* сборищ свидетельствовал опустошенный холодильник, а также погром, учиняемый молодыми дарованиями в процессе репетиций. [Н.В. Кожевникова. Сосед по Лаврухе (2003)]

Или, напротив, только гадить будут больше, а проку от этого *многолюдства* не увидать?.. [Вячеслав Пьецух. Уроки родной истории (Пособие для юношества, агностиков и вообще) // «Октябрь», 2003]

Выйдя из кабинета, я удивилась *многолюдству*, и только взглянув на часы, поняла: вместо одного часа, предусмотренного графиком, мы с владыкой проговорили три. [Елена Чижова. Лавра // «Звезда», 2002]

Причину такого редкого расселения сами вишерцы объясняли так: «Дабы происходящим от *многолюдства* криком и от огня дымом не отогнать далеко зверя». [Финно-угорские народы. Манси (2001) // «Жизнь национальностей», 2001.12.28]

И вот среди *многолюдства*, томления и тесноты вдруг зазвенел высокий, еще юный голос – славу районного масштаба познавший тенорок. [Виктор Астафьев. Затеси // «Новый Мир», 1999]

Все это нищее *многолюдство* тосковало о том же, о чем мечтала беднота по всей Греции: об отмене долгов и переделе земель. [М.Л. Гаспаров. Занимательная Греция (1998)]

А девица моя бойкая оробела от *многолюдства*, но скоро от папы передавшееся чувство коллективизма и в ней взяло верх, и она уже ерзала у меня на ноге, смеялась вместе со взрослыми. [Виктор Астафьев. Веселый солдат (1987-1997) // «Новый Мир», 1998]

Такие похороны по *многолюдству* были невиданным зрелищем для Петербурга. [П.П. Гнедич. Книга жизни (1918)]

И мудро приурочил эту месть ко дню большого *многолюдства* в селе. [И.А. Бунин. Я все молчу (1913)]

Неполнота и иллюстративная случайность выбранных примеров не дают особых оснований для далеко идущих выводов в отношении частотности и предпочтений групп и внутри них. Все зависит от контекста и намерения автора. *Многолюдство* как слово дает возможность, не уточняя и не расписывая, показать предполагаемое состояние субъекта, как положительно им переживаемое, так и нет.

Заложенное представление в 'многолюдстве' может служить противопоставлению индивидуального и множественного, стирающего, подавляющего, замешивающего "я" в себя, мешающего ему при этом либо, напротив, растворяющего его в себе, давая ощущение причастности и единения с бóльшим. Равно как становясь объектом для наблюдения, констатации и оценки, – знаком полнокровно бьющей жизни, а с тем успеха, достатка, изобилия и деятельной суеты, живого интереса и заинтересованности многих, знаком события или явления, имеющего неординарное значение для какой-либо общности.

В качестве тенденции во времени можно было бы отметить, не претендуя, впрочем, на корректность в силу указанной неполноты приведенных примеров, некоторый рост в группе в^2 (в отношении переизбытка проявлений), по сравнению с группой в^1 (в качестве знака благополучия и достатка), при неизменности в количественном отношении в целом первой группы (большое количество в разных местах одного большего места) и остающейся изобразительной специфичности (повторяемость во времени) у второй.

Немаловажным для воплощения *многолюдства* в приведенных контекстах видятся также его не случайные сочетания с такими словами и оборотами, как *мелькание*, *спешка*, *тесниться*, *многошумный*, *суета*, *мышиная суетня*, *толпы*, *давка*, *вокзалы*, *круговорот*, *собрание*, *сборища*, *погром*, *томление*, *теснота*, *чувство коллективизма*, *невиданное зрелище*, соотносимые с ним по смыслу, его поясняющие либо усиливающие. К этому необходимо добавить названия городов, метрополий, территорий и стран, таких, как *Москва*, *Париж*, *Петербург*, из контекста *Ньюкасл*, *Голландия*, *Греция*, *Европа* и пр. Так же как противопоставляемые *одиночество*, *tête-à-tête* или передающие субъективное отношение неприятия *бояться*, *возненавидеть*, *избегать*, *инфернальный ужас*, *усталость*, *быть потерянным*, *не любить*, *оробеть*.

В сочетании, при выведении с распределением большего списка таких оборотов и слов, можно было бы получить достаточно полное концеп-

туально-оценочное представление о 'многолюдстве' для языкового сознания, вписывающее его в какую-то более или менее определенную нишу картины мира его носителей, в какой-то значимый для них в том или ином отношении и коммуникативно-мотивационный фрагмент.

Подразделения 'многолюдья'

Для лучшего представления о 'многолюдстве' имеет смысл сопоставить его с наиболее близким ему 'многолюдьем', – отражаемым в существующих словарях, в семантическом и стилистическом отношениях, как слово, от *многолюдства* не отличаемое, с указанием «То же, что». Объясняя эти два слова одно через другое, словари XX века (ТСУ и МАС), как уже отмечалось, в качестве основного определяют *многолюдство* через отсылку *многолюдья* к нему. В то время как два словаря последнего времени (БТС и Ефремовой) предпочитают обратный характер, от *многолюдства* к *многолюдью* как основному и, видимо, что следует полагать на основе подобной подачи, более употребительному и, тем самым, частотному.

Действительно ли это так и насколько так, судить без обращения к материалу имеющихся современных употреблений невозможно. Остается предполагать, что у составителей этих двух словарей были на то свои основания и причины. Не решая этот вопрос, хотя он бы мог, с учетом стоящей задачи, в случае того либо иного решения, подсказать направление, а также тенденцию современного восприятия и с ним отношения к разбираемому предмету, – оставим его без ответа, обратившись к тому вероятному различению, которое, не найдя и не находя своего отражения в лексемной семантике, может себя обнаружить и дать почувствовать при употреблениях слова в контексте.

Опираться при этом будем, как и в случае с *многолюдством*, на материал с *многолюдьем* из национального корпуса русского языка, выбранный в то же самое время и тем же способом – из первой и из последней страницы основного подкорпуса. Необходимости в распределяющем описании по группам всех содержащихся в нем примеров (120 для *многолюдства* и 70 для *многолюдья*) не было, что следует из задачи, скорее, иллюстративного и демонстрирующего характера с передачей того, что как наиболее вероятное в содержащемся материале есть, воплощая в себе черты, характерные для языкового сознания.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание в связи со сказанным, еще до возможного подразделения семантических групп применительно к употреблению слова в контекстах, это на то, что можно увидеть, почув-

ствовав на основе открывающего в основном подкорпусе с *многолюдьем* примера:

> В конце концов, может, и хорошо, что разрушил: одиночество тоже с каких-то пор перестало быть для него спасением, как не было им и *многолюдье*. [Василь Быков. Бедные люди (1998)]

'Одиночество', в сопоставляемом противоположении 'многолюдью' (что имело место и с 'многолюдством'), как способ не оправдавшего себя перед тем спасения, т.е., по-видимому, ухода от каких-то проблем, дающего возможность переключиться, забыться, отвлечься, переболеть, – предстает, и то и другое, не как отсутствие и, соответственно, наличие в каком-то месте в какое-то время большого числа людей, а как переживаемое, в их окружении либо нет, субъектное состояние.

Имеются ли при этом люди в каком-то большом количестве либо, напротив, отсутствуют как таковые и рядом нет никого, – отражает не способ наблюдения, восприятия и для себя констатации, а сенситивное положение субъекта ‘быть наедине с собой, со своими мыслями, переживаниями и ощущениями’ либо, что также возможно, ‘быть в таком же сенситивно переживаемом положении, но на людях, среди них, в каком-то числе, одним из них, вместе с ними, а потому и специально не интересующимися тобой’. 'Многолюдье', при таком восприятии, предстает как субъектное ощущение ‘быть одним из большого числа, в отвлечении от индивидуализирующих черт всех его составляющих и, тем самым, тебя самого’.

Данное положение вводит то представление, которое составит одну из групп: ‘воспринимаемое как большое число людей, переживаемое как интегрирующая их совокупная множественность (всякий раз, когда это случается)’, по формуле:

$$Quant^{Mag}(Populi)>Pass\mathbf{[Integr(ConjunctMult)]}<|Temp^{i}|.$$

С приведенным примером из Василя Быкова. К этому необходимо добавить, что при наличии подразумеваемых показателей общего места и совместного времени собранных вместе людей,

$$Loc(Idem)Congr/Est(TempSimult),$$

они, как показатели, в отношении определяемого в данной группе значения, оказываются не существенны.

Иллюстрацией разновидности того же типа может послужить нижеследующий пример, при реализуемом показателе в каком-то ожидаемом времени $Temp^{n}$, пусть только в воображении, с дополнительно характери-

зующей, вызывающей беспокойство, заинтересованностью со стороны присутствующих, слишком большого их для таких проявлений числа, *Pass(Inquiet)<Curios*, по формуле:

$$Quant^{Mag}(Populi)>\mathbf{Pass(Inquiet)<Curios}[Integr(ConjunctMult)]<Temp^{n}.$$

Как же повести себя, внезапно оказавшись нос к носу, взгляд к взгляду под прицелом праздного *многолюдья* и многоглазия, среди которого кто-то еще помнит двоих парой, а кто-то все еще интересуется, что с этой парой произошло? [Анастасия Цветкова. История, длящаяся в своей повествовательной реальности не дольше шести минут // «Сибирские огни», 2012]

Либо еще один, содержащий смысл невозможности, выделив, обнаружить кого-либо в интегрирующем человеческом множестве:

$$Quant^{Mag}(Populi)>[Integr(ConjunctMult)]>\mathbf{Imposs(Separ)}.$$

Воришки затерялись в этом *многолюдье*, как щепки в дремучем лесу. [А.И. Свирский. Рыжик (1901)]

Следующий пример, представляя все так же субъективно ощущаемое большое количество вместе находящихся, толкущихся и движущихся людей как характерный знак, черту определенных бóльших мест включения мест меньших и составляющих, с показателем знакомого по примерам с 'многолюдством' *LocLoc*, отходит от отображения множества людей как интегрирующей, стирающей индивидуальность совокупности. Не это важно. Важно знакомое по 'многолюдству' утомляющее, хотя не всегда раздражающее, как в нем, деконцентрируя, воздействие, не столько мешающее субъекту ощутить себя в его поглощающей и рассеивающей несвойственности, сколько само обилие, масса всюду и везде присутствующих толп, само их столпотворение и толчея.

И тогда это было бы представление о том, что ‘(слишком) большое количество людей одновременно обращающихся во всех местах одного большого места может действовать на восприятие избыточно’, по формуле:

$$[Quant^{Mag}(Populi)Est/Vers(\mathbf{Loc^{Tot}<LocLoc}))]Pass(Cumul).$$

В спокойных, уютных городках, где есть хорошие условия для проживания, но нет утомительного *многолюдья* модных курортов, прекрасными развлечениями для отдыхающих становятся концерты знаменитых музыкантов. [И.К. Архипова. Музыка жизни (1996)]

Впрочем, раздражение и неприятие также возможны при показателе переживаемого восприятия *Pass(Cumul)*:

*[Quant^{Mag}(Populi)Est/Vers(**Loc^{Tot}<LocLoc**)]Pass(Cumul)DisAccept*.

На Пьяцетта Сан-Марко перед Дворцом Дожей почти никого – потому что я не могу терпеть туристского *многолюдья*. [Николай Желунов. Я обрёл счастье, малыш! (2007)]

Так же как и возможно противоположное чувство, связанное с настроением приподнятого восприятия жизни, бьющей ключом, либо спокойного удовольствия со стороны наблюдателя:

*[Quant^{Mag}(Populi)Est/Vers(**Loc^{Tot}<LocLoc**)]Pass(Cumul)Sublim*.

После оцепеневшего в тисках японской оккупации Харбина Шанхай оглушил и ослепил меня *многолюдьем*, автомобилями, яркостью вывесок, богатством витрин, многоэтажностью современных, доселе мною не виденных зданий…[Н.И. Ильина. Иными глазами. Очерки шанхайской жизни (1946)]

*[Quant^{Mag}(Populi)Est/Vers(**Loc^{Tot}<LocLoc**)]Pass(Cumul)Delect*:

Асфальтовые тротуары широки, городовые стройны, скромно щеголеваты и предупредительно вежливы, на извозчиках синие пальто с белыми металлическими пуговицами, нет крика и суеты, нет разносчиков и нищих. Приятно видеть в этом *многолюдье* детей. Они идут в школу или из школы: в одной руке книги и тетрадки, в другой коньки… [А. И. Куприн. Немножко Финляндии (1908)]

При том, что избыточности как таковой может в этом типе не быть, при формуле, которую можно воспринимать, если не как исходную, то как наиболее общую и констатирующую, при общей оценочности, воспринимающей и передающей для сознания многолюдье как положение подкрепляющее (перцептив аффирматива):

*[Quant^{Mag}(Populi)Est<**LocLoc**]Perc(Affirm)*.

Страна жила по инерции, держалась только своей громадностью и *многолюдьем*. [Денис Драгунский. Изобрази Россию мне! // «Частный корреспондент», 2010]

Еще одной констатирующей разновидностью, передающей впечатление от толчеи во всех местах большого места, но без оценки, связываемой с избытком при его наличии, будет следующий пример. При той же

формуле, передающий, в отношении субъекта, существующую вероятность, при кружении по тем же самым *всем* местам *LocLoc*, столкновения с кем-либо:

$$[Quant^{Mag}(Populi)\mathbf{Vers(Loc^{Tot}<LocLoc)}]Pass(Occurs).$$

> Да нет, в ту минуту мы лишь переглянулись – надо же, какие бывают невероятные совпадения: в третий раз столкнуться в городе – допустим, это маленькая Венеция, допустим даже, карнавал, то есть бесконечное кружение по одним и тем же улицам, неизбежные пересечения в густом вареве *многолюдья*… И все же. [Дина Рубина. Медная шкатулка (сборник) (2015)]

В связи с чем, говоря о разновидностях при передаче и показе групп, а следовательно и отражении разбираемого предмета для сознания, стоит обратить внимание на показатели конституентные, определяющие объективно наблюдаемый и так же представляемый вид 'многолюдья' ('многолюдства'), как ‘большого количества людей’: а) ‘где-либо вместе собравшихся в одно и то же время’; б) ‘имеющихся в свойственном наличии как постоянная черта общего большого места (города, страны)’; в) либо ‘какого-то иного места’; г) как ‘повторяющаяся во времени типичная черта того или иного места’; д) либо ‘всякий раз, когда приходится с ней сталкиваться’.

Отмеченные буквами определители будут составлять типологические случаи при конституентных показателях. При возможном и также повторяющемся наличии показателей субъектно отражаемого характера, которые как конституентные не следует воспринимать. Это будут показатели, передающие возможный вид (и также тип) воздействия того или иного типа, но конституентного, на состояние, положение, переживания, чувства и со всем этим оценочную и системоценностную составляющую субъекта. При разновидностях такого рода, что неизбежно в условиях употреблений, не конституентные, а характеризующие показатели (назовем их так) становятся для данного подтипа в том или ином конституентном типе дополнительно определяющими. В рассмотренных примерах ими будут показатели разновидностей *Pass* (переживаемого ощущения) и *Perc* (восприятия): *Pass[Integr(ConjunctMult)], Pass(Cumul), Pass(Cumul)DisAccept, Pass(Cumul)Sublim, Pass(Cumul)Delect, Pass(Occurs), Perc(Affirm)* и последующие.

Еще один пример определяет 'многолюдье' в отношении ‘обычно повторяющегося (во времени) для данного места наличия в нем какого-то немалого числа людей как его определяющее свойство’, что может действовать по-разному, но может и никак не действовать на восприятие констатирующего такое положение субъекта. Соответственно, по формуле:

$$Quant^{Mag}(Populi)>Congr/Est>\mathbf{Loc(Propr)}.$$

Но вместо ожидаемого *многолюдья* в этой большой комнате, вечно гудящей голосами, он увидел только одну полную женскую фигуру у окна. [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990]

Так же как и в примере, подчеркивающем смену переживаемых впечатлений от большого количества в данном месте людей. При этом, если в предыдущем случае следует говорить о нарушенном ожидании, – там, где должно быть большое людское количество, его почему-то нет, и это может быть знаком чего-либо, в том числе и тревожного, – то в приводимом далее неожиданность следует не из того, что в данном месте такого множества обычно нет, а из того, что субъект не готов, для себя и внутренне, к его восприятию, и это его, если не деконцентрирует, то отвлекает:

$$[Quant^{Mag}(Populi)> Est>\mathbf{Loc(Propr)}]Pass(Remiss).$$

Чтобы еще крепче убедиться в своих наблюдениях, Федотов снова торопился в Эрмитаж, но там его неожиданно обступало *многолюдье* Апраксина рынка. [Ю.П. Анненков (Б. Темирязев). Повесть о пустяках (1934)]

Или в примере, в сопровождении показателя переживаемого ощущения уже встречавшегося *Pass(Sublim)*:

$$[Quant^{Mag}(Populi)>Congr/Est>\mathbf{Loc(Propr)}]Pass(Sublim).$$

Впереди, в мглистом разрыве зданий, промчался трамвай, как разнузданный конь. Приблизилось возбуждающее *многолюдье* большой улицы. [А.Г. Малышкин. Люди из захолустья (1938)]

Так же как и в примерах, с подразумеваемым местом пребывания в нем большого количества, по общей формуле:

$$Quant^{Mag}(Populi)>Congr/Est>\mathbf{Loc(Propr)}.$$

Я был большим сторонником девочек, одним из самых, может быть, ярых и преданных им, среди всего мужского *многолюдья*. [В.Н. Гельфанд. Дневники 1944-1946 гг. (1944-1946)]

Возможно также, в сопровождении каких-либо связанных с этим, в том числе неприязненных, действий как следствием (акт столкновения, оффенсива):

*[Quant^{Mag}(Populi)>Congr/Est>**Loc(Propr)**]Act(Offens).*

Дворы осадные – с избами без печей, а где была печь, то у ней всегда дрались и били последнюю посуду из-за *многолюдья*. [А.П. Чапыгин. Разин Степан (1927)]

Либо не только действий, но и соответствующих состояний:

*[Quant^{Mag}(Populi)>Congr/Est>**Loc(Propr)**]Cond(Impur).*

На пароходе страшная толкотня и обычная грязь при таком *многолюдье*. [И.П. Ювачев. Борьба с хунхузами на Манчжурской границе // «Исторический вестник», 1900]

Или в примере, в котором большое количество собранных вместе людей, составляя особенность данного локуса, вызывает, обрушиваясь шумом и множеством голосом, ощущение охватывающей деконцентрации и разобщения:

*[Quant^{Mag}(Populi)>Congr/Est>**Loc(Propr)**]Perc(Disjunct).*

Соустин толкнул дверь, и сразу обрушилось из-за нее обалделое *многолюдье*, гром, свет. [А.Г. Малышкин. Люди из захолустья (1938)]

Или же ощущение беспокойства в ожидании чего-то неопределенно тревожного и тяжелого при необычности слишком большого количества для данного места собранных и толкущихся вместе людей:

***[Quant^{Major}(Populi)**>Congr/Vers>Loc(Propr)]Pass(Inquiet).*

В немолчном трезвоне над вспученным, удушливым от небывалого *многолюдья* базаром в самом деле чуялось что-то зловещее… [А.Г. Малышкин. Люди из захолустья (1938)]

Ощущение беспокойства может быть связано не обязательно с каким-то предчувствием, но быть следствием не всегда мотивированного субъективного неприятия множества толкущихся вместе людей:

***[Quant^{Mag}(Populi)**>Congr/Est>Loc(Propr]**Pass(Inquiet)**.*

Никакого изменения, мой почтеннейший Иван Сергеевич – в первоначальном плане нашего съезда во Франкфурте (Hotel Westendhall) не последует от меня, ибо пункт сей и указан мною единственно для того, чтобы иметь возможность вернуться назад на другой день, что с Баденом трудно произвести, а жене, вам душевно кланяющейся, оставаться несколько дней одной в емсковском *многолюдье* все еще кажется жутко. [П.В. Анненков. Письма И.С. Тургеневу (1852-1874)]

Либо обычности, для определенного времени объяснимой и мотивированной:

*[**Quant**^{Mag}**(Populi)**>Congr/Est>Loc(Propr)>**Temp**^{n}**]**Pass(Inquiet)***.

Зимой им опас[14] больший – от воинского *многолюдья*. [А.П. Чапыгин. Разин Степан (1927)]

Либо, напротив, поддержки и подкрепления:

[Quant^{Mag}*(Populi)>Est>**Loc(Propr)**]Pass(Affil)***.

Душа не отвращалась уже, как прежде, от этой железной чужбины, от ее грохотов, лязгов, от сверлящих и режущих звуков, наоборот, она обступала Журкина дружественным *многолюдьем*. [А.Г. Малышкин. Люди из захолустья (1938)]

Либо необычности переживания многолюдного множества:

[Quant^{Mag}*(Populi)>Est>**Loc(Propr)**]Pass(Nov)***.

После её одинокой и незаметной людям жизни странно было видеть такое *многолюдье* в избе и такое внимание, с которым все смотрят на неё, подпёрши подбородок и широко раскрывши глаза. [С.А. Клычков. Чертухинский балакирь (1926)]

К этому же типу еще одна иллюстрация, характеризуемая дополнительно временем воспоминания:

[Quant^{Mag}*(Populi)>Est>**Loc(Propr)**]Temp*^{n}***.**

Чем дальше – почти уже по инерции – летит отпущенное мне время, тем чаще в сознании воскресают Курский вокзал, *многолюдье*, платформа, северный холод, последние проводы. [Леонид Зорин. Отец // «Новый Мир», 2008]

---

[14] «***Опáситься*** *съв. вост.* опасаться, бояться, стеречься; || робѣть. ***Опасáнье*** дл. ***опасéнье*** ок. ***опáсъ*** м. ***опáска*** ж. об. дѣйст. и сост. по гл.» (Даль)

С возможным также представлением о том, что там, где следовало бы ожидать большого множества людей, наблюдается их полное отсутствие (на что дополнительно указывает «и тут» в примере):

> Но и тут поражаешься не *многолюдью*, а безлюдью. [В.В. Овчинников. Размышления странника (2012)]

Говоря о возможных разновидностях (характеризующих подтипах в данном типе), их можно видеть в предрасположенности (предиспозитиве) субъекта в отношении ожидания и следующего из него, при нарушении, удивления, сопровождаемого возможным поиском причины, которая, при невыяснении, в каких-то случаях способна настораживать, приятно либо неприятно поражать и пр. Тем самым, если для первого примера (при отсутствии объясняющего произошедшее контекста, хотя для выведения возможной разновидности контекст не необходим), это мог бы быть показатель *Pass(Admir)*, характеризующий *Loc(Propr)*, с подразновидностью *Pass[Admir(Mobil)]*, мобилизующего удивления, то для второго – $Pass(Admir^{Fort})$, т.е. большого удивления.

Об отличии 'многолюдства' и 'многолюдья' как представлений сознания

Как показывают примеры и на что уже было обращено внимание в самом начале их представления, 'многолюдье', в отличие от 'многолюдства', сконцентрировано более на положение, следующее из большого либо слишком большого числа людей. Если в 'многолюдстве' субъект как бы находится, воспринимая его, в том числе и в воображении, своими ощущениями и своим естеством, большое количество собранных вместе людей представляется им как совокупное множество, из людей состоящее, с показателями ‘множества’ и ‘состава’ (‘множества как состава’), – то 'многолюдье', скорее, следует воспринимать как ‘ситуативное состояние’, следующее из их большого количества.

Отсюда, с одной стороны, несколько бóльшая отвлеченность, обособленность, меньшая связанность, точнее причастная отнесенность, субъекта к тем, кто находится в 'многолюдье'. Субъект пребывает вне их. 'Многолюдье' предполагает большее впечатление неразличимой в своем составе замешанной массы (показатель *Integr*). И при этом, в то же самое время с другой, такое ее состояние в большей мере оказывает воздействие на переживаемые им ощущения, чем в отношении 'многолюдства'.

Говоря о затронутых при разведении примеров по группам семантических отражениях, видится необходимым отметить два важные обстоя-

тельства. Во-первых, то, чем и как предстает, с опорой на произведенный анализ, как 'многолюдство', так и 'многолюдье', при возможных своих совпадениях и различиях. И то, во-вторых, что можно определить как следствие, передаваемое в контекстах употреблений, того и другого на восприятие, а с этим затем отражение и интерпретацию для сознания, своего и читателя, наблюдаемого в реальной действительности при передаче в дальнейшем 'многолюдья' и 'многолюдства'. Речь в данном случае об отражаемом говорящим (пишущим) воздействии того и другого на него как субъекта. Воздействии психологическом, концептуализирующем и оценивающем, как сходном, так и различающем.

В этом последнем, т.е. при говорении о воздействии, необходимым видится, исходя из стоящей задачи, выделить еще два важные обстоятельства. То, что касается определяющих характеристик семантики употреблений слов, разделенной по группам с их показателями. Как первое. И то, что будет или не будет, а если будет, то в какой мере и как, различать по характеру допускаемого и воспринимаемого, хотя точнее было бы говорить, ощущаемого, сознанием воздействия на субъекта, психологического, концептуализирующего и оценивающего, 'многолюдство' от 'многолюдья'. Как второе.

Обращаясь к первому в предыдущем абзаце, следовало бы сказать о том, что, собственно, уже говорилось, но в данном месте требует большей последовательности и обстоятельности. Имеются типы и их разновидности (точнее было бы говорить, были выделены), с едва заметным, но, с точки зрения типологизирующей, а потому парадигматичной, семантики существенным, переходом к семантике употреблений в контекстах. Типы дают представление о наиболее общем и внеконтекстном, хотя из контекстов следующем и в контекстах реализуемом отражении. Разновидности представляют собой допустимые и осознаваемые говорящими вариации типов, сближаясь с контекстными употреблениями, предопределяя их, но при этом в них до конца не входя. И завершают все это непосредственные контекстные, предицированные значения, приближенные к референтно определяемым ситуациям в производимых говорящим высказываниях. Механизм всего этого общеизвестен и был представлен здесь для того, чтобы на отобранном материале для 'многолюдства' и 'многолюдья' в сопоставлении все это показать.

Итак, в отношении 'многолюдства' можно было бы говорить о следующих типах, выделенных на основе выбранного иллюстративного мате-

риала, а потому не полного, хотя и репрезентативного. Таких типов получилось бы три:

1) По ведущему показателю места, с двумя вариантами – места *LocLoc*, т.е. большого, включающего в себя входящие в него меньшие и их составляющего, и места свойственности *Loc(Propr)*, т.е. такого, для которого большое количество в нем собирающихся составляет его специфическую черту, по формуле:

$$[Quant^{Mag}(Populi>Loc)Est/Vers(TempSimult)]\mathbf{LocLoc}$$

‘(слишком) большое количество людей одновременно находится, обращается во многих (слишком многих) местах одного для них общего места’ и

$$[Quant^{Mag}(Populi>Loc)Est/Vers(TempSimult)]\mathbf{Loc(Propr)}$$

‘большое количество людей одновременно находится, обращается в данном месте, что для него характерно’;

2) По ведущему показателю времени:

$$[Quant^{Mag}(Populi)>Loc(Idem/Pass)>Est/Vers]\mathbf{Temp_{Iterat}}$$

‘вероятная во времени повторяемость для субъекта его окружающей массы людей’;

3) По показателю собственно большого количества находящихся, передвигающихся в одно время людей, нередко при неактуальности либо ослабленной актуальности показателя места:

$$\mathbf{Quant^{Mag}}(Populi>Loc)>\mathbf{Congr>Est/Vers/Inhabit}(TempSimult)$$

‘большое количество вместе собравшихся где-то людей, либо стоящих, либо толкущихся, либо живущих где-либо в одно время’.

Для 'многолюдья' подобного рода типами могли бы быть следующие (дадим их в порядке получившегося на основе примеров отображения):

1) По ведущему показателю интегрирующей множественности:

$$Quant^{Mag}(Populi)>Est\mathbf{[Integr(ConjunctMult)]}$$

‘большое число людей представляет собой интегрирующую их совокупную множественность’;

2) По ведущему показателю места с тремя вариантами – общего места как такового, *LocLoc*; всех возможных мест данного общего места, $(Loc^{Tot}<LocLoc)$; места свойственности *Loc(Propr)*, для которого пребывание большого числа людей характерно и может быть специфично (этот по-

следний вариант, как показывают примеры, в отношении 'многолюдья' можно также рассматривать как самостоятельный тип):

$$Quant^{Mag}(Populi)Est/Inhabit<\mathbf{LocLoc}$$

‘большое количество людей одновременно находится, пребывает, живет в пространстве одного большого общего места’;

$$Quant^{Mag}(Populi)>Est/Vers[(TempSimult)>(\mathbf{Loc^{Tot}<LocLoc})]$$

‘большое количество людей одновременно обращается во всех местах одного большого общего для них места’.

3) $Quant^{Mag}(Populi)>Congr/Est>\mathbf{Loc(Propr)}<(TempSimult)$

‘обычно повторяющееся (во времени) для данного места наличие в нем большого числа людей составляет его характерное свойство’.

Сопоставляя типы с их вариантами, выведенные на основе примеров для 'многолюдства' и 'многолюдья', стоит отметить следующее. Во-первых, то, что типы эти в основе своей, если не совпадают, то соотносятся, определяясь отношением к а) месту и б) большому количеству вместе собравшихся. Порядок их представления, для 'многолюдства' от места как первого типа через время к количеству и для 'многолюдья', наоборот, от большого количества к месту, – отражает возможную актуальность. Бóльшую актуальность значения места для 'многолюдства' и значительного количества в его интегрирующей множественности для 'многолюдья'. Впрочем, на этом не будем настаивать, имея в виду недостаточно полную выборку иллюстративных примеров, а потому отмечая это, скорее, как тенденцию.

Во-вторых, как не вполне случайность можно отметить отсутствие показателя времени как ведущего и, тем самым, определяющего для типа в отношении 'многолюдья' при сравнении с 'многолюдством', для которого такой показатель в виде $Temp_{Iterat}$, т.е. встречающийся как вероятная повторяемость, составляет основу второго типа.

И, наконец, в-третьих, также обозначая, скорее, как тенденцию, видится небезразличным отметить для типа с *LocLoc* (второго для 'многолюдья' и первого для 'многолюдства') характерное для 'многолюдья' в сравнении с 'многолюдством' показателя Loc^{Tot}, т.е. всех мест либо, если точнее, то мысленно воспринимаемых как ‘все места’ одного большого места общего их включения.

Представленные в типах варианты могут предполагать дополнения, что должно выводиться на материале. Вариативность при этом, как пока-

зало его рассмотрение, если не совпадающая и общая, то соотносимая, в тех же самых себя проявляющих показателях места – как места включения *LocLoc*, как места свойственности *Loc(Propr)* и как всех мест данного большого места (для 'многолюдья') $Loc^{Tot}<LocLoc$.

Выводившиеся в типах с их вариантами разновидности, во-первых, затрагивают сферу воздействия 'многолюдства' и 'многолюдья' на субъекта, определяя переживаемые и передаваемые им ощущения от того и другого, его к ним отношения и связанные с ними оценки. Во-вторых, эта сфера для 'многолюдья' представилась более последовательно и дифференцированно, чем для 'многолюдства', что нашло свое отражение при описании. И, в-третьих, отмечая несколько бóльшую для 'многолюдья' ее актуальность (сферы воздействия на субъекта), стоило бы обратить внимание на ее общий характер. Общий для 'многолюдства' и 'многолюдья' совместно, равно как для того и другого в отдельности. После чего можно было бы далее говорить о разновидностях, если не исключительно, то наиболее характерных для каждого.

Отвлекаясь от непосредственно связанных с разновидностями контекстов, на основе которых они были получены (а говоря о разновидностях типов с их вариантами и подтипами, если таковые себя обнаружат, отвлекаться от непосредственных употреблений необходимо), в отношении общего для 'многолюдства' и 'многолюдья' можно было бы отмечать восприятие множества собранных вместе людей а) как в себя втягивающей либо, напротив, б) отталкивающей от себя, физически и психологически, массы. В виде состава в его большом или слишком большом количестве для 'многолюдства' и интегрированной нерасчлененности для 'многолюдья'.

Второй объединяющей то и другое чертой было бы то, что следует из указанного в предыдущем абзаце для (а) и (б). Сводилось бы это к такому воздействию на субъекта, которое может его поражать либо утомлять, как в отношении втягивания в себя, так и отталкивания. Поражая, вызывать удивление либо не всегда объяснимое беспокойство. В свою очередь, утомляя, вызывать в нем чувство несвойственности, деконцентрирующего раздражения либо усталости.

Удивление может действовать а) возбуждающе, вызывая ощущение живости, яркости, многообразия; б) обнадеживающе и подкрепляюще, становясь показателем благополучия и достатка. В то время как беспокойство может быть связано с невозможностью соответствующим образом себя,

проявив, ощутить; с переизбытком проявлений различного рода со стороны составляющих множество-массу.

Тем общим, что составляло бы представление о 'многолюдстве', было бы (опуская указанное, с тем чтобы подчеркнуть отличие от 'многолюдья'), видимо, чувство, связываемое с ощущением себя частью включающего множественного состава, из чего будет следовать либо душевный подъем от такого большого числа, таких же, как ты, с ощущением с ними равенства, либо, напротив, чувство потерянности, неспособности быть собой, а с этим и раздраженного неприятия.

Общим для 'многолюдья' тогда, в свою очередь, можно было бы посчитать, но не ощущение себя и не только себя частью общего множества, а в нем своей, равно как и всех остальных, неотдельности, как для 'многолюдства', а невозможности выделить в этом обилии вяжущей массы людей себя и не только себя как некоей самостоятельно действующей и самостоятельно себя ощущающей индивидуальности.

Различало бы то и другое, как следствие, то, что для 'многолюдства' можно воспринимать обобщенно, без уточнений к имеющимся употреблениям в контекстах, как либо препятствие, либо, напротив, способствование в отношении а) своего психологического состояния; б) экзистенционального положения на данный момент; в) предполагаемых действий и намечаемых с ними проявлений и вероятных целей. В свою очередь, для 'многолюдья' – как способ либо характер переживания, равным образом отображаемые в психологическом состоянии, экзистенциональном положении на данный либо не только данный момент и в предполагаемых к проявлению воплощениях.

К этому необходимо добавить, как к 'многолюдству', так и к 'многолюдью', что сказанное относится не только к субъекту наблюдаемого либо отмечаемого им большого числа вместе собранных где-то людей, но и, через перенесение, к другим, кому-либо одному или не одному, субъектом подразумеваемым или же называемым. Из чего и на основе чего может следовать и часто следует прямо себя объявляющая в контексте либо присутствующая в нем непрямо оценка.

Все остальное, не сказанное в приведенных здесь обобщениях по 'многолюдству' и 'многолюдью', выводилось при представлении примеров, что следует воспринимать как реализации общих значений в употреблениях, с этими общими значениями связанных, на них построенных и их воплощающих.

Некоторые особенности современных словоупотреблений

Возвращаясь к вопросу об особенностях отражения *многолюдства* и *многолюдья* как слов в словарях с изменением характера их подачи в последнее время, по свидетельству БТС и Ефремовой, виделось небезразличным обратиться в этой связи к употреблениям того и другого слова в современных контекстах.

Материал газетного корпуса национального русского языка подтвердил подачу в БТС и у Ефремовой *многолюдья* как первого и основного с отнесением *многолюдства* в его толковании к нему. В то время как примеров с использованиями второго слова в корпусе не обнаружилось, для *многолюдья* их вышло 10. Если вспомнить данные основного корпуса, базирующиеся в основном на произведениях художественной литературы, классической и современной, то в нем соотношение было в пользу *многолюдства* (120 по сравнению с 70 у *многолюдья*).

Данные устного и мультимедийного корпусов оказались не показательны, по одному для каждого слова в устном и ни одного в мультимедийном. При этом в устном пример с *многолюдством*, взятый из кинофильма, представлял отрывок из комедии Тирсо де Молина в стихах (1615 г.) в переводе Михаила Донского, а потому иллюстрацией современного употребления служить не мог: «Е́й ну́жен пра́здник / *многолю́дство* / В Ильéскас éхать / чтобы та́м / Преда́ться ни́зменным страстя́м!» [Ян Фрид и др. Благочестивая Марта, к/ф (1980)] Пример из устного корпуса с *многолюдьем*, напротив, представляя особенности современного употребления, может быть показательным и будет рассмотрен в ряду с материалом из газетного корпуса.

Рассмотрим 11 выбранных с *многолюдьем* примеров, 10 из газетного и 1 из устного, с тем чтобы, с одной стороны, обратить внимание на то, что можно увидеть в них как типичное для современных употреблений по сравнению с приведенными ранее художественными. В то время как с другой, посмотреть на них с точки зрения типологической, распределив их по выделенным ранее типам или каким-то новым, если таковые дадут себя почувствовать. Начнем представление с примеров из газетного корпуса.

> Толпы «понаехавших» выстраиваются в многочасовые очереди, продавцы в магазинах и бармены часто неприветливы и крайне неохотно помогают клиенту. Жара и *многолюдье* разрушают ауру благоденствия…[Сергей Митин. Дегустировать вино в Мадриде лучше зимой // Труд-7, 2011.02.03]

Приведенный пример представляет иллюстрацию описанного для 'многолюдья' второго типа в вариации, определяемой по формуле:

$$Quant^{Mag}(Populi)>Est/Vers[(TempSimult)>(\mathbf{Loc^{Tot}<LocLoc})]$$

‘большое количество людей одновременно обращается во всех местах одного большого общего для них места’, в разновидности, характеризуемой показателем воздействия *Pass(Cumul)DisAccept*, раздражения и неприятия, соотносимого не столько с собственным, сколько с общесубъектным восприятием.

Говорящий (пишущий) дает характеристику не столько от себя, сколько от того, что можно воспринять как общепринятое, сложившееся, имеющееся впечатление. У многих, если не у всех, и, в первую очередь, у местных жителей. Это впечатление, вводясь в контекст высказывания пишущим, становится типологической характеристикой описываемого им положения вещей – разрушения ауры благоденствия многолюдьем наряду с жарой. Показатель неприятия *Pass(Cumul)DisAccept*, тем самым, можно было бы дополнить обобщающим дефинитивом, с соответствующим расширением формулы:

$$Quant^{Mag}(Populi)>Est/Vers[(TempSimult)>(\mathbf{Loc^{Tot}<LocLoc})]<[Pass(Cumul)DisAccept]Definit.$$

> На утреннее *многолюдье* лает болонка, повязанная в честь праздника оранжевым бантом. [Ильченко Сергей, соб. корр. 'Труда'. 'ХЛОПЦЫ ПРИДУТ, КОГДА НАДО БУДЕТ' // Труд-7, 2007.04.10]

'Многолюдье' в данном случае, становясь знаком праздника, отмечает периодически случающуюся как возможность повторяемость события, что можно рассматривать как иллюстрацию третьего типа:

$$Quant^{Mag}(Populi)>Congr/Est>\mathbf{Loc(Propr)}<(TempSimult)$$

‘обычно повторяющееся (во времени) для (данного) места наличие в нем большого числа людей составляет его характерное свойство’, при актуализирующем уточнении не столько места, сколько времени события. И тогда полученная формула могла бы выглядеть уже известным образом, встречавшимся в примерах, без дополнительного распространения характером воздействия, поскольку констатируемое 'многолюдье' определяет праздник, а не то, как оно воздействует на переживаемое состояние субъекта:

$$Quant^{Mag}(Populi)>Congr/Est>Loc(Propr)<\mathbf{Temp^{n}}.$$

Вышел из института на свет, в зной и *многолюдье*, и напоролся на Санька Головко. [Агишева Гузель. ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ // Труд-7, 2006.07.13]

Приводимый пример типологически вполне подходит к только что рассмотренному с показателем *Loc(Propr)<Temp*^{n}. В определенное время дня в том месте, куда выходят в это время из института, всегда полно людей.

Особенность, отличающая описываемый случай от предыдущего с 'многолюдьем' праздника, заключается в акценте не на времени события, которое подразумевается само собой, а на месте, в котором происходит встреча («напоролся на Санька Головко»), хотя эта встреча с многолюдьем никак не связана и не является ни следствием, ни сопровождающим его обстоятельством. Многолюдье выступает как окружение. Тем, где, дополнительно к свету дня и зною, происходит столкновение с контрагентом. При том, что все это в своей совместной совокупности (при тени и прохладе института и без большого в нем количества людей) передается субъективно как, если не стесняющие и давящие, то контрастирующим образом разяще действующие обстоятельства, сменяя ощущения перед этим и слегка ошеломляя. К свету, зною и многолюдью следует привыкнуть после пребывания в институте.

Формула разбираемой разновидности данного примера, исходя из сказанного, могла бы быть такой:

[Quant^{Mag}***(Populi)****>Congr/Est/Vers>Loc(Propr)<Temp*^{n}*]Pass(Remiss).*

И это было бы уже встречавшееся ранее в примере с многолюдьем Апраксина рынка и Эрмитажем, отвлекающее и переключающее, по характеру своего сменяющего в психологической неподготовленности субъектом, проявление сменяющего показателя *Pass(Remiss)*.

Не случайными, по-видимому, сопровождающими обстоятельствами, отображаемыми в соответствующих словах окружения в контекстах, следует считать такие, как 'жара' и 'зной', с одной стороны, и 'праздник', с другой. Нельзя сказать, что определяющие для публицистических и современных текстов, однако в материале основного корпуса не встретившиеся.

Если 'многолюдье', продолжая мысль предыдущего абзаца, сочетается с 'жарой' и 'зноем', вызывая их одновременно в сознании, то не будет ли логичным предполагать его, в известном смысле (в одном из вероятных проявлений, для того же сознания субъекта в его сенситивной сфере) как ‘ощущение сдавленной стесненности и жаркой духоты’? Люди в их боль-

шом и собранном вместе числе могут восприниматься современным человеком как действующие подобным образом на него, его переживаемое состояние с ними и в их среде, внутри них.

В то же время, при характеризующем сопровождении 'праздником', можно было бы, также обобщая, говорить о 'многолюдье' как проявлении массово не занятого регулируемой деятельностью, внерабочего и праздного, в том числе и праздношатающегося, состояния и положения одновременно многих. В представлении о 'многолюдье', видимо, что-то такое неизменно есть, хотя, что важно подчеркнуть, эту черту не следует рассматривать как признак, характерный как таковой для современности, скорее, это будет, если не универсальная (на уровень такого обобщения претендовать не будем), то в целом, этнически традиционная черта.

В следующем примере встречаем то, что ранее уже имело место. Большое количество людей, составляющих не различаемую в своем составе массу где-либо, не ожидаясь в этом месте, может удивлять. По формуле:

$$[Quant^{Mag}(Populi)>Est>\mathbf{Loc(Propr)}>Temp^{n}]Pass(Admir).$$

В свою очередь, *многолюдье* изумило саму Плисецкую. [Бирюков Сергей. ПЛИСЕЦКАЯ ЛЮБИТ БРЕЙК-ДАНС // Труд-7, 2005.11.11]

Еще один пример может служить иллюстрацией уже встречавшегося типа, определявшегося как ‘воспринимаемое множество людей переживается как интегрирующая их совокупная множественность (всякий раз, когда это случается)’, с психологической разновидностью неприятия, *Pass(Cumul)DisAccept,* более типичной для типа с местом свойственности *Loc(Propr)*, что наводит на мысль о внутреннем его присутствии в сознании, т.е. там, где это может быть и обычно происходит, по формуле:

$$[\mathbf{Quant^{Mag}(Populi)}>Integr(ConjunctMult)<|Temp^{i}>Loc^{i}|]Pass(Cumul)DisAccept.$$

Торжественные встречи, юбилейные чествования, *многолюдье* нагоняют на него уныние и тоску. [ГЕОРГИЙ ДАНЕЛИЯ ДАСТ ВСЕМ ПРИКУРИТЬ // Труд-7, 2005.09.01]

Следующий пример, для того чтобы быть представленным в типе, требует интерпретации. Приведем его:

Он так и остался с неуклюжим, но удобным именем – несмотря на относительное *многолюдье*. [Федосов Александр, соб. корр. 'Труда'. ОТШЕЛЬНИКИ // Труд-7, 2003.07.29]

Как следует, видимо, предположить, многолюдье, о котором речь, должно повлиять в отношении персонажа в том смысле, что его неуклюжее имя могло бы быть изменено. Иными словами, многолюдье действует на людей каким-то социализирующим, приспосабливающим их к окружению образом. И при этом само многолюдье в этом случае следует понимать как присутствующее, точнее живущее вместе, сообщество какого-то ощутимо немалого человеческого числа. Тем самым, это был бы тип с разновидностью интегрирующей множественности (поскольку воздействующей на состав своих представителей), при подразумеваемой общности места как само собой разумеющейся, а потому и не актуальной для употребления, представляясь по формуле:

$Quant^{Mag}$*(Populi)>Congr/Inhabit***[Integr(ConjunctMult)]***>|Loc(Idem)|Pass(Cumul)Soc***.**

Тихая Таруса даже в *многолюдье* юбилея Константина Паустовского умудрилась сохранить свой сосредоточенный, хочется сказать – задумчивый облик. [Белоногова Валерия. ТАМ, ГДЕ ЖИЛ ПАУСТОВСКИЙ// Труд-7, 2002.09.13]

Данный пример представляет собой иллюстрацию уже встречавшегося и определившего себя типа, связанного с представлением места свойственности *Loc(Propr)* применительно к периодически повторяющемуся событию. Вариант его можно представить как ‘периодически повторяющееся в определенное время для данного места наличие в нем большого числа людей составляет его обусловленное соответствующим событием свойство’, по формуле:

[$Quant^{Mag}$*(Populi)>Congr/Est>***Loc(Propr)***<(*$Temp^{n}$*)]***Event***.*

Тебя толпой ко мне прижало, Тебя притиснуло судьбой, На остановке у вокзала Я вышел следом за тобой, Но в *многолюдье* не догнать мне Твои колени и лицо, Твое акриловое платье, В пупке нехитрое кольцо. [Дормидонт НАРОДНЫЙ. Любил я женщину в жару – Любил и думал: «Щас помру»... // Комсомольская правда, 2002.07.26]

Показательны в приведенном примере контекстуально обусловленные для *многолюдья* как сло́ва и соотносимые с ним, с чем уже приходилось встречаться, *вокзал* и, как следует из заглавия, *жара*. К этому стоит добавить *толпу*, а также *прижать*, *притиснуть*, как показатели действующего блокирующим образом на пребывающего в нем субъекта большого числа толпящихся вместе людей.

Пример представляет собой иллюстрацию того же типа, что и в предшествующем случае, определяемого местом свойственности *Loc(Propr)*, но в разновидности не событийного, а субъектом переживаемого положения, определяемого состоянием ‘тебя прижало’, но ‘мне (тебя) не догнать’ – ‘большое число столпившихся, перемещающихся людей в данном месте делает невозможным свободное передвижение для достижения контакта с определенным лицом’:

$$[\mathbf{Quant^{Mag}(Populi)}>Vers>Loc(Propr)<Temp^{n}]Pass(ProhibitProcess)>Contact(Pers).$$

Многолюдье провожающих у двора школы, где собираются добровольцы. [Бирюков Юрий, музыковед, композитор. ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ 'СЛАВЯНКИ' // Труд-7, 2001.05.24]

Пример представляет проекцию уже встречавшегося ранее места (хотя там был вокзал), где происходят проводы. При том, что двор школы, в отличие от вокзала, вряд ли можно считать характерным по предназначению локусом, *Loc(Propr)*, для подобного рода событий, но вместе с тем и не исключающим нечто подобное, как дополнительно могущее быть ему свойственным, в ряду других мест открыто-закрытого вида, таких, как площадка, площадь перед каким-либо зданием, стоянка автомашин, двор(ы) при здании (зданиях) и т.п. Вместе с тем это также пример констатирующей разновидности, не отягощенной дополнительными проекциями субъективного переживания, отмечающей только ‘большое количество собравшихся в данном месте людей в данное время по данному поводу’:

$$[\mathbf{Quant^{Mag}(Populi)}>Est>Loc|Propr|>Temp^{n}]Caus.$$

Но и с ним произошла неожиданная перемена: теперь, с переходом программы с РТР на ТВЦ, он предпочитает *многолюдье* и ведет исследование не столько вглубь, сколько вширь. [Вартанов Анри. УЖЕЛЬ ТА САМАЯ СВЕТЛАНА // Труд-7, 2001.02.08]

Под 'многолюдьем' в данном случае следует понимать большое количество зрителей данной программы. Что можно посчитать отчасти несколько неожиданным, поскольку зрители эти воспринимаются не в наблюдении, в том числе и воображаемом, их собравшихся в одном месте либо в разных местах одновременно в большом количестве для каждого из этих мест, как это встречалось в ранее бывших примерах, а по отдельности и отвлеченно.

Речь идет о ‘большом количестве собравшихся разобщенно’ (у телеэкранов, каждый у своего, показатель *Separ* при *Est* их присутствия) ‘для

одного объединяющего их совокупно большого места’ (в смысле страны, а отчасти и мира). Критерием объединения их в общую массу становится зрительский интерес, т.е. ‘присутствие в одно условно взятое время’ (условно, поскольку интересующую программу для просмотра в другое время можно и записать) ‘применительно к осуществляющему себя в это время событию’ (передача программы). Сказанное можно передать в виде формулы с определяющим типом *LocLoc* при актуальности в качестве ведущего показателя ‘большого (зрительского) числа’:

$$[\mathbf{Quant^{Mag}(Populi)}>Est(Separ)>Temp^{n}(Loc^{Tot}>LocLoc)]Pass(Cumul)<Event.$$

И, наконец, последний "современный" пример, из устного корпуса, представляющий собой иллюстрацию уже встречавшегося перед этим (с юбилеем Паустовского) событийного восприятия, с местом свойственности, однако, не связанного:

> Но на 8-е марта все выходят / все с цветами / какое-то *многолюдье*. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2000]

Все выходят с цветами везде, по разным местам одного объединяющего их большого места. Тем самым, это будет тип, как и в предыдущем случае, связанный с показателем $Loc^{Tot}>LocLoc$, в несколько более приближенном к исходному варианте – ‘большое количество собирающихся и движущихся во всевозможных местах одного большого места в одно общее время людей отмечает собой периодически происходящее в это время событие’, что соответствующим образом переживается говорящим – *Pass(Cumul)*:

$$\{[\mathbf{Quant^{Mag/Tot}(Populi)}>Congr/\mathbf{Vers}>(Loc^{Tot}>LocLoc)]\mathbf{Temp^{n}>Event}\}Pass(Cumul).$$

В данном случае, с точки зрения говорящего, важно и то, что выходящих с цветами (показатель перемещающегося движения *Vers*) большое количество, определяемое дополнительно показателем *Tot* (все), отсюда $Quant^{Mag/Tot}$. И то, что их, таких выходящих с цветами, можно встретить везде, $Loc^{Tot}>LocLoc$. И то, что это связывается с определенным событием, 8-го марта, $Temp^{n}>Event$.

Отмечая особенности представленного по текстам последнего времени, прежде всего в публицистике, ‘многолюдья’, имеет смысл обратить внимание на некоторые особенности. При том, что отличия в типах, выведенных на основе текстов художественных, в том числе и классических, в

целом не происходит, можно было бы говорить о каких-либо предпочтениях, однако подобный вывод потребовал бы обращения к материалу более обширному и основательному. На основе выбранного из газетного и устного корпуса небольшого числа утверждать нечто подобное не приходится.

Заметить можно было бы в то же время другое. С одной стороны, несколько большее усложнение, точнее нагруженность, субъективного рода, возможно идущую от публицистического характера передачи действительности. Возможно также, и как тенденцию времени. При этой нагруженности, с другой своей стороны, нашедшей свое отражение в представленных в описаниях и формулах показателях, проявила себя еще одна, не отмеченная ранее на материале художественных иллюстраций, особенность. Ее, правда, можно было пронаблюдать в отношении только двух из содержащихся в газетном корпусе примеров, но поскольку она себя в них обнаружила, все же стоило бы на нее обратить внимание.

Речь идет о примере с несколько неожиданным для соотношения того и другого, *имени* и *многолюдья*, в котором указанное 'многолюдье' выступает критерием интегрирующе-кумулирующей общественной множественности, воздействующей приспосабливающим образом на своих представителей, – «с неуклюжим, но удобным *именем* – несмотря на относительное *многолюдье*». И о примере с переводом телевизионной программы, в котором 'многолюдье' предстало как множество собирающихся по отдельности в одно время у телеэкрана людей с показателем до того не встречавшегося при *Est* сепаратива *(Separ)*. Что, в свою очередь, дополнительно абстрагируя множество от большого числа собравшихся в одном месте, поскольку у каждого из них такое место свое, дает еще один поворот к представлению для сознания 'многолюдья'.

"Привычные" концептуальные связи 'многолюдья' и 'многолюдства'

Касаясь вопроса присутствия 'многолюдья' в сознании, в том числе и языковом, видится небезосновательным установить, в какие ментальные и смысловые связи, проявляющие себя затем также и в семантике контекстов, вступает оно с другими, как представлениями, так и выражаемыми с их помощью в употреблениях словами. Увидеть сказанное, с тем чтобы после того как его проявить, получить возможность вывести определенную смысловую область, в нашем случае показательную, позволяет выборка на основе представленного из национального корпуса материала тех единиц, контекстуальные сочетания с которыми в отношении 'многолюдья' можно

признать повторяющимися и не случайными. В ряде случаев также постоянными и закрепленными. В известном смысле это будут более или менее устойчивые ассоциативные связи, определяющие характер, если не полностью осознаваемых, то, так или иначе, присутствующих в сознании говорящих концептуальных проекций, характеризуя особенности восприятия ими реальной действительности, а также ее понимания и мышления о ней[15].

Материал примеров газетного корпуса (плюс одного из устного), в качестве более или менее устойчивых давал бы такие связи, отчасти уже упомянутые, сохраняя порядок их появления при подаче:

'многолюдье' – жара, зной;

– праздник, торжественные встречи, юбилейные чествования, юбилей, проводы, провожать, собираться (об отъезжающих и провожающих), все выходят (с цветами);

– уныние, тоска;

– толпа, прижать, притиснуть;

– вокзал.

В целом этого вышло не так, чтобы много.

Сравним полученное с материалом из основного корпуса, в котором таких соединений больше и они, помимо большего разнообразия, значительно менее стандартны, что объясняется отличием художественных текстов, в том числе и мемуарно-дневниковых, от публицистики:

---

[15] В этом месте следует говорить о том, что Ю.Н. Караулов определяет термином ассоциативно-вербальная сеть (АВС), представляя ее таким образом: «Любое слово в нашем сознании, в памяти, точно так же как в речевой цепи, не существует … в отдельности: оно десятками, сотнями "нитей" тянется к другим словам», замечая далее, что при том, что «сеть фиксирует лишь знания, имеющие вербальную форму выражения … они-то и составляют большую часть наших знаний о мире». В составе характеризуемой сети он выделяет условно три части: экстралингвистическую, «запечатленную в словах, словосочетаниях, целых высказываниях и суждениях, называющих и характеризующих предметы и явления текущей жизни носителей, их повседневного взаимодействия и общения, реалии окружающей их действительности», диалоговую, служащую «отражением языкового сознания» и содержащую «элементы рефлексии по поводу языка, национальной культуры», дающую «в реакциях оценку понятиям, событиям и типовым ситуациям русской действительности» и самую обширную, «которая остается для большинства носителей … неосознанной», отражающую «интуитивное знание языка», «которое сделать наблюдаемым может лишь специалист, вооруженный соответствующим методом и инструментарием лингвистического описания». (Караулов Ю.Н.: *Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности*. [В:] Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Часть I / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Москва 1994, с. 191, 194-195.)

'многолюдье' – одиночество, одинокая и незаметная (людям) жизнь, безлюдье;

– праздное, утомительное, модных курортов, туристское, карнавал;

– затеряться, столкнуться (с кем-либо), переглянуться (с кем-либо в толпе), пересечься (с кем-либо);

– оглушить и ослепить (автомобилями, яркостью вывесок, богатством витрин, многоэтажностью современных зданий), крики, суета, громадность, бесконечное кружение, густое варево, обступать, рынка, возбуждающее, большой улицы, (страшная) толкотня и грязь, немолчный трезвон, удушливое, небывалое, базар, оставаться жутко, грохоты, лязги, обступить, поражаться;

– ожидаемое, в большой комнате, гудящей голосами; обрушиться (из комнаты), гром, свет; в избе; все смотрят (с вниманием);

– вокзал, платформа, (последние) проводы.

К перечисленным имеет смысл добавить две проекции, которые, не будучи устойчивыми, вместе с тем содержат некий смысл, который видится не вполне случайным для существующего в сознании представления о 'многолюдье'. Таковыми будут следующие из примеров основного корпуса:

– мужское, воинское;

– дружественное.

Прежде чем определить получившиеся смысловые векторы, характеризующие 'многолюдье' для сознания, сопоставив их по материалу корпусов, основного и газетного (плюс одного из устного), с тем чтобы получить какую-то картину, небезынтересным было бы, для тех же целей выведения векторов с последующим их сопоставлением, представить то же самое и в отношении 'многолюдства'.

Как уже отмечалось ранее, материал употреблений с этим словом в газетном и устном корпусах отсутствует, при том, что в основном корпусе он содержится в значительно большем (почти в два раза), по сравнению с *многолюдьем*, числе. И это была бы одна показательная и не случайная черта, которая неизбежно связывается с тенденциями времени, проявляясь в том, что *многолюдье* в современных текстах и, соответственно, толковых

словарях оказалось предпочтительнее *многолюдству* по сравнению с предшествующими состояниями языка.

Черту эту видится необходимым связывать с еще одной особенностью, а, возможно, из нее и выводить. Особенностью ассоциативного, точнее проявляющего себя в ассоциативности, характера, определяющего указанное предпочтение. Предпочтение, следующее из того, что́ и как именно, в ментально-смысловом отношении, при совпадении в лексической семантике, представляют 'многолюдье' и 'многолюдство'. Не столько как слова, в словах, точнее в контекстах их употреблений, это находит отражение, сколько как, но не понятия, а стоящие за ними представления, не всегда осознаваемые, но чувствуемые носителями языка.

Исходя из сказанного и имея в виду последующее сопоставление с 'многолюдьем', равно как и 'многолюдье' по текстовому виду корпусов, представим векторную картину 'многолюдства' на материале выборки из основного корпуса. Также в порядке появления соответствующих примеров, памятуя об их количественной ограниченности и неполноте. Кое-что при этом неизбежно придется повторить, с тем чтобы, представив ранее отмеченное в обобщении и с дополнениями, получить возможность вывести картину общего и различающего двух рассматриваемых представлений.

'многолюдство' – Москва, Европа, Париж, Голландия, Греция, Петербург;

– одуряет, ошарашивает;

– мелькание, спешка, машины, люди, впечатления, всё теснится, многошумный, очарованные взоры, изрядное количество (каких-либо людей), есть чем утешиться взору, свет, тепло, веселье, много детей и дам, автомобили (теснятся), (новые и новые) толпы (пассажиров), давка, перед праздниками, миллионы (гнездышек), ночь / день;

– одиночество (которое страшнее многолюдства);

– страшное, кромешное, возненавидеть, избегать (пуще всего), (охватывает инфернальный) ужас, оглушительная немота, ломит (в темени), томление, теснота;

– мышиная суетня, усталость (от коммунальной жизни), круговорот, (в многолюдстве) нет добра, сборища,

опустошения, погром, гадить, проку не видать, крик, дым от огня, отогнать зверя, нищее, беднота;
– деловой вид улиц, демократичность, (бесхитростное) торжище, (знаменитый оптовый) рынок («Чрево Парижа»);
– хочется туда, чувство коллективизма, смеяться вместе со всеми;
– бояться, душа (каким-то горем) сжата, потерян, сам не свой, (мешает) познать себя, (не дает) ручаться (только) за себя, не любить, (быть) tête-à-tête (с кем-либо), оробеть;
– встречи Нового года, собрание (рабочих), сидение при кабинете в ожидании (слишком долгие беседы в этом кабинете), похороны, в селе;
– отличаться (особенным) многолюдством, всякое, ощутимое впечатление многолюдства, невиданное зрелище, большое;
– вокзалы, вокзальные линии трамваев, около касс давка;
– (не видно) ни одного человека;
– пространство, обширность, достаточество, скот плодится, народы (все) богатые, огромность (заключенных сделок), постройка (заводов), (необыкновенно) обильный урожай (хлеба), коммунальные работы, сооружение (новой) дороги, строительная горячка (охватившая весь город, банки, финансовые учреждения, домовладельцев).

К этому, как и для материала с 'многолюдьем', представляется небезосновательным добавить не устойчивые, но показательные в ассоциативном отношении связи, передаваемые в контекстах с помощью определений к *многолюдству*, непосредственных либо подразумеваемых (обозначено косыми с двух сторон):

– рабочее, /мореплавателей/, наше.

Говоря об общих особенностях, связываемых как с 'многолюдством', так и с 'многолюдьем', необходимо отметить то, что следовало бы считать проявлением признаков, нашедших свое отражение в семантических фор-

мулах конституентного и не конституентного состава, распределявшихся по типам с их вариантами и разновидностями. Помимо проекции к месту в позициях *LocLoc* и *Loc*, стоит отметить главным образом, поскольку представленные в наибольшем числе, проекции как физического, так и психологического воздействия собранных масс людей на субъекта, что сопровождается часто оценкой происходящего с его стороны. 'Многолюдство' и 'многолюдье', что понятно и объяснимо, связывается нередко с каким-то событием, имеющим как повторяющийся, так и единичный характер.

Опираясь на материал показанных векторных групп, приходим к выводу, что 'многолюдье' (начнем обобщающее отображение с него) связывается в современном сознании, что находит свое выражение в публицистике (газетный и устный корпус), с представлениями, дополнительно также, хотя не всегда осознанно, и вызывая их:

- в городе, в открыто-закрытых местах городского пространства, т.е. имеющих плоскость и отмеченные границы:

а) допускающих возможность скопления большого числа людей, таких, как *большие улицы, площадки, площади, дворы* при зданиях и т.п., либо

б) так или иначе, предназначенных к этому, – *вокзалы, базары, рынки, торжища*, а также, по-видимому, что не исключено, но не нашло своего отражения, может, в силу иначе воспринимаемого характера там находящихся, поскольку организованно и по рядам, а не в перемещающейся массе без определенных и обозначенных мест, – *стадионы, ипподромы, открытые арены* и *цирки, открытые кинотеатры, луна-парки*, но сомнительно, чтобы *парки, кладбища, зоопарки, скверы*, по причине их внутренней пересеченности насаждениями и свойственными им объектами, не позволяющей говорить о чистой открытости места.

Из чего будет следовать представление о вероятном месте скопления для 'многолюдья' как ‘открытом, не пересеченном, т.е. чистом, плоском и ограниченном, имеющем видимые и осознаваемые границы местообъекте городского пространства’.

Такое возможное проявление в городе связывается, в свою очередь:

- с физическими ощущениями:

а) высокой, очень высокой температуры воздуха и окружающей вместе с этим среды, с возможной его недостаточностью либо нехваткой, – *зной, жара, духота*;

б) сдавленности и стесненности с невозможностью свободного перемещения, что передается словами *толпа, прижать, притиснуть* и пр. (не будем дополнять этот ряд, опираясь на слова из примеров);

- с психологическими состояниями, связываемыми отчасти с физическими (на основе примеров):
- подавленности и безысходности, передаваясь словами *уныние, тоска*;

- а также, не обязательно только в городе, с событиями:

а) регулярно повторяющегося характера, – *юбилеи, юбилейные чествования, праздники, торжественные встречи*, либо

б) обычными, характеризующими социальную жизнь, – *проводы, провожать, собираться* (об отъезжающих и провожающих), *выходить* (с цветами на улицы).

В свою очередь, традиционно, что находит свое отражение в текстах художественных, включая мемуарно-дневниковую литературу, помимо ранее выделенного на основе примеров из публицистики, параметры 'многолюдья' можно дополнить за счет представлений:

- о месте *Loc*, не только в городе, как помещении, т.е. закрытом и внутреннем:

а) допускающем либо не допускающем пребывание в нем достаточно большого числа людей, в первую очередь, в силу пространства, не пропорционально меньшего к столь большому числу, – (*большие*) *комнаты, коммунальные* (и не только) *квартиры*, (внутренние помещения) *избы́*, а также (*коммунальные*) *кухни, служебные помещения общего пользования* и т.п.;

б) предназначенном к пребыванию в нем, более или менее регулярном и постоянном, посетителей и приходящих, – *приемные при кабинетах, залы и комнаты ожидания, билетные кассы, платформы вокзала* (которые могут быть как открытыми, так и полуоткрытыми или закрытыми) и пр.

- о сопровождающих впечатлениях и следующей нередко из этого оценкой с отображением вида воздействия на восприятие:

а) кумулятивно-избыточного характера, передаваемого в примерах с помощью слов, содержащих как скрытую, так и явную позитивность, неприязнь и отталкивание либо констатацию (первое и последнее не всегда можно с полной отчетливостью разделить), – *оглушить* и *ослепить* (*автомобилями*, *яркостью вывесок*, *богатством витрин*, *многоэтажностью современных зданий*), *крики*, *суета*, *громадность*, *бесконечное кружение*, *густое варево*, (*со всех сторон*) *обступать*, *возбуждающее*, *страшная толкотня и обычная грязь*, *немолчный трезвон*, *удушливое*, *небывалое*, *грохоты*, *лязги*, *обступить*, *поражаться*; (в большой комнате,) *гудящей голосами*, *обрушиться* (из комнаты), *гром*, *свет*, *все смотрят* (*с вниманием*);

б) контактно-бесконтактного положения, способствующего либо, напротив, препятствующего взаимодействующей встрече с определенным лицом, – *затеряться* (в толпе), *столкнуться*, *переглянуться*, *пересечься* (с кем-либо);

в) бессмысленно-отупляющего или увеселительного времяпрепровождения – *праздное*, *утомительное*, *модных курортов*, *туристское*, *карнавал*;

- о психологических ощущениях и состояниях, не связываемых, как в примерах из публицистики, с физическими:

а) противополагаемого 'многолюдью' ощущения оставленности и бытия вне других людей, никому не нужным, наедине с собой, – *одиночество*, *одинокая и незаметная* (людям) *жизнь*;

б) переживания беспокойства и страха, вызванного незнакомыми лицами, обступающими в большом количестве и со всех сторон, – (*оставаться*) *жутко*;

- о характере восприятия,
- связываемого с готовностью либо, напротив, неподготовленностью увидеть то, что должно быть, а чего в настоящий момент в данном месте нет, – *ожидаемое*, *безлюдье* (*вместо многолюдья*).

Соответственно, 'многолюдство' в его векторных отношениях следует, с опорой на материал основного корпуса, определять применительно к городу, в отличие от 'многолюдья', в значительно меньшей степени связанным с характером городского пространства. Это не то, чтобы не существенно или не показательно, сколько, встречаясь, скорее, как черта до-

полнительная, служит лучшему представлению описываемого пространства и при этом себя проявляет либо

а) в противопоставлении 'многолюдству', – *деловой вид улиц*, либо

б) как свойство, связанное с каким-то особенным состоянием данного места (обилием отъезжающих), – *вокзалы, вокзальные линии трамваев,* (*давка*) *около касс*.

При этом то и другое не следует отмечать как нечто частотное и регулярное, поскольку себя проявило в двух единичных примерах.

В то же самое время в выбранном и рассмотренном материале, в отличие от 'многолюдья', 'многолюдство' не встретилось при характеристике открыто-закрытых пространств (площадки, площади, дворы и т.п.), воспринимаясь сознанием в этом случае, видимо, как состояние впечатления от пребывания где-либо и ви́дения, часто данного, города. По крайней мере, так это можно почувствовать из представленных описаний.

Оставаясь при характеристике места, необходимо сказать, что, в отличие от 'многолюдья', 'многолюдство' в значительно большей степени оказалось ассоциативно и векторно связанным с местом включения (*LocLoc*) – каким-либо городом или страной (*Москва, Европа, Ньюкасл, Париж, Голландия, Греция, Петербург*), выступая часто его особенностью, отмечаемой автором.

Для 'многолюдья' нечто подобное также встретилось. Но либо подразумевалось, не называясь (как в примерах с цветами на 8-е марта, когда все выходят, или с переходом программы с РТР на ТВЦ, предполагая разные города и места в одной огромной стране, так же как в сочетании с громадностью, которой наряду с многолюдьем эта страна держалась). Либо следовало дополнительно из описания, отвлеченно от мест (многолюдье модных курортов), при характеристике происходящего в данном городе праздника (карнавал в Венеции) или возникшего и не оставляющего затем впечатления (от Финляндии).

Второй особенностью места следовало бы считать подразумеваемое (там, где происходит *собрание* рабочих завода) либо обозначаемое (*при кабинете*) помещение, для которого 'многолюдство' становится либо само собой разумеющейся (как в примере с собранием), либо усиливающей дополнительно характеристикой чего-то другого (слишком долгой беседы с хозяином кабинета). То и другое нашло свое отражение в единичных примерах. Не обобщая, следовало бы, однако, сказать, что эта особенность, по-видимому, не слишком частотная.

Более значимым для 'многолюдства', исходя из примеров, представилось связываемое с ним отражение:

- впечатлений:

а) поражающих воображение своим хаотически множественным, не позволяющим ухватить мельтешением от количества, отделить одно от другого, соединить всё в какое-то целое, – *одуряет*, *ошарашивает*, *мелькание*, *спешка*, *машины*, *люди*, *впечатления*, *всё теснится*, *многошумный*, *изрядное количество* (*людей*), *автомобили* (*теснятся*), (*новые и новые*) *толпы* (*пассажиров*), *давка* (*при кассах*), *миллионы* (*гнездышек*);

б) притягивающих и увлекающих, – *очарованные взоры*, *есть чем утешиться взору*, *хочется туда*, *чувство коллективизма*, *смеяться вместе со всеми*;

в) отмечающих особые либо обычные ситуативные состояния, – *перед праздниками*, *встречи Нового года*, *собрание* (*рабочих*), *сидение при кабинете* (в ожидании, чтобы войти), в том числе и через противоположение, – *день* / *ночь*, *похороны*;

г) характеризующих равенство и открытую близость, в том числе и через отношение к определенному месту, – *демократичность*, (*бесхитростное*) *торжище*, (*знаменитый оптовый*) *рынок* (*«Чрево Парижа»*);

- психологических ощущений и переживаний:

а) чего-то милого и приятного, связываемого с проявлением и биением жизни, – *свет*, *тепло*, *веселье*, *много детей и дам*;

б) пугающего, настораживающего и отталкивающего либо, напротив, втягивающего в себя и поглощающего, – *страшное*, *кромешное*, (*охватывает инфернальный*) *ужас*, *бояться*, *оробеть*;

в) давящего, стискивающего, препятствующего и мешающего, – *оглушительная немота*, *ломит* (*в темени*), *томление*, *теснота*, *душа* (*каким-то горем*) *сжата*, *потерян*, *сам не свой*, (*мешает*) *познать себя*, (*не дает*) *ручаться* (*только*) *за себя*, (*быть*) *tête-à-tête* (*с кем-либо*);

г) вызывающего неприязнь и желание избавиться, – *возненавидеть*, *избегать* (*пуще всего*), *не любить*;

- психологических состояний:

а) возникших от переизбытка вследствие множества, – *усталость* (*от коммунальной жизни*), *круговорот*, *мышиная суетня*;

б) внешне противополагаемых, но переживаемых субъективно подобным образом, – *одиночество* (*которое страшнее многолюдства*);

- сопровождающих состояний окружения:

а) негативного следствия для него – *опустошения*, *погром*, *гадить*, *проку не видать*, *нет добра*, *крик*, *дым от огня*, *отогнать зверя*;

б) связанности с переизбытком людского множества и следующей из этого недостачей в своей обычности, – *нищее*, *беднота*, *всякое*;

в) отмечающих его в отношении необычности либо значительности происходящего в данном месте, – *отличаться особенным* (*многолюдством*), *ощутимое впечатление* (*многолюдства*), *невиданное зрелище* (*для Петербурга*), *большое* (*в селе*);

г) противоположного 'многолюдству' характера, – (*не видно*) *ни одного человека*;

д) либо, напротив, непосредственно связанного и ассоциируемого с ним, – *пространство*, *обширность*, *достаточество*, *скот плодится*, *народы* (*все*) *богатые*, *огромность* (*заключенных сделок*), *постройка* (*заводов*), (*необыкновенно*) *обильный урожай* (*хлеба и особенно свекловицы*), *коммунальные работы*, *сооружение* (*новой*) *дороги*, *строительная горячка* (*охватившая весь город*, *банки*, *финансовые учреждения*, *домовладельцев*).

В целом, с точки зрения материала, 'многолюдство' по сравнению с 'многолюдьем' получилось не столько более разнообразным и дифференцированным, сколько более направленным на субъектную сферу в ее переживаниях, ощущениях, состояниях и впечатлениях. Что может быть следствием более длительного, скажем так, использования его, в том числе и как слова, в текстах художественной литературы, с одной стороны. И ориентированности, с другой, не столько на совокупную массу, как в 'многолюдье', сколько на количественно-множественный, а потому одновременно собранный, слитый и вместе с тем расходящийся, движущийся, распадающийся на вероятные многие части состав. А это, как следствие, можно воспринимать как не то, чтобы более близкое впечатление для субъекта, сколько более активно и динамично им переживаемое и ощущаемое.

С точки зрения современного восприятия (опираясь на корпусный материал, газетный и устный), находящего свое отражение, в первую очередь, в публицистике, о 'многолюдстве' не приходится говорить. Что касается 'многолюдья', то сравнение его с материалом художественного, а потому и субъектно-традиционного, скажем так, представления дает возможность увидеть своего рода активно себя проявляющее ядро, связываемое с отражением:

а) открыто-закрытых мест городского пространства, допускающих возможность скопления большого числа людей либо к этому предназначенных, а потому и воспринимаемых интуитивно как ‘площади’ (плоские чистые в своих границах места), что можно было бы передать показателем *LocUrb(Forum)*;

б) сопровождающих физических ощущений высокой температуры внешнего окружения и сдавленности от пребывания в нем либо около, с показателем *FervPress(Insess)*;

в) психологических состояний подавленности и безысходности *Cond(OpressInv)*;

г) событийности регулярно-характеризующего отображения *Event(RegulPropr)*.

Характеристики ядра сопоставляемых представлений

В отношении 'многолюдства' вопрос о ядре его представления для сознания, соотносясь, но не с современным, а с традиционным отображением, видимо, следовало бы свести к установлению того, что для его проявления можно считать регулярно-активным. И тогда это был бы состав, определяемый, объединяясь по показателям взаимного притяжения, в отношении а) мест большого включения как их свойство и характеристика, проприатив лок-локатива, *LocLoc(Propr)*; б) притягательно-увлекающих впечатлений хаотической множественности, мультипликатив-аттрактив, *Mult(Attract)*; в) пугающе-настораживающего, препятствующего и мешающего характера, территатив-прохибитатив, *Territ(Prohibit)*; г) негативно действующего переизбытка, негатив кумулятива *Cumul(Neg)*; д) необычности и значительности (для) окружения, мирабилитатив грандитива, *Grand(Mirabil)*.

Сопоставление ядерных отражений 'многолюдья' и 'многолюдства', помимо отличий в характере наиболее частого места в отношении площади города для первого и свойственности места большего и включающего,

метрополии либо целой страны, для второго, дает возможность увидеть различающий их воздействующий характер, в первую очередь, на субъекта. Отличие по этому параметру можно свести к тому, что физические ощущения высокой температуры и духоты, оказавшись типично свойственными для 'многолюдья', в отношении 'многолюдства' таковыми не предстали, их место как определяющих заместили впечатления притягательно-хаотической множественности того, что происходит на глазах.

Различия наблюдаются также и в области психологических состояний, а с этим и оценочности. Подавленность и безысходность для 'многолюдья', следующая из физических ощущений высокой температуры и сдавленности, замещаясь для 'многолюдства', ассоциируется, в первую очередь, с пугающим и препятствующим характером типического воздействия, связываясь далее, через оценку, с восприятием негативно определяемого переизбытка.

В свою очередь, существенная для представления 'многолюдья' событийность явлений, при повороте к типичности восприятия, поскольку сама событийность для 'многолюдства' не исключена, оборачивается представлением, в первую очередь, о подчеркиваемой необычности и значительности чего-либо происходящего и осуществляющегося, что, вызывает, как следствие, 'многолюдство'.

Схематически сказанное в отношении типичности, исходя из выделенных на основе примеров ядерных представлений о том и другом, можно передать следующим образом:

'Многолюдье'

Физические ощущения

Место в городе (форум) | События

Психологические состояния

'Многолюдство'

Вызываемые впечатления

Место как город, страна | Действие на окружение | Необычность происходящего

Психологические ощущения и переживания

Из чего получалось бы, что 'многолюдство', в отличие от 'многолюдья', в большей мере, исходя из ядерных представлений о том и другом, ориентировано на окружение, определяя его в отношении 1) воздействия на субъекта (вызываемые впечатления); 2) действия на само окружение и 3) того, что как значительное и необычное в нем (окружении) себя объявляет, вызывая, в конечном счете, 'многолюдство' либо, само, как следствие, отображаясь в нем, в его характере и состоянии.

В свою очередь, 'многолюдье', в большей мере связываясь с пребыванием в городе и выступая характеристикой для него, сопровождается соответствующими физическими ощущениями и психологическими состояниями, отмечая одновременно и/или дополнительно какие-то знаменательные события, имеющие повторяющийся и привычный характер.

Некоторые типологические особенности за пределом ядра

В связи с выведенным различием (необходимо все время подчеркивать, что речь идет не о представлениях как таковых и возможных, а наиболее сущностных, или прототипических[16], названных ядерными) небезынтересным видится обращение к ранее обозначенным характеристи-

[16] О прототипах см. работы, в первую очередь, Э. Рош, определившей саму теорию: Rosch E.: *Cognitive reference points.* [In:] Cognitive Psychology 7, 1975, p. 532-547; Rosch E.: *Cognitive representations of semantic categories.* [In:] Journal of Experimantal Psychology: General 104, 1975, p. 192-233; а также Taylor J.R.: *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford University Press 1989, 1995; Кубрякова Е.С.: *Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем*. [В:] Язык и структура представления знаний. Москва 1992, с. 4-38; Демьянков В.З.: *Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория*. [В:] Язык и структура представления знаний… с. 39-77; Шенк Р.: *Обработка концептуальной информации*. / Перев. с англ. Москва 1980; Демьянков В.З.: *Теория прототипов в семантике и прагматике языка*. [В:] Структуры представления знаний в языке. Отв. ред. Е.С. Кубрякова. Москва 1994, с. 32-86.

кам 'многолюдья' и 'многолюдства', показанным как для них не типичные в общем списке параметров и определявшимся по признакам *мужское, воинское* и *дружественное* для 'многолюдья', *рабочее, /мореплавателей/, наше* для 'многолюдства'.

Признаки эти не связывались бы с наиболее частотно себя проявляющим местом в городе, в отношении 'многолюдья', либо местом как городом или страной, в отношении 'многолюдства' (за исключением изобилия мореплавателей, характерного для Ньюкасла), ни со всем остальным, отраженным в схеме, определяя "человеческий" вид и характер состава входящих в то и другое множество и соответственно характеризуя его.

И при этом, что необходимо добавить, с одной стороны, эти признаки выступают определяющими для данного места. Там, где присутствуют представители только мужского пола, предположительно школьники, поскольку это, судя по всему, мужская школа (*мужское*). Там, где в определенное время года (зимой) отмечается изобилие все тех же представителей мужского пола, но не школьников, а солдат (*воинское*). Там, где тебя окружают в большом числе люди, благоприятно к тебе относящиеся (*дружественное*). Там, где осуществляется совместно и постоянно работа, требующая присутствия большого числа занятых в этом месте людей (*рабочее*). Там, где мы, поскольку мы там, может быть, не только присутствуем более или менее постоянно, но данное место нам также, что вполне возможно, и принадлежит либо отмечено нашим в нем присутствием (*наше*).

В то время как одновременно, с другой своей стороны, эти признаки, характеризуя указанным и вместе с тем сжатым способом то или иное данное место, выступают определителями, через показатель состава, воздействующего и через это оценочного характера. Если школьное многолюдье – мужское, т.е. если эта школа для мальчиков, то их отношение к появлению девочек в ней может быть не обязательно одобрительным, поскольку это разрушило бы сложившуюся типично мальчишечью и подростковую атмосферу, внеся замешательство и ненужные осложнения в устоявшиеся отношения и среду. Если в определенное время, зимой, в данном месте с постоями либо разбитыми лагерями (контекст в данном случае не существен) появляется большое количество воинского контингента, то добра не жди и мало что хорошего из этого следует предполагать.

Подобным образом, с расширениями и уточнениями, дающими основание так либо иначе себя представлять из контекста, можно было бы описать и три (четыре) остающихся признака – *дружественное, рабочее,*

/*мореплавателей*/, *наше*. Однако не в этом состояла задача, а в том, чтобы определить, к ряду каких показателей и в каком, соответственно, отношении применительно к 'многолюдью' и 'многолюдству', имея в виду имеющиеся в сознании представления о том и другом, эти не типичные, как уже отмечалось, признаки следовало бы отнести.

С мыслью также о том, что появление чего-либо не (вполне) типичного является следствием, так или иначе, заложенных в общее представлений. Важно только решить, в каком случае и когда для того и другого совместно, а когда и в каких случаях отдельно для каждого. Иными словами, оставаясь в пределах приведенных характеристик, если *мужским* было *многолюдье* в контексте, так же как *воинским* и затем *дружественным*, а *рабочее*, /*мореплавателей*/ и *наше* характеризовали собой *многолюдство*, то что́ и как бы выглядело, могло бы выглядеть наоборот?

Рассмотрим для этого содержащие приведенные определения примеры.

> Я был большим сторонником девочек, одним из самых, может быть, ярых и преданных им, среди *мужского многолюдья*.

> Зимой им опас больший – от *воинского многолюдья*.

Коль скоро 'многолюдье' может быть *мужским*, то оно может быть и *женским*. Так же как, если *воинским*, то и каким-либо еще по соответствующему показателю состава: *матросским*, *крестьянским*, *солдатским*, *студенческим*, *рабочим*, *купеческим* и т.п. Из чего следует, что определение 'многолюдья' по характеру людей, в него входящих, по признаку пола, занятий и чего-то еще, хотя и не частотно, но вполне допустимо. Возникает при этом вопрос – будет ли это свойство приписываться собственно 'многолюдью', т.е. большому количеству людей как массе, где-то находящейся, это место представляющей и собой определяющей, или речь идет о каком-то совмещении либо смещении?

Рассуждая последовательно, мужское и воинское многолюдье видится возможным представлять как то, что где-то, в каком-то месте, в описываемое время, находится большое количество людей, и эти люди – мальчики, мужчины, воины. Иными словами, мысль содержит два подхода: 1) 'многолюдье' (как ‘большое количество людей’ как таковых, а не мальчиков, мужчин и воинов, ибо нельзя считать, что 'многолюдье', пусть какое-то, представлено в сознании как ‘большое количество где-либо одновременно мальчиков, мужчин, воинов, кого-то еще’); 2) 'там, где имеет место

это многолюдье', присутствуют, находятся исключительно либо в подавляющем большинстве мальчики, мужчины, воины.

В то время как первое является значением соответствующего слова и, тем самым, содержит узуальное, общепринятое и общепонятное, без уточнений и контекста, представление о 'многолюдье', второе следует определять как ситуативную и предицирующую привязанность. Это не 'многолюдье' как таковое, а то, что следует описывать как присутствие где-либо в большом числе представителей мужского пола и его количественное превалирование над женским. Что, собственно говоря, в референциальном отношении уже и не 'многолюдье' как таковое.

Из чего следует вполне обычный и естественный механизм языкового отражения в речи: то, что присутствует в действительности, находит свое отражение в воспринимающем сознании в подборе представлений, а за этим слов, которые не столько связаны с действительностью отображения, сколько с ассоциативно-тематическими связями между понятиями и словами.

Иначе говоря, «вижу либо знаю, что в описываемом мною месте присутствует большое количество мальчиков (мужчин, воинов), по сравнению с представительницами противоположного пола, которых нет либо намного меньше, → а мальчики (мужчины, воины) суть люди, определенная и представительная часть людей, → а там, где одновременно находится, присутствует, имеется в наличии много людей, равно как и само большое их количество, – это 'многолюдье', → следовательно и тогда, там, где в большом количестве находятся, присутствуют мальчики (мужчины, воины), это, отчасти, тоже 'многолюдье', → но особое, по сравнению с 'многолюдьем' как таковым, → и тогда это будет, его можно так называть, определяя как *мужское* (*воинское*) *многолюдье*».

Первый шаг из представленных (вижу либо знаю) есть отражение того, что присутствует в реально наблюдаемой либо отраженной в сознании в воспоминаниях действительности, ее восприятие, или перцепция, память о ней. Второй, то, что мальчики (мужчины, воины) суть люди, часть людей, будет шагом, связанным с существующими знаниями о том, как действительность устроена, из чего и из кого она складывается и состоит, но не обязательно реально наблюдаемая в данный момент, а как таковая. И это будет шагом, связываемым с концептуализацией. Третий шаг, о том, что много людей есть 'многолюдье', отображает знание вербализованное, «я знаю, что то и то в действительности, так и так называется, имеет такое-

то свое обозначение в языке». Четвертый шаг (там, где в большом количестве находятся представители мужского пола можно отчасти посчитать как 'многолюдье') будет шагом логическим, связанным с умозаключением, получаемым субъектом выводом из существующих общих знаний, его собственным мыслительным движением, или концептуализирующим следствием. И, наконец, пятый шаг, последний, с называнием, будет шагом, также собственной, вербализации, – словесного оформления полученного логического вывода на четвертом шаге для его последующей коммуникативной передачи.

В нем, в этом последнем, пятом, шаге, заключается в скрыто-развернутом (внутренне развернутом, точнее разворачивающемся) виде мысль о том, что если 'многолюдье' состоит и составлено из людей, то тех или иных людей, по виду и разбору их, также можно посчитать, если присутствуют где-либо в большом, превалирующем, количестве, за 'многолюдье', по соответствующему виду людей, его составляющих. Иными словами, выбранные примеры с определениями при многолюдстве будут обозначать, что *дружественное многолюдье* есть многолюдье, составленное из дружественных по отношению к персонажу людей. Так же как *рабочее многолюдство* – составленное из рабочих, *наше* – из нас и т.п.

О характере восприятия 'многолюдья' и 'многолюдства'

Возвращаясь к мысли о возможном отличии 'многолюдья' от 'многолюдства', на этот раз в отвлечении от ядерности и современности содержащихся в том и другом представлений и исходя при этом из сказанного по поводу состава, имеет смысл посмотреть, возможна ли замена в приведенных контекстах одного слова другим. И, если возможна, то происходит ли что-нибудь при такой замене в семантике и, если она происходит, то в чем состоит.

Тем самым, исходно взятый пример содержал бы другое слово, из чего получалось бы следующее:

> Я был большим сторонником девочек, одним из самых, может быть, ярых и преданных им, среди *мужского *многолюдства*.
>
> Зимой им опас больший – от *воинского *многолюдства*.
>
> Душа не отвращалась уже, как прежде, от этой железной чужбины, от ее грохотов, лязгов, от сверлящих и режущих звуков, наоборот, она обступала Журкина *дружественным* многолюдством*.

И, соответственно, в обратную сторону:

Мне показалось, что он стал бояться *нашего *многолюдья*.

…великая богиня … скорбит и не хочет утешиться … в мышиной суетне *рабочего *многолюдья…*

Первый пример, с *мужским *многолюдством* вместо исходного *многолюдья*, можно было бы воспринять, в первую очередь, в том отношении, что большое количество вместе собравшихся представителей мужского пола, мальчиков и подростков, как это можно понять, находится где-то толпою в данный момент. Иными словами, речь бы шла о меняющемся характере передаваемого восприятия, понимаемого как своеобразная точка отсчета, или плане отображения, с приближением и нахождением внутри в отношении 'многолюдства', и отдалением, точнее отвлечением, с присутствием и неприсутствием для 'многолюдья'. Присутствием в смысле принадлежности и отнесенности, говорящего либо персонажа, к составу большого числа людей. И неприсутствием в смысле необязательного наличия, говорящего либо персонажа, в этом составе в данном месте в данный момент.

Отличие это можно было бы уподобить соотношению в высказываниях *Я иду в школу*, как действие, имеющее место и протекающее на глазах, с *Я хожу в школу*, как действие, регулярно себя повторяющее на протяжении какого-то более или менее длительного и не определяемого точно отрезка времени, действие как определенного рода деятельность. В грамматике это находит свое отражение в так называемом способе глагольного действия для русского и других языков, в котором это не выражается с помощью разновидностей временных форм, например, как в английском, типа *I am going to school* и *I go to school*, соответственно, как формы длительного и постоянного настоящего времени.

Однако это не все, что можно бы было сказать в отношении того же примера. Отвлеченный характер отображения собранных в 'многолюдье' соотносится с более непосредственным и живым восприятием тех же людей в 'многолюдстве'. Видимо, не случайно, если обратиться к противоположным примерам, *наше*, как определение, более подошло к *многолюдству*, чем к *многолюдью*. Если «…он стал бояться нашего **многолюдья*» содержит в себе представление о более или менее регулярно встречающихся где-либо вместе в немалом числе людей, то «…он стал бояться нашего *многолюдства*», как в исходном примере, не исключая такого же восприятия, концентрирует мысль, может, не столько на самих собравшихся, сколько на их числе. Из чего получалось бы то, на что уже обращалось

внимание ранее. 'Многолюдье' в большей степени содержит в себе представление о массе собравшихся, направляя акцент к сплоченно неразличимой в составе их совокупности, и отсюда возможен взгляд отвлеченный и со стороны. В то время как 'многолюдство' – это, скорее, множество и состав. Отсюда план ближнего восприятия, со своего рода вхождением в него и присутствующим нахождением в нем, по крайней мере, в воображении.

Остальные примеры могут служить подтверждением сказанного. *Воинское *многолюдство*, в первую очередь, предполагает толпу собравшихся, движущихся, перемещающихся в своей стиснутой сдавленности людей. В то время как *многолюдье* характеризует присутствие их в немалом количестве, с мыслью к тому же о периодичности данного положения (зимой), что в большей мере соответствует намерению автора. В свою очередь, *дружественное *многолюдство*, в отличие от *многолюдья*, воспринимается как более непосредственное и живое в своем протекании, тогда как *многолюдье* такого представления не дает, отмечая своего рода крупным планом и в некотором отвлечении само большое наличие в одном месте присутствующих.

Так же как *рабочее многолюдство* примера в большей мере подходит к рядом поставленной и определяющей его *мышиной суетне*, конкретизирующей и дополнительно уточняющей восприятие большого количества.

Показательными в отношении сказанного, применительно к отображаемой конкретизации для 'многолюдства' при отвлеченности и обобщенности 'многолюдья', могут быть такие два примера, не специально подобранные, но и не взятые наугад. «Емельян Пугачев» В.Я. Шишкова:

> – Ах, напраслина, ваше величество, не во гнев будь вам сказано, – возразил атаман Овчинников. – Дня того не проходит, чтобы мы приступ под стены не делали. Хотя не шибким *многолюдством*, а нет-нет, да и притопнем на Рейнсдорпа-то…[17]
>
> Вскоре и Пугачев двинулся против Валленштерна со всеми своими силами. В его действующей армии было сейчас до десяти тысяч человек при сорока орудиях. Чернышевские солдаты, а также тысячи

[17] В.Я. Шишков: *Емельян Пугачев. Историческое повествование*. Книга вторая. Часть вторая. Глава IV. Москва 1950, с. 369.

невооруженных крестьян были выгнаны из Берды и расставлены по сыртам[18], чтобы *многолюдством* своим внушить неприятелю страх.[19]

В первом из приведенных примеров 'многолюдством' отмечено действие, осуществляемое периодически и более или менее регулярно одновременно и вместе многими, собранными для достижения определенных военных целей людьми. Речь идет об осаде крепости, вокруг которой люди эти в большом количестве расположились. Представить себе в этом случае *многолюдье* было бы трудно, поскольку оно таковое действий каждого по отдельности в общем большом составе совместной силы, направленной на достижение поставленной цели, не предполагает. В связи с чем можно было бы говорить о возможности для *многолюдства* проявления в определенных контекстах значения, определяемого как дистрибутивное (каждого по отдельности в общем числе).

Выгнанные и расставленные по сыртам солдаты и с ними крестьяне большим числом внушить неприятелю страх должны своим 'многолюдством', не 'многолюдьем'. То есть не тем, что их много, собравшись, нагромоздилось где-то в неразличимой в своем составе толпе, а тем, что это собравшееся вместе множество способно к направленному проявлению в общем действии – напасть, бросаться на штурм и числом своим одолеть. В этом случае важно не столько значение дистрибутивное, хотя оно внутренне там себя проявляет, сколько значение акциональной совместности не просто собранного, а направленно действующего большого числа.

Проиллюстрировать сказанное можно также таким примером. М.Е. Салтыков-Щедрин «Старец»:

> Вообще, изучение торгового движения по коммерческим трактам северо-восточной России, и в особенности Вятской губернии, и сравнение его с движением, совершающимся по трактам официальным (почтовым), представило бы картину весьма поучительную. На первых – деятельность и *многолюдство*, на последних – пустыня и мертвенная тишина.[20]

---

[18] «**СЫРТ,** -а, *м.* Название ровной или слегка волнистой поверхности в горах Средней Азии или широких плоских возвышенностей в Заволжье, служащих пастбищами. [Тюрк. сырт]» (МАС) В тексте, поскольку действие происходит в Заволжье, видимо, это второе, т.е. широкая плоская возвышенность.

[19] В.Я. Шишков: *Емельян Пугачев…*, с. 431.

[20] Н. Щедрин (М.Е. Салтыков): *Собрание сочинений*, т. 1. Москва 1951, с. 379.

Деятельность и многолюдство противополагаются пустыне и мертвенной тишине; движение, действия, перемещения, суета в немалом числе осуществляющих все это людей – их отсутствию. Тем самым, это также ранее упомянутое значение акциональной совместности при внутренней дистрибутивности направленно действующего большого числа людей, хотя их направленность не предполагает реализацию общей цели, если не считать таковой продвижение по дороге.

Или такой пример, в дополнение и завершение. В. Костылев «Иван Грозный. Невская твердыня», внутренний монолог, мысли Ивана, касающиеся его самого и своих привычек:

> …как бы оправдываясь перед самим собой, подумал, что он, царь, далек от того, чтобы быть довольным одиночеством; эту башню, куда он уединяется, нельзя назвать иначе, как «терем раздумья».
>
> Нет! Он, царь, любит *многолюдство*. Вся жизнь его протекала в бурных волнах житейского моря, в борьбе и опасностях, среди людей, среди друзей и врагов, и если теперь сидит он тут один – причина тому: только что случившаяся ссора с царевичем Иваном.[21]

Многолюдством определяется его постоянное и им самим избираемое, точнее не избегаемое, пребывание среди людей, в их окружении, нередко в толпе, не составляя при этом в составе ее с нею массу. Он – государь, они все вокруг него и при нем, и поэтому и среди них и внутри них он чувствует собственную от них неизменную отделенность и обособленность.

Многолюдством отмечено, следовательно, расчлененно-совместное множество окружающих, в составе которых нет и не может быть у него объединяющего с ними смешения. Люди, толпа не поглощают, не втягивают и не включают его в себя, напротив, они дают ему ощущение собственной в их окружении, его изолирующей, подчеркиваемой ими, значимости. Это было бы выделенное ранее в качестве ядерных представление притягательно-увлекающих впечатлений хаотической множественности мультипликатив-аттрактива, *Mult(Attract)*, для многолюдства, при переживаемой в нем для себя обособленности изолирующего унификатива. Последнее реализует себя, подчеркиваясь, в противопоставлении многолюдства намеренно избираемому им и мотивируемому уединению, с отделением от остальных для раздумий наедине с собой. Не для того, чтобы быть

[21] В. Костылев: *Иван Грозный. Невская твердыня*. Часть первая. Москва 1947, с. 3-4.

вне их, в одиночестве предоставленности себе самому, по причине ли утомления от переизбытка либо случившейся, будь то желательной или же не желательной, вынужденности.

Несколько исторических иллюстраций возможных значений

Небезынтересным было бы, для более полного представления о 'многолюдстве' и 'многолюдье', в сопоставлении и по отдельности, обращение к историческому материалу. С тем чтобы постараться увидеть по мере возможности, поскольку следовало бы отвлечься от современного восприятия, как использовалось и что собой могло означать как то, так и другое.

Исторический и церковнославянский корпусы национального корпуса русского языка позволили выбрать для этой цели, соответственно, по 4 и 2 примера для *многолюдства* и только один с *многолюдьем* из исторического (в церковнославянском с этим словом примеров не оказалось). Не делая из этого далеко идущего вывода, можно бы было все же отметить бóльшую вероятность, если не частотность, употребления первого слова в ранних памятниках русской традиции по сравнению со вторым.

Первый пример по своему характеру и объекту отображаемого описания напоминает уже встречавшийся ранее с «наслегом, многолюдством и скотоводством весьма достаточным» [Д.И. Саврасов. Дело о редкостях, или первопроходцы (2003-2008)], стилизованным под старинную речь. И это был бы XVII век:

> …про ихъ житіе и кочевное пребывание и про ихъ улусы и *многолюдство*. [Строгановская летопись по Толстовскому списку (1630-1640)]

Тем самым, это было бы ‘большое количество проживающих на какой-то одной более или менее большой территории людей в одно время по разным местам, в том числе возможно также разбросанным’, что составляло бы характеризуемую особенность не столько самой этой территории, сколько жителей. На основе чего возникала бы также и соответствующая оценка благополучия и достатка. И тогда это был бы знакомый и ранее уже выделенный и описанный тип по ведущему показателю *LocLoc*, понимаемому не как город или страна, а как определенная территория, занятая однородно воспринимаемым населением, характеризуемый по формуле с расширениями (выделены подчеркиванием):

QuantMag(Populi)*>Congr/****Habit>LocLoc****(Loc<u>MultDispers</u>)Temp(Simult)|<u>Prosper</u>.*

> А уже в монастырѣ Троицкомъ хлѣба по оскуду бѣяше, единъ малъ сусѣкъ муки остася на толикое *многолюдство*, якобы на единъ день

или мало болши; аще и осада миновалася, но вся пути залегоша окаяннии поляки, и литва, и русские воры; и невмѣстно ниоткуды в Троицкой монастырь из селъ хлѣба привести. [Симон Азарьин. Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия (1648-1654)]

Данный пример противопоставляет количество оставшегося провианта непропорционально большому количеству находящихся в монастыре в данный момент людей. И тогда это было бы ‘(слишком) большое количество пребывающих (собравшихся) в данный момент в данном месте в их отношении к ограниченной способности их прокормить’. В основе представляемого типа, тем самым, лежит, как исходное, место характеризуемой свойственности *Loc(Propr)*, полагаемое к кумулятиву, соотносимому с невозможностью более или менее длительно их содержать (импоссибилитатив алитива), что и будет определять дальнейшее расширение:

*{[**Quant**^{Major}**(Populi>Loc)**Est(TempSimult)]Loc(Propr)}Pass(Cumul)>(ImpossAlit)Long*.

И доидоша до Пелымскаго княжца Патлика и с нимъ велій бой поч иниша за *многолюдство* и пустой шумъ, ібо толико отобралися одне мужики и на бой, а жены их и дѣти свезены в растоян[и]е на Конду реку в урочище неприступное, и едины бойцы осташася у рыбиныхъ ловль; і техъ Ермакъ с товарищи прибили до единаго. [С.У. Ремезов. Ремезовская летопись по Мировичеву списку (1690-1700)]

Под *многолюдством* в представленном случае следует понимать большое количество представителей мужского населения Пелымского ханства, вступивших в бой с Ермаком с товарищи, которых те, в конечном итоге, прибили всех до единого. Тем самым, это был бы также знакомый и ранее выделенный тип по ведущему показателю собственно большого количества где-либо находящихся в одно время людей при ослабленной актуальности места их пребывания, с расширением, обусловленным боем, который был *велій*, с последующим их истреблением:

*[**Quant**^{Mag}**(Populi**>Loc)>**Congr>Est**(TempSimult)]Pugn(Magn)>Exterm*.

В том местечке Мстибове того дня была ярмонка и *многолюдство* великое. [Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)]

Многолюдство, определяя ярмарку в данном месте в данное время и связываясь, тем самым, с регулярно себя проявляющим (в данном месте в данное время) событием, представляет также знакомый тип по ведущему

показателю времени при актуальности места и самого многолюдства, определяемого как *великое*. Расширением будет выступать событие:

[Quant^{Mag}(Populi)>***LocTemp(Idem)***>*Est/Vers]Temp$_{Iterat}$(Event)*.**

Два примера с *многолюдством*, без указания времени их появления, нашли свое отражение в церковнославянском корпусе.

> Подо́бенъ: бо є́сть у́мъ неда́внѡ ѿ зло́бы удали́вшихся, тѣ́лу по́слѣ до́лгія болѣ́зни воста́ти нача́вшу, єму́же и ма́лый слу́чай к воспріѧ́тію болѣ́зни причи́ною быва́етъ, не ѹ̀ въ си́лѣ утверди́вшуся держа́внѣй: ѡскудѣва́ютъ бо и сегѡ̀мы́слєнныя си̑лы, и разбива́ются, я́коже подоба́етъ бы́ти, не па́ки тещѝ стра́сти ѡбы́чай иму́щія въ *многолю́дствѣ* смуще́ніемъ раздража́тися. [Добротолюбие. Часть четвертая. Нила постника, о молитве. Его же, слово постическое]

Многолюдство в данном примере предстает как среда и источник страстей и смущения, противополагаясь уму (в одиночестве и размышлении), недавно удалившемуся от злобы (мирских соблазнов), уподобляемому телу, которое, только начав приходить в себя после долгой болезни, подвержено малому случаю вновь заболеть: «ѡскудѣва́ютъ бо и сегѡ̀мы́слєнныя си̑лы, и разбива́ются, я́коже подоба́етъ бы́ти».

Из чего следует, что важным является собственный показатель большого людского количества, вне места и времени. Большого людского количества не как такового, а в связи с представлением его как интегрирующей массы, нейтрализующей не столько различия, сколько способность медитативного самопогружения и совершенствования для субъекта, смущая и раздражая его своими страстями, следующими из все того же людского множества, ориентированного главным образом на мирское, а не духовное:

Quant^{Mag}(Populi)>*Est**[Integr(ConjunctMult)]**Pass(Cumul)>(Disjunct)*.**

Приведенный пример интересен тем, что 'многолюдство' в нем предстает, в результате, в типологическом неразличении с 'многолюдьем', поскольку показатель кумулятивно-интегрирующей массы на основе людского множества с последующими из этого дальнейшими расширениями оказался свойственным, будучи выведенным на основе анализа, 'многолюдью', не 'многолюдству'.

Видимо, не случайно, поскольку ничто не мешает предполагать, что первоначально, а возможно, не только первоначально, синкретизм ранних текстов и раннего восприятия неизбежно должен быть отразиться и себя

отразил и в рассматриваемом семантическом материале. Смысловое, и при этом довольно тонкое, расподобление 'многолюдства' и 'многолюдья', не фиксируемое к тому же по словарям, находя свое воплощение в употреблениях и контекстах, несомненно, явление позднее. Так же как, видимо, более поздним по своему, если не появлению, то использованию небезосновательным было бы воспринимать *многолюдье* по сравнению с *многолюдством*, на что указывают не только свидетельства словарей не последнего времени (ТСУ и МАС), но и корпусный материал, в том числе исторический.

> Положено́: ѡбвиня́емому, илѝ ѡбвиня́ющему, ѡпаса́ющемуся нѣ́коегѡ наси́лія ѿ безпоко́йнагѡ *многолю́дства* въ то́мъ мѣстѣ, гдѣ̀ нахо́дится ѡбвиня́емый, избира́ти для себѧ̀ ближа́йшее мѣсто, гдѐ не бы́ло бы є҆мꙋ̀ тру́дности предста́вити свидѣ́телей, гдѣ̀ и ѡка́нчивается дѣ́ло. [Книга Правил святых апостолов, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отцов. Все правила и послания]

Речь идет о большом количестве находящихся, собравшись, сошедшись, столпившихся в одном месте людей внутри помещения, что способно мешать, быть препятствием объективности проведения дела как для обвиняемого, так и для обвиняющего. В связи с тем, что такое их вместе собранное большое количество может действовать подавляюще. И тогда это был бы тип, связанный с показателем места свойственности, с расширением в кумулятив-оппрессиве:

*[**Quant**^{Mag}**(Populi>Loc)Est**(TempSimult)>**Loc(Propr)**]Pass(Cumul)<Oppress*.

Единственный пример с *многолюдием* относится к XVI-му веку, представляя собой текст на русском языке того времени, не на церковнославянском:

> Елицы же их, на *многолюдие* или на твердости града надѣющеся, крѣпцы вооружишася сидѣти, у них же стѣны даже и до основания разрушити повелѣ, самих же розными горкими розличными смертьми, и их жены, и их дѣти, умрети повелѣ, да и прочии страх примут. [иконописец Василий, житель Пскова. Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков (1583-1590)]

Большое количество собранных в одном месте (осаждаемом граде) людей, в совокупности с его крепкими стенами, не помогло, – стены были разрушены до основания, а все люди, внутри находящиеся, истреблены.

Вместе с тем это количество в данном примере выступило как то, на что, в соединении с твердостью града, можно бы было, надеясь, рассчитывать при обороне. И тогда это был бы тип по ведущему показателю места свойственности *Loc(Propr)*, при ослабленной актуальности времени, с расширением в дефенсиве:

$$[\mathbf{Quant^{Mag}(Populi)>Est>Loc(Propr)}>(TempSimult)]\underline{Pass(Defens)}$$

‘наличие большого числа людей в данном месте, составляя его характерное свойство, служит одним из существенных оснований его защищенности’.

Приведенный исторический, включая церковнославянский, хотя и немногочисленный, материал позволяет сделать два заключения, отмечая их, скорее, как тенденцию. Исходя, однако, из мысли, что выбранные примеры не без оснований следует воспринимать как типичные. Для своего времени, необходимо добавить, и разнообразного вместе с тем характера отразивших их памятников: летописи, жития, путешествия, духовно-учительная, законодательная литература, повествования о событиях.

1. Типологическая семантика, выведенная ранее на основе значительно более позднего материала, содержащегося в корпусах, основном, газетном и устном, не дает оснований увидеть сколько-нибудь существенные отличия, произошедшие в историческом времени. Характер восприятия 'многолюдства' в целом не изменился. Можно говорить о разных оценках и расширениях, которые могут быть более или менее актуальными, в том числе и во времени. Однако следовать они будут из текстов и употреблений, из восприятия и коммуникативной ориентации автора, не от времени как такового. А если от времени, то от его особенностей и задач, а не от того, что иначе воспринималось бы 'многолюдство'.

Иными словами, определяемое типологическое ядро связанной с 'многолюдством' семантики можно признать неизменным, с представлением его в виде $Quant^{Mag}(Populi)>Loc(Idem)<Temp(Simult)$, с возможными распространениями и уточнениями как для целого, так и для отдельных его составляющих признаков.

2. Отмеченная на церковнославянском, и только в одном из примеров, особенность с типологическим неразличением 'многолюдства' и 'многолюдья' ни о чем существенном не свидетельствует, хотя и может восприниматься как характерная для текстов раннего времени синкретизирующая черта (при той особенности, что 'многолюдья' в церковнославянском корпусе не обнаружилось). В то же время пример с *многолюдием*, относя-

щийся к XVI веку, отмечая массу обороняющихся как свойство, наряду с крепкими стенами, надежности и защиты града от нападающих, не то, что их было много, во множестве, т.е. большим числом, вполне отвечал бы особенностям также и более позднего восприятия.

Трудно было бы делать из этого далеко идущие выводы, но, видимо, не будет чем-то несообразным предположить, что и в прежнее, более раннее, время, так же как и в последующие затем времена, суффиксальная дифференциация *-ств(о)* в *многолюдстве*, воспринимаемая более к множеству как числу, и *-j(е)* или *-ij(е)*, первоначально, в *многолюдье*, к множеству как объединению и массе, объявляла себя для носителей языка независимо от его исторического периода.

'Многолюдство' и 'многолюдье' как формы интерпретирующего восприятия действительности

Поднимаясь над 'многолюдством' и 'многолюдьем' как таковыми, то, о чем пойдет далее речь, как предметную и понятийную область, можно было бы определить таким каким-нибудь образом: 'многолюдство' и 'многолюдье', а точнее '*n*-людство' и '*n*-людье' как вид присутствия и форма существования большого или некоторого количества и числа людей применительно к месту и времени, понимаемые как совместные их и о них в сознании представления.

Обращение к таким образом сформулированной теме предполагает установление различных соотношений и связей, способных проявить себя, прежде всего, в лексическом материале, т.е. словах, так или иначе, имеющих в своем содержании указанные только что перед этим признаки, обозначая людей в их совместном, большом либо не слишком большом, но все же не слишком малом, количестве. Из чего будут следовать вероятные для данной тематической группы, выбранной по перечисленным основаниям, смысловые подразделения, находящие свое отражение в существующих представлениях языкового и не только языкового сознания носителей русского языка.

Прежде чем перейти к исследованию данного материала, видится необходимым кое-что уточнить из отмеченного в отношении названного '*n*-людства' или '*n*-людья'. Не различая на предлагаемом этапе то и другое, с одной стороны, а также не дифференцируя, вследствие этого, с другой, то, что можно воспринимать как совокупную массу и множество (на что обращалось внимание ранее), важным видится обозначение двух представ-

лений – вида присутствия и формы существования, с уточнением их к количеству и числу, а также применительно к месту и времени.

Вид присутствия будет предполагать наличие, наблюдаемое непосредственно при назывании соответствующим словом либо воображаемое, собранных вместе людей, в каком-то неопределенном числе, где-либо в тот или иной момент времени. При этом, поскольку речь не пойдет об употреблении слова в контексте, но о его виртуальном отображении для сознания, показатели времени, места, а также числа будут открыто не занятыми, предполагая возможную допустимость, исходя из имеющихся в том же сознании представлений о том, каким может быть то или иное место того или иного людского собрания, а к этому вероятное время совместно с возможным его числом.

Что касается формы существования, речь должна идти об объединении, не собрании либо не обязательно том, что можно как собрание воспринимать, связанных между собой какими-то отношениями людей, которые, как отношения, служат для данных людей основанием их во что-то вхождения, с соответствующей отнесенностью, принадлежностью к определяемой по какому-то роду и виду целостности. И тогда место и время, воспринимаясь не конкретизированно, могут служить, а могут и не служить, показателями данной людской совместности. Пониматься они, а точнее осознаваться и ощущаться, эти место и время, будут как показатели экзистенциональной совместности, а не наличия и пребывания где-либо в данное время собравшихся вместе людей.

В отношении названных понятий количества и числа, при том, что между ними как словами существует не всегда осознаваемая языковыми представлениями граница, исходя из наших целей и задач, было бы уместным обратить внимание на то, что, отчасти, находит отражение в толковых словарях. Обратимся в этом случае к тому, что предлагает МАС. Отвлекаясь от философского значения *количества* как термина (2-е значение в МАС), говорящего об «Определенности предметов, изменение которой осуществимо в пределах данного качества», но вместе с тем и не полностью отказываясь от него, стоит отметить то, что в 1-м значении *количество* определяется как «Категория, характеризующая предметы и явления внешнего мира со стороны величины, объема, числа, степени развития».

В связи с чем, применительно к людям в их отдельностях и лицах, количество следовало бы понимать как равенство числу. И такое тождество находит отражение в МАС: «**3.** Количество кого-, чего-л.». Вместе с

тем, *число* в своем основном значении как первом определяется как способ выражения количества: «**1.** Понятие, служащее выражением количества, при помощи которого производится счет».

Получается, что количество, выражая себя с помощью числа, выступает для сознания чем-то более отвлеченным, стоящим за числом и обобщающим его. В то время как число можно рассматривать как форму реализации и актуализации количества. Иначе говоря, какое-то конкретное количество возможно выразить и, следовательно, понимать в виде числа.

Поскольку предметом предпринятого нами рассмотрения являются не люди в их отдельностях и лицах, а их объединения и собрания, то применительно к ним количество, выражаемое, передаваемое, а для восприятия осознаваемое, числом, но не конкретным, ясным и определенным вне употребления в ситуации, будет пониматься как отвлеченно допускаемый и незанято-открытый показатель множественности. Своего рода объема, величины, с подразумеванием числа, но без числа как такового, некоего совместного '*n*-людства'.

Так же как мысль, для примера, воспринимая внутренним зрением и имеющимся впечатлением то, что называется *толпой*, допускает знание о том, что там есть люди, в своих отдельностях, индивидуальностях и лицах, но, допуская это, к этому не обращена, интерпретируя 'толпу' как слитую, в людском неразличении, множественную массу, – так же та же мысль, зная внутренне, что толпа состоит из определенного числа людей, к числу их этому не обращена. Число людей толпы, воспринимаясь мыслью как интуитивно множественное, но множественное не в грамматическом понимании числа, противопоставляемом единственному (один / не один, больше, чем один), понимается ею как такое множественное, которое находит выражение в представление о большом, достаточно большом для охвата, количестве.

Количестве, которое есть одновременно и число и не число, число как нечто отвлеченное, не подвергающееся счету, принципиально допустимому, но не существенному, а если существенному, то в каких-то определенных случаях. Количестве, которое также, если не в первую очередь, понимается как величина толпы и ее объем, воспринимаемый несколько абстрактно, воздействуя на чувства, впечатления и внутренние ощущения, связываемые далее с оценкой. Поскольку толпа – это чаще что-то мало положительное, вызывающее отталкивание и избегание, нежелание находиться в ней. Что как раз и связывается с представлением объема, не вели-

чины, в котором можно не только затеряться, но и подвергнуться малоприятному, а иногда и небезопасному воздействию со стороны тех, кто, входя в состав толпы, воспринимаются в ней не как люди, а как движущиеся элементы и частицы, представители этой самой толпы. Величина ее, в свою очередь, будет связываться для сознания и не только для сознания с занимаемой, наглядно либо в представлении, площадью. Иными словами, это будет двумерный и плоскостный параметр, в отличие от трехмерности для объема.

Все это, в виде подразумеваемого, но не актуализируемого числа, передаваемого в категориях много / мало, больше / меньше, слишком / не слишком, в виде объема, способного давить, включать, вбирать в себя и поглощать, с возможными из этого последствиями, в виде величины, определяемой занимаемой людским массивом площади, воспринимаемой также в расстояниях и пространстве, – все это и следовало бы понимать как осознаваемое и ощущаемое, с помощью числа (составляющих людей), количество. Применительно к '*n*-людству' (и '*n*-людью') в его отношении к *n*-месту и *n*-времени.

К определению представлений 'толпы'

Коль скоро объектом начавшихся рассуждений относительно разбираемого '*n*-людства' и '*n*-людья' стала 'толпа', продолжим предварение ожидаемого в своих дифференциациях анализа на ее примере.

Прежде всего, важным видится вопрос о различении (либо неразличении) того, что было названо видом присутствия в сопоставлении с формой существования, для своей конкретизации – применительно к 'толпе'. Так же как, во вторую очередь, и это будет предметом последующего обсуждения на других примерах, не менее важным был бы вопрос о том, что, с одной стороны, составляет сущностно определяющий и различающий параметральный признак представления, выражаемого наиболее регулярно с помощью данного слова. В то время как, с другой, о том, в какой мере и каким образом, типичным для себя, указанное представление, передаваемое с помощью этого слова, будет связываться с разбираемым '*n*-людством' (и '*n*-людьем') в отношении его и своего количества-числа, применительно к его и своему, как возможным, месту и времени.

Начнем привычно с определения лексических значений слова, выбрав те или то из них, которые или которое будут актуальны для рассмотрения. Ограничимся при этом данными одного только толкового словаря, вполне для стоящей задачи достаточными.

МАС предлагает три таких значения у *толпы*:

«**1.** (*мн. ч. может употребляться и в знач. ед. ч.*). Неорганизованное скопление людей; сборище. *Вдруг раздались крики погони, карета остановилась, толпа вооруженных людей окружила ее.* Пушкин, Дубровский. *Огромные толпы с знаменами и пением вывалили на улицы.* Фадеев, Последний из удэге. || Скопление животных, птиц, насекомых. … || *в знач. нареч.* **толпóй.** Сообща, все вместе. *Ромашов отделился от офицеров, толпою возвращавшихся в город.* Куприн, Поединок. || *в знач. нареч.* **тóлпами**. Массами, во множестве. *Осень гнала людей из тайги толпами.* Павленко, На Востоке.

2. *в знач. сказ., кого. Разг.* Множество, масса. [*Князь*:] *Приятельниц у вас толпа, в том нет сомненья.* Лермонтов, Маскарад. – *Но красива* [*Алина*] – *неописуемо! Мужчин около нее – толпа.* М. Горький, Жизнь Клима Самгина.

3. *только ед. ч.* Обыкновенные люди, масса в противоположность героям, одаренным, выдающимся личностям. *Ученые хранили тогда науку как тайну и говорили об ней языком, недоступным толпе.* Герцен, Дилетантизм в науке. *Ему не приходило в голову спросить себя: да что же я сделал отличного, чем отличился от толпы?* И. Гончаров, Обыкновенная история.»

Отвлекаясь от отношения переданных в МАС значений *толпы* к представлению о 'многолюдстве' как таковому, в том понимании, что в этих трех значениях 'многолюдством' считать, а что не считать, можно бы было сразу сказать, что, по-видимому, и этому подтверждением служат приводимые при толкованиях примеры, если в первом значении следует говорить о том, что было названо видом присутствия, то два последующих могут служить иллюстрацией формы существования.

Данное положение означает, что 'толпе', понимаемой как ‘неорганизованное скопление людей’ или ‘сборище’, полагается быть в наличии. Это то, что либо непосредственно наблюдается говорящим в момент высказывания и за этим стоит его представление «я вижу толпу», добавляя к этому не обязательно называемое, но подразумеваемое, так или иначе, «в данный момент в данном месте». Либо это его некогда бывшее наблюдение передается впоследствии как впечатление в воспоминании. Примеры из Пушкина и Фадеева демонстрируют сказанное. Толпа окружила карету, т.е. в каком-то месте в какой-то определенный момент, о котором повествование. И толпы вывалили на улицы, – при обозначенном непосредственно месте их появления время также подразумевается.

Из чего бы следовало, что вид присутствия содержит в себе изначально и внутренне скрытую предикацию, точнее ее предпочтение, отме-

чая возможность индикативного проявления того, что в грамматике определяется как модально-временная рамка высказывания, с отношением ее к реальной модальности в каком-то из трех времен. Модальность высказывания, безусловно, может быть и ирреальной (сослагательного, желательного, повелительного характера), но, относясь к высказыванию, как потенция, она не будет иметь прямого своего отношения к *толпе* в ее первом значении. Тем самым, неорганизованное скопление людей либо сборище привычно мыслится применительно к своему проявлению, в каком-либо месте в какое-то время.

Все это вместе с тем, предполагаясь, не предопределяет и не может предопределять того, что способно себя проявить в непосредственном употреблении. К примеру, в таком высказывании, как *Он не любил толпы, она пугала его, и он старался ее избегать*, уже невозможным было бы говорить о виде присутствия, это была бы форма существования. Собранных вместе людей в одном месте в какое-то общее для этого время, но не в каких-то определенных в момент наблюдения, а в любых и как таковых. Иными словами, вне изначально закладываемой для этого предикации.

Так же как то, что обозначено в МАС как 2-е и 3-е значения, сопровождаясь к тому же им соответствующими иллюстрациями, представляясь как форма существования, а не вид присутствия, не исключает чего-то другого. Если толпа приятельниц, равно как и толпа мужчин около красивой Алины, это характеристики персонажа и поэтому не предполагают наличия их в данном месте в данный момент. Мало этого, не предполагают их также (приятельниц и мужчин) собравшихся вместе, их просто много и каждый из них существует сам по себе, не обязательно даже встречаясь и сталкиваясь с другими.

И вместе с тем то же самое, в этом 2-м значении, способно себя проявлять и как вид наличия. Скажем, в таком примере: *Вокруг нее собралась толпа поклонников* или *Он выходил в окружении целой толпы телохранителей*. И то и другое не форма существования, а предицируемое к определенному месту и времени проявление. При том, что обозначает не ‘неорганизованное скопление людей’ и тем менее ‘сборище’, а ‘большое количество’, по крайней мере так представляемое, т.е. ‘некое множество’, хотя, может быть, и не ‘массу людей’. Во всяком случае, не обязательно массу, поскольку определяемую по параметру – те, кто поклонники, те, кто телохранители, и при том, что их может быть, в принципе, много, однако не так, чтобы массой их представлять.

То же можно бы было сказать и о 3-м значении, хотя в меньшей степени, поскольку *толпа* в этом случае подразумевается как определенная категория представлений о людях в противоположении их другой категории: люди что-то из себя представляющие и те, кто не выделяется приметно ничем, похожие один на другого и на остальных. И при этом в таком, хотя и не слишком типичном примере, *Не боясь быть растерзанным не понимающими дилетантами, он вышел к толпе, бросая ей вызов*, можно увидеть, хотя бы и в совмещении со 2-м и 1-м значениями, проявление 3-го как вида наличия, т.е. индикатива реальности в данном месте в данный момент.

Тем самым, как можно из сказанного заключить, выделенные вид присутствия и форма существования, при том, что отчасти имеет смысл воспринимать как предпочитаемые теми или иными лексическими значениями данного слова, не могут быть им приписываемыми, поскольку в употреблениях способно реализовать себя и то и другое. И тогда представление – о том, что что-либо происходит, либо происходило, либо произойдет или может произойти в данный момент в данном месте, с одной стороны, равно как и о том, что что-то существует либо может существовать, в действительности, в ее отражении в голове, вне определенного места и данного времени, как таковое, с другой, – не связываясь напрямую с лексическим значением слова, реализует себя, имеясь в сознании, в употреблении. И это было первым существенным для всего дальнейшего положением.

Второе, на что, исходя из задачи с предметом ее, следует обратить внимание, будет касаться отображения, вида, характера, способа и т.п., в трех значениях для 'толпы' (но уже не как слова, а как представления), того, что, будучи обозначено как '*n*-людство' ('*n*-людье'), воплощает себя в положении о количестве. Большом, слишком большом, небольшом, но достаточном, чтобы в сознании отображать себя как 'толпа'. При какой-то возможности, и тогда какой? С приложением всего этого к величине 'толпы', ее объему и составляющему числу (о чем ранее говорилось), а также к вероятному месту и времени, если то и другое будет себя предполагать.

Имея все это в виду, начнем, с того, что было охарактеризовано как сущностно определяющий и различающий параметральный признак представления, выражаемого наиболее регулярно с помощью данного слова (*толпа*), полагая, что он будет связан с числом и количеством, местом и временем, как возможными проявлениями для 'толпы' как '*n*-людства' ('*n*-

людья'). Выводить его будем, отталкиваясь от лексических значений по МАС, с последующим затем отвлечением от них и обобщением, подводящими к представлениям о все той же 'толпе'. Как особому (или нет) виду (а может быть разновидности) '*n*-людства' ('*n*-людья'), а не значениям слова *толпа*, пусть даже и в вероятных для него употреблениях.

Идя по трем выделенным в МАС значениям по порядку (с тем, чтобы впоследствии отвлечься от них) и начиная, тем самым, с 1-го, стоит поставить вопрос о том, что значит ‘неорганизованное скопление людей’ и затем через точку с запятой следом ‘сборище’? О скоплении (людей) ранее уже говорилось, с опорой на тот же словарь, поэтому, не вдаваясь в подробности, можно представить его как собравшихся, неважно, по какой причине, неважно, откуда сошедшись, неважно, кого, поскольку людей, а следовательно, любых и всяких, в отношении пола, занятий и возраста, но, может быть, важно, каким примерно возможным числом, чтобы считаться 'толпой'.

Тем самым, в отношении смысла ‘скопления’ (для людей) следует говорить а) о собрании б) какого-то значимого их числа, которое будет собой представлять показатель количества, поскольку двумерная величина и трехмерный объем 'толпы' выступают как дополнительные, в контекстах себя проявляемые, характеристики.

Что касается признака ‘неорганизованное’ (для скопления), то его следует понимать, по крайней мере, в двух существенных отношениях. Во-первых, как скопление, заранее не подготовленное, предварительно не запланированное и потому, возможно, в своем возникновении случайное. А если это не так, т.е. заранее подготовленное и запланированное, то это неважно, мало того, и не показательно для 'толпы'. Такое планирование и подготовка на то, что понимается для сознания как 'толпа', никак на него не влияет, мало этого могут их же и дискредитировать, подвергая сомнениям и высмеиванию. Ср.: *Тоже мне, организовали толпу, ни на что другое их не хватило. Это не демонстрация, а (какая-то безалаберная) толпа!* Или, насмешливо: *Шли организованными толпами, хотя для видимости и в колоннах*.

И, во-вторых, как скопление не упорядоченное, хаотически проявляемое и в получившемся наблюдаемом виде как результате случайное. Не в рядах, не в каких-то местах для каждого, не в каком-то порядке, а где кто как попало.

Тем самым, в отношении представления о 'толпе' применительно к признаку ‘неорганизованное’ (о скоплении) следует говорить а) о спонтанной б) неупорядоченности собравшихся каким-то числом людей, неопределенным, но понимаемым как значимое.

Что касается ‘сборища’, представляемого как 'толпа', то это то, что может типично в себе содержать субъективное отношение неприятия. Ср.: *Это что еще тут за сборище? Разогнать надо это сборище!* и т.п. И, тем самым, ‘неорганизованная спонтанная неупорядоченность’ (собравшихся вместе каким-то числом людей) может восприниматься как дискредитирующий признак.

В отношении неоднократно упоминавшегося числа, как существенного для 'толпы' показателя, следовало бы говорить о двух возможных его для сознания проявлениях – а) типичном, общепонятном, объективном и общепринятом, и б) относительном, субъективно интерпретируемом и индивидуальном.

Первое, на что следует обратить внимание, это то, что число 'толпы', как правило, не определено, а потому и в порядковом отношении обычно не выражено. Характеристика типа *(много)тысячная толпа* передает не число, а значительное количество. Трудно себе представить что-нибудь вроде *Толпа состояла из ста двадцати пяти человек* либо что-нибудь в этом роде, хотя и такое возможно в каком-то особом случае. Также как предполагаемый вопрос – *Сколько их было в толпе?* – допускает ответом *Много*. *Немного*. *Не слишком много*. *Так много, как только можно себе вообразить* и пр. Иными словами, без конкретного обозначения числа. Либо числа приблизительного – *несколько десятков, сотен, около сорока, пятидесяти* и т.п. тысяч

Говоря вместе с тем об объективном количественном ее представлении, следует опираться на восприятие малого и большого количества для людей, как на параметр, движимый, но в каких-то пределах. Много, достаточно много – это, видимо, столько, чтобы сознание несколько поразить, т.е. не пять и, возможно, не десять, а более, приближаемое к двадцати. И при этом, видимо, в отношении пространства и характера места. Если на колоссальной площади, скажем, смотря на нее с высоты, будут видимы каких-нибудь двадцать, около двадцати человек, то такое собрание вряд ли можно будет обозначить *толпой*, скорее, какой-нибудь *кучкой*. В то же время, если в таком же количестве на какой-нибудь улице или в лесу вдруг

появятся люди навстречу кому-то, то такое, движущееся к тому же, собрание под определение *толпы* вполне подойдет.

Тем самым, для 'толпы' объективно имеется интуитивное знание и ощущение о возможном числе, которое будет укладываться в представление неопределенного в количественном отношении множества, начинающегося с каких-то, условно, десятков, более, чем одного, иногда применительно к характеру пространственного ее проявления.

Что касается относительно-субъективного восприятия, то его можно считать открыто-подвижным в сторону уменьшения числа, полагаемого как объективное, исходя из высказываний типа *Пять человек для него – это уже толпа! Сколько вас тут, прям толпа, что ж с того, что трое, все равно слишком много на меня одного. Заходите по одному, не по двое и не в толпе.* Из чего будет следовать представление о ‘числе, большем, чем можно было бы, чем хотелось бы ожидать’. И это был бы признак субъективно-модальностной и интенциональной деминутивной интерпретации.

Подтверждением этому, причем узуальным и, следовательно, не субъективным, может служить употребление слова *толпа* в значении наречия (*толпой*), что отмечает, помимо неорганизованного скопления людей в виде сборища, и поэтому дается при 1-м знач., их совместные действия, общее осуществление чего-либо, обычно направленного движения: *Шли толпой. Бежали толпой. Ввалились (куда-то) толпой. Толпой возвращались* (как у Куприна).

Можно задаться при этом вполне обоснованным вопросом. Если МАС дает объяснением для *толпой* в знач. нареч. ‘сообща, все вместе’, то любое ли совершаемое подобным образом действие можно будет так обозначать? То есть действие, осуществляемое неорганизованным скоплением людей в каком-то не слишком большом, как следует думать, все же количестве, и при этом количестве не отмечаемом. Сколько могло быть офицеров в примере, которые возвращались толпою у Куприна, сомнительно, чтобы много. Какое-то их число, неважно какое, но вполне обозримое, чтобы возвращаться в город к размещению своей части, шло, двигалось неорганизованно, но совместно и потому сообща.

Что можно делать и как можно действовать, как, впрочем, не только действовать, ‘сообща и всем вместе’ (поскольку вид проявления в деятельности или не только деятельности в словаре не отмечен)? Работать, прогуливаться, плавать, учиться, сидеть, заниматься физкультурой, читать, петь, спать, болеть, умирать, лечиться, волочиться за кем-либо, любить кого-

либо, поклоняться кому-либо, выезжать, кричать, перекрикиваться, шуметь, ругаться, соревноваться, свистеть, шутить, строить дом, расходиться, вылетать, встречать, провожать, отправляться, садиться в поезд, лежать, загорать, переживать, навещать кого-либо, гостить, жить в каком-либо месте и пр.

Перебирая все эти глаголы, предполагающие допустимость совместного проявления неорганизованным скоплением людей, приходим к выводу, что *работать толпой*, *плавать толпой*, *учиться толпой*, не говоря о *сидеть*, *лежать*, *спать*, *кричать* и т.п., в общем-то, вряд ли возможно. Это было бы нечто весьма специфическое и окказиональное. В то время как *прогуливаться*, *выезжать*, *расходиться*, *навещать*, *вылетать*, в меньшей степени, хотя вполне вероятно, *волочиться за кем-либо*, а также *встречать*, *провожать*, *садиться в поезд*, *отправляться* и с этим другое подобное как нельзя более подходит к тому, чтобы совершаться *толпой*.

Получается, что в представлении о 'толпе', и это находит свое отражение, в частности, в наречном употреблении слова, содержится в 1-м значении (но только ли в нем?), скрытым образом, словарем поэтому не отмечаемым, еще одно, свойственное и приписываемое 'толпе' представление, – о движении. Но не движении как таковом, а направленном, всеми в ее составе, в какую-то общую для всех сторону либо (скажем, как в *расходиться толпой*) предполагаемом в своем совершении к общей цели.

Иными словами, ‘нечто осуществляющееся сообща и всем вместе в составе неорганизованного скопления людей и при этом не в слишком большом их числе’ (что важно, поскольку, скажем, *бежали толпой*, *ходили толпой*, *возвращались толпой* и т.п. не значит, что ‘бежала, ходила, возвращалась (большая) толпа’, но что совершали это все вместе составляющие некое общее целое люди), – предполагает все это в своем совершении, главным образом, ‘направленное в нечто общее и к чему-то общему продвижение’.

Из чего получалось бы, что представление о 'толпе' однонаправленно-динамично, т.е. эти два признака следует понимать в двуединстве, и при этом динамика общего проявления, в первую очередь, предполагает какое-то продвижение либо движение как таковое, возможно внутри. Тем самым, движение, включая совместное продвижение куда-то либо перемещение, так или иначе, приписывается 'толпе'. Поскольку даже в таких воплощениях, как *стояли толпой*, *толпа собралась*, *толпа* (*вдруг*) *остановилась*, *толпа закричала*, *затихла*, *замолкла*, *замерла*, *охнула*, *молча осела*,

бухнулась на колени и т.п. содержится, так или иначе, мысль о движении. Сопровождающем, предшествующем или последующем. Ибо даже в стоянии толпы, помимо заряженной напряженности того, что может и ожидается произойти, с каким-то дальнейшим ее (толпы) из этого следующим проявлением, заключается внутреннее и неустанное шевеление всех и каждого, движение в ней самой, своего рода рокот и шорох, нередко уподобляемый отнюдь не случайно морскому.

Следующим положением, связанным с отражением для восприятия того, что такое 'толпа', было бы то, что в МАС для 1-го значения дается в качестве указания в скобках: (*мн. ч. может употребляться и в знач. ед. ч.*). Так ли это для воспринимающего и передающего затем при отражении в высказывании сознания? Не различается ли это в значении, и тогда форму мн. ч. следовало бы считать лишь средством дополнительного усиления впечатления? Пример из Фадеева с огромными толпами, с знаменами и пением вывалившими на улицы, как, впрочем, любой другой (*Кругом были толпы народа. Толпы шли нескончаемой чередой* и т.п.) не вполне убеждают в этом.

То́лпы, в отличие от толпы́ представляют собой наличие или присутствие в каком-либо месте, понимаемом иногда как место включения, т.е. *LocLoc*, не одной толпы, а либо сразу нескольких толп, либо такого скопления народа, как правило, движущегося, перемещающегося или куда-то идущего, которое воспринимается не в едином, а расчлененном массиве. Нечто похожее на волнами происходящий поход. У Фадеева огромные толпы, что важно и показательно для разбираемого случая, вывалили на улицы. То есть на разные улицы, не на одну. И тогда у каждой такой из предполагаемых улиц толпа была бы своя, в своей совокупности составляя не одну, а какое-то, опять же неопределенное и к тому же не определяемое количество толп.

Из чего будет следовать, что 'толпа' для сознания представляет собой такой массив собравшихся где-то людей в достаточно большом количестве либо в таком количестве и числе, которое интерпретируется как большее, чем ожидается и желательно, который (массив) интуитивно и потенциально поддается счету.

В принципе, сколько было на улицах (у Фадеева) вывалившихъ толп, при желании можно было бы посчитать, чего, впрочем, обычно никто не делает, поскольку само представление о 'толпе' как большом количестве связывается в сознании главным образом с неопределенным числом. И это

является важным для толпы показателем: много, достаточно много и совершенно не важно, как много, при выражении этого в каком-то числе. Не случайно слово *толпа* может служить и нередко служит для обозначения неопределенно большого количества, и при этом, хотя в специфических случаях, не только людей. Ср.: *У него вчера была просто толпа посетителей. Мыслей у него в голове толпа, и никогда не знаешь, какая вдруг выскочит.*

В МАС подобного рода употребления определяются как 2-е значение: ‘множество, масса’, *в знач. сказ., кого*. Тем самым, 'толпа' в этом случае связывается, коль скоро речь идет о ‘множестве, массе’, а из этого может следовать, что о ‘множестве как о массе’, не просто с каким-то неопределенным в количественно-счетном отношении числом, о чем говорилось ранее, а с неопределенно-неразличимым количеством. С числом количества в неразличимости и не выделимости в нем отдельностей, его составляющих. А тогда уже не количеством и числом, а чем-то воспринимаемым в форме вещественно себя реализующей для сознания массы. Из чего получается, что эта массо-вещественность также свойственна представлению о 'толпе'.

Обратимся к примерам из МАС для 2-го значения из лермонтовского «Маскарада» и «Жизни Клима Самгина» М. Горького: *Приятельниц у вас толпа* и *Мужчин около нее – толпа.* В первом случае речь, без сомнения, идет о наличии у персонажа приятельниц как о форме существования, поскольку не как присутствующих здесь и сейчас, т.е. в данный момент. Приятельниц у нее много как таковых, находящихся, каждая, где-то распределенными, разделенными по своим местам. Ни о каком их неорганизованном скоплении и сборище первого значения, следовательно, говорить не приходится.

Однако в данном интересующем и разбираемом случае внимание будет обращено на другое. На то, как представляется это большое количество, определяемое в словаре как множество, масса, приятельниц, если характеризуется оно как 'толпа'. Опуская даже не скрытое при таком их обозначении оценочное со стороны говорящего отношение, следующее вместе с тем из того, о чем идет речь, не будет преувеличением сказать, что предстают они в своей такой множественно воспринимаемой совокупности неразличимой, намеренно не индивидуализируемой массой, стирающей различающие особенности каждой. Массой не в смысле множества и большого количества, хотя это непременно также присутствует, а массой в смысле

своей перемешанной нераздельности и неразличимости в отношении состава, своего рода людского в его перемешанности "вещества".

То же самое, если иметь в виду, что *Мужчин около нее – толпа* предполагает не наличие их окруживших ее в большом количестве в данном месте в данный момент, а как вьющихся более или менее постоянно, в разное время в разных местах, поклонников, ухажеров и обожателей. Либо просто и как таковых. И при этом вовсе не обязательно, чтобы каждый раз в каком-то числе, в каких-нибудь случаях это может быть и кто-то один. Но, в своей представляемой таким образом совокупности, отвлекаемой от конкретных ее проявлений в реальной действительности и обобщаемой, как характеризующее свойство притягательности героини для представителей противоположного пола и необычности ее красоты (*красива – неописуемо!*), они, все эти мужчины около, выступая 'толпой', передаются через предваряющее их восприятие так же. То есть как неразличимая в своем составе масса, неорганизованном и периодически либо спорадически, от случая к случаю, себя проявляющем. В такой же, как и перед тем, не дифференцируемой и не индивидуализируемой перемешанности людского совместного и совмещенного "вещества".

И это будет еще одно свойство, внутренне характерное для представления о 'толпе'. То свойство, которое, имеясь, присутствуя в сознании, интуитивно либо осознаваемо, а если не вполне осознаваемо, то в ощущении, способно, в силу этого, себя проявлять не только и не столько в значениях слова, определяемых и закрепляемых по словарям, сколько в каких-то употреблениях.

И тогда, говоря о таких представлениях, необходимо заметить, что 'толпу' можно было бы в отношении их определить как ‘некое неопределенное в количественно-числовом отношении, людское, в первую очередь, множество (в известном смысле и, может, точнее, множественность), способное к внешнему и внутреннему самодвижению, которое, если не мыслится, то ощущается, в его совокупности, как спонтанно неупорядоченное, в составе своих представителей, неразличимое, не дифференцирующее и не индивидуализирующее их, а перемешивающее, стирающее возможные между ними различия, отображая их как такое объединение, которое близко, если не к осознанию, то к ощущению их вместе как массы в ее понимании как кинетического и хаотического по виду и по характеру вещества’.

Из этого представления, но не определения значений у слова, что важно и следует подчеркнуть, можно было бы выделить признаки а) коли-

чественно-множественной неопределенности b) обычно какого-то все же не малого или большого и очень большого числа c) человеческого состава, воспринимаемого как d) перемещающаяся и подвижная e) совокупная множественность, f) спонтанно себя объявляющая, g) неупорядоченная, а потому также отчасти и h) перемешивающая и нивелирующая всех своего состава i) в некую общую массу j) синестезирующего и k) кинетического l) "человеческого" вещества.

Применительно к признакам, которые можно было бы определить как исходно и внутренне категориальные данное представление укладывалось бы в то, что следовало бы охарактеризовать в отношении a) инфинитного квантитатива, *Quant(Infinit),* b) аликвантного магнитива-майоратива, *Aliquant(Mag/Major),* c) композитного популятива, *Composit(Populi),* d) транслятива-мобилитива, *TranslatMobil,* e) конъюнктивного мультипликатива, *Conjunct(Mult),* f) каузального проектива, *Caus(Project),* g) h) дезординатив-пермикстив-индистинктива, *Desord(PermixtIndistinct),* i) массива, *Mass,* j) k) l) диффузив-ингрессив-хуман-субстантива, *Diffus(IngressHumanSubstant).*

Будучи не столько сложным, сколько связанно-составным, представление это способно себя проявлять, при стоящей за всем этим одновременности, в проекциях фигурирующих в употреблениях в речи как важные для говорящего признаках, в их соединениях и в каких-то, возможно подчеркиваемых им, распределениях и отдельностях, имеющих комбинаторно-валентностный вид и характер. По крайней мере, возможных в таком своем отражении.

3-е значение у слова *толпа* по МАС, «Обыкновенные люди, масса в противоположность героям, одаренным, выдающимся личностям», было бы связанным с признаками количественно-множественной неопределенности большого и очень большого числа человеческого состава, представляемой как перемещающаяся и подвижная совокупная множественность, спонтанно себя объявляющая и неупорядоченная, а потому перемешивающая и нивелирующая всех своего состава в некую общую массу синестезирующего и кинетического "человеческого" вещества.

Из чего получалось бы, что задействованными оказываются все возможные признаки, с той оговоркой, что часть из них, составляя конституент представления, другую часть воплощает как определяющую. Ведущими при общем наборе следовало бы считать признаки перемешивающего, вследствие неупорядоченности, нивелирования всех в общую массу сине-

стезирующего "человеческого" вещества, в отношении которых количественно-множественная неопределенность большого и очень большого числа человеческого состава, представляемая как перемещающаяся и подвижная совокупная множественность, спонтанно себя объявляющая, выступали бы обязательным конституентом.

То, что *толпа* в этом третьем значении – это люди, которые, будучи обыкновенными, ничем особенным в своей массе не выделяющимися, противопоставляются героям и выдающимся, одаренным личностям, как отдельностям и индивидуальностям, с одной стороны, и отличающимся чем-то значительным для себя и в себе, с другой, – расщепляет названный перед этим в предыдущем абзаце состав характеризующих признаков на две соотносимые части. Ту, которая представляет собой основу, и это была бы первая половина признаков, от a) до f), в количестве шести из двенадцати, и ту, которая выступает как собственно характеризующая часть, от g) до l), в таком же количестве шесть из двенадцати.

Между всеми этими признаками, в обеих частях, можно было бы наблюдать отношения, которые, не будучи равными, одни выставляют на первое место, другие перемещают на последующий план, представляя в полученном результате то, что можно рассматривать как комбинаторно организованную семантическую и ментальную единицу.

И тогда, если общая формула, вне реализаций в значениях и употреблениях, для представления 'толпы' в сознании носителей языка, с опорой на выделяемые признаки, могла бы выглядеть составленной из трех неравных частей (наиболее важные определители выделены полужирным шрифтом), – того, что составляет представление о 'людях в толпе'; того, что сообщает об их в ней 'совокупно-множественной неупорядоченности' и того, что отмечает их 'массовидно-вещественный' в таком положении вид:

Quant*(Infinit)[Aliquant(****Mag/Major****)>Composit(****Populi****)]>*

*[(TranslatMobil)****Conjunct(Mult)****>Caus(Project)]****Desord****(PermixtIndistinct)>*

Mass*[****Diffus****(IngressHumanSubstant)]*, –

то, соответственно, формулой третьего по МАС значения была бы двучастная организованность тех же признаков, но выражающих себя по-другому:

*[****PermixtIndistinct****)<Desord]>[****Mass(Diffus)****<(IngressHumanSubstant)]<*

Quant*(Infinit)[Aliquant(****Mag/Major****)Composit(****Populi****)][(TranslatMobil)****Conjunct(Mult)****.*

В приведенных в МАС в качестве иллюстраций примерах, отражающих две существенно важные для понимания разбираемого представления мысли ('говорить о чем-либо языком, недоступным толпе' и 'сделать что-нибудь, что дает основание от толпы себя отличать'), можно увидеть, в качестве отрицания, в первую очередь, признаки *Mass(Diffus)*, т.е. признаки синестезирующей массы.

И тогда это было отрицание массив-диффузива в составе общего и всего остального (в том числе и как следующего из отрицания данного двуединого признака), для проекции говорения или делания в отношении характеризуемого соответствующим позиционным применительно к 'толпе' положением того или иного лица (ряда лиц).

Исходя из чего можно было бы говорить о том, что как значения, отражаемые в словарях, так и употребления слова в различных контекстах выражают себя с помощью той или иной организации и аранжировки признаков целостного состава, представляя то и другое в виде различных комбинаторно конструкций тех или иных смысловых единиц.

Возвращаясь к мысли о 'многолюдстве' и 'многолюдье', интерпретируемых в их обобщении как '*n*-людство' ('*n*-людье'), для 'толпы' и при сравнении с нею, выделенное типологическое ядро 'многолюдства' (и 'многолюдья'), определяемое формулой

$$Quant^{Mag}(Populi)>Loc(Idem)<Temp(Simult),$$

в составе которой важными видятся отношение, обычно большого, числа людей, сошедшихся к общему месту и времени, что позволяет, наблюдая их в этой совместности, как единство определять, – возвращаясь к этому для 'толпы', важным было бы обратить внимание на следующее:

1. Количественный параметр для нее может быть относителен и как множественный неопределен. 'Много' надо бы интерпретировать и понимать, в первую очередь, как 'больше, чем необходимо или желательно, чем следует ожидать', и тогда это был бы параметр $Quant^{Aliquant(Major)}$, как возможная разновидность $Quant^{Mag}$ 'многолюдства' (и 'многолюдья').

2. Общие место и время, показатели *Loc(Idem)<Temp(Simult),* совокупно собравшихся либо представляемых в сознании как совокупность будут иметь значение только в случае, определявшемся как вид присутствия, т.е. наличия для наблюдения либо мысли о таковом. Для того, что было

названо формой существования, место и время воспринимаются как неактуальные.

3. Существенными вместе с тем для представления о 'толпе' будут признаки такой совокупной множественности (количественного людского состава), которая, будучи неупорядоченной, перемешивает всех, нивелируя, в общую массу, – признаки *[Mass(Diffus)<Desord]<Conjunct(Mult)*.

Тем самым, 'толпа', в своем ядерно-типологическом отображении, – это было бы такое какое-то 'многолюдство' (и 'многолюдье'), для которого определяющими и ведущими признаками, при различии возможных значений и употреблений у слова, следовало бы считать а) неопределенную совокупную множественность людского количества, как основу и конституент, на которые действуют, соответственным образом на них накладываясь, как дифференцирующие, признаки б) неупорядоченной перемешиваемости всех в неразличимую массу. В формуле это нашло бы такое свое отражение:

$$Quant^{Infinit}(Populi)>Conjunct(Mult)<Mass(Diffus).$$

В зависимости опять же от значения и употребления выделяемыми и подчеркиваемыми становились бы группы признаков, следующих из первой, либо второй, либо третьей части выведенного типологического ядра.

В то же самое время скрыто-неявное, но вероятное и себя объявляющее в проекции вида присутствия, наличие признаков общего места и времени 'многолюдства' (и 'многолюдья'), *Loc(Idem)<Temp(Simult)*, связываемых непосредственно с первым из трех компонентов, $Quant^{Mag/Infinit}(Populi)$, будет себя проявлять для 'толпы' как подразумеваемое при центральном *Conjunct*, выступающем непосредственным следствием общих места и времени. И, тем самым, это было бы *Conjunct(Mult)<Loc(Idem)<Temp(Simult)*, что с таким же успехом следовало бы отнести и к представлению о 'многолюдстве' (и 'многолюдье').

При совпадении призначного состава того и другого, 'толпы', 'многолюдства' (и 'многолюдья'), а следовательно, и 'многолюдства' (и 'многолюдья') как 'толпы' или 'толпы', соответственно, как 'многолюдства' (и 'многолюдья'), представляемых сходным, но и расходящимся в чем-то образом, помимо различия третьего для 'толпы' компонента, применительно к *Mass(Diffus)*, следует говорить о предпочтении (в типологическом ядре, что требуется подчеркнуть) признака совокупной множественности, *Conjunct(Mult)*, во втором компоненте ядра с подразумеванием общих места и

времени, *Loc(Idem)<Temp(Simult)*, при обратности отношений того и другого для 'многолюдства' (и 'многолюдья'), в том числе также воспринимаемых как 'толпа'.

Представления людского количества, передаваемые с помощью разных слов

Оттолкнувшись от выведенного и сказанного, обратимся теперь к рассмотрению существующих в русском языковом сознании представлений об '*n*-людстве' ('*n*-людье'), передаваемых и отражаемых с помощью соответствующих слов. По мере возможности данное рассмотрение будем производить по понятийно-предметным и тематическим группам, выделяющимся на какой-то общей для них основе. Либо, что также не исключается и вполне допустимо, исходя из задачи, учитывающей особенности объекта исследования, в каких-то отдельностях и расхождениях для каждого из характеризуемых как некое целое представлений, выражаемых с помощью разбираемых слов.

'Артель' как объединенная для совместной деятельности группа лиц

Для начала возьмем такое, отличное от рассмотренных ранее довольно существенным образом, слово с имеющегося у него представлениями, как *артель*. Определяющим в данном случае признаком будет то, что это «Объединение» неопределенной в количественном отношении «группы лиц для совместной работы с участием в общих доходах и общей ответственностью» (БТС), из чего также следует, что это также «Одна из форм коллективного ведения хозяйства на основе обобществления средств производства» (Толковый словарь языка Совдепии). БТС дает это не как оттенок значения, а как 2-е и, следовательно, самостоятельное значение у слова, отсекая часть, начинающуюся со слов «на основе обобществления».

В свою очередь, МАС выделяет три значения, определяя первое как «Объединение лиц той или иной профессии (ремесла) для совместной работы с определенным по договору участием в доходах и общей ответственностью», а второе как «Основная форма социалистического производственного объединения граждан для ведения коллективного хозяйства на базе обобществления средств производства». В то время как третье, сближая с *толпой*: «*Прост*. Группа, небольшая толпа собравшихся вместе или идущих вместе людей», иллюстрируя это таким интересным для нашей задачи примером: *Глубоко внизу густой массой шевелился народ, и из этой гущи длинной вереницей ползли вверх по шпалам целые артели и одинокие фигуры*. Гладков, Цемент.

Прежде чем разбирать все это в его совокупности с учетом объединяющих с '*n*-людством' ('*n*-людьем') и собственных признаков, с тем чтобы установить, что собой как объединение лиц 'артель' представляет и к какой понятийно-предметной и тематической группе ее следует отнести, обратимся для сопоставления к данным двух более ранних по времени словарей. В ТСУ выделяется два значения. Первое мало чем отличается от того, что в МАС, определяясь как «Объединение группы лиц» и далее так же, как в МАС, с добавлением эквивалента *товарищество*. Второе соотносится с третьим по МАС, определяясь следующим образом: «*перен*. Множество, толпа, ватага (разг., редко). *Ходить целой артелью*».

У Даля это слово представлено довольно объемно, причем с указанием на происхождение, не поддерживаемое, впрочем, этимологическими словарями русского языка[22], объясняющими его как заимствование из тюркских (по одной версии) либо из итальянского (по другой). В разбираемом случае вместе с тем важно не то, каково действительное происхождение данного слова и даже не само это происхождение, а то, что, если имеется (имелось) о нем соответствующее в отношении источника, пусть и неверное, понимание, о чем-то это должно свидетельствовать. Для его восприятия и представления о нем в языковом и не только языковом сознании.

Показательно также для нашей задачи и то, что П.Я. Черных, говоря об истории этого слова, сообщает о том, что «В русском языке слово *артель* известно с начала XVII в.», приводя в подтверждение следующее замечание: «Р. Джемс, РАС, 1618-1619 гг., 54 : 17: artele – «a companie as of 3. or 4. or more» [«товарищество из 3, 4 и более (человек)»][23].

Тем самым, прямо указывается на возможное число людей, артель составляющих. Не менее трех, а из первоначального определения, получается, что обычно из трех-четырех и несколько более. Выходит, что группа эта может быть и часто бывает совсем небольшой. Определение слова у П.Я. Черных содержит еще одно указание, не встретившееся в процитированных словарях: «группа людей, добровольно объединившихся для совместной работы, ведения общего хозяйства и т.п.». Нет упоминания о договоре, а добровольное объединение может осуществляться и на словах.

---

[22] См.: М. Фасмер: *Этимологический словарь русского языка*. Том I. Москва 1986; П.Я. Черных: *Историко-этимологический словарь современного русского языка.* Том I. Москва 1999; А.Г. Преображенский: *Этимологический словарь русского языка*. Том I. Москва 1959.

[23] П.Я. Черных: *Историко-этимологический словарь*…, т. I, с. 53 (расшифровки сокращения РАС словарь не содержит).

Возвращаясь к характеристике Даля, относительно происхождения, то ли собственного, то ли где-то услышанного, важно, что оно таковое имеется, читаем: «*на сѣвере артиль: артель и рота*[24], съ перестановкою, как *рожь* и *аржаной* и др., одно и то же древнее слово, отъ *ротитися*, обѣтовать, клясться, присягать». И далее само объяснение: «товарищество за круговой порукой, братство, гдѣ всѣ за одного, одинъ за всѣхъ; дружина, согласъ, община, общество, товарищество, братство, братчина, для общаго хозяйства и особенно пищи, также для работы сообща и раздѣла заработковъ, за вычетомъ расходовъ, прогула ипр. *Артель суймомъ крѣпка*, суймъ, суемъ, сейм – общая сходка». (Даль, т. I, с. 24)

И затем, продолжая цитату: «|| *влгд*. самая пища, особ. горячая, приваръ: *Безъ горячей артили не обѣдъ*. || Ватага, арава, шайка, толпа, скопъ, куча народа: *Народъ по улицамъ артелями бродитъ*. *Зимою волки артелями рыщутъ*. || Семья, все, что садится за одинъ столъ: *у меня вѣдь артель большая*». С показательным для приводимого смысла соотношением в пословице *Брюхо да руки – иной нетъ поруки*, у артели и *Что было въ артели – все свертѣли (съѣли)*.

Показательными в разбираемом отношении можно считать значения, передаваемые прилагательным *артельный* и наречием *артельно*, образованным от него. МАС, помимо непосредственного отношения к слову *артель* (*Артельный устав*), как значения первого, выделяет в качестве его оттенка у прилагательного «|| *Прост*. Общий, совместный, коллективный. *Артельная работа*.» и «**2.** *перен. Прост.* Общительный. – *Это сынок управителя нашего. Ничего, артельный паренек, свой*. Эртель, Гарденины.». Для наречия, соответственно: «Сообща, артелью».

ТСУ наречия не содержит, а прилагательное определяет следующим образом: «|| Общий, складчинный, совместный (разг.). *На артельных началах* (сообща, вскладчину). *Артельные харчи. А. стол*. **2.** *перен*. Общительный, разбитной (простореч.). *Это парень а.*».

---

[24] В данном случае *рота* следует понимать как *ротá*, от *ротúть*: «***Рочéнье*** ср. ***ротá, ротьбá*** ж. божба, клятва, клятьба». Хотя Даль (при том, что слово *рóта*, согласно этимологическим словарям, заимствованное) настаивает на том, что «***Рóта*** ж. воен. часть полка, батальона … образовалось отъ *роты*, присяги: ***рóтники*** м. мн. уже въ XII вѣке составляли въ Новгрд. дружины, дававшія старостѣ своему *ротý*, отправляясь артелями въ торговлю или на похожденія; *рóта*, присяжная артель, дружина, товарищество, братство. *Рóтниками* звались повольники, ушкуйники, вольница, шайки и артели для набѣговъ, грабежа». (Даль, т. IV, с. 105) Отвлекаясь опять же от происхождения слова, важным будет для нас само представление о том, что 'артель', как и 'рóта' < 'ротá', непосредственно связывалось в сознании с идеей совместно даваемой присяги, со всем из этого далее следующим.

И, соответственно, существительное *артельщик* (женск. *артельщица*) в ТСУ: «Член, участник артели. || Член артели ответственного труда. *Выручка в кооперативных магазинах ежедневно сдается артельщику*». В то время как в МАС женск. не дается, а *артельщик* определяется как «**1.** *Устар*. Член, участник артели. || Носильщик, посыльный и т.п. (член артели носильщиков и т.п.). *Артельщики в белых фартуках и с бляхами суетились возле пассажиров*. Чехов, Тиф. **2.** Ответственное лицо в артели, ведущее ее дела, староста. || Лицо, ведающее питанием артели, какой-л. группы людей».

БТС оттенок 1-го значения по МАС (общий, совместный, коллективный) дает как самостоятельное, 2-е, значение, в то время как 2-го по МАС и ТСУ перен. и прост. (‘общительный’) в этом словаре уже нет. Наречие представлено без изменений, так же как в МАС, а *артельщик* (также без женск. соответствия): «*Устар*. Член или участник артели. || Хозяин артели; десятник-распорядитель». Получается, что, в соответствии с БТС, член и участник не то же самое (в МАС эти понятия давались через запятую, т.е. как эквивалентные), ответственное лицо, ведущее дела, староста обратился в хозяина и десятника-распорядителя, а лицо, ведающее питанием артели либо какой-либо группы, перестало называться *артельщиком*. По крайней мере, это значение вышло из употребления.

Представленная по словарям смысловая картина дает основания к следующим заключениям:

1. В количественном отношении артель представляет собою группу, которая может быть немногочисленной и состоять из нескольких (3-4) человек.

2. Организуется, составляется, образуется такая группа по общему согласию, договору, первоначально, возможно, присяге, в нее входящих, для осуществления ими какого-либо рода совместной деятельности, в первую очередь и главным образом, хозяйственной и профессиональной.

3. Деятельность этой группы а) регулируется какими-то общими правилами и б) характеризуется (характеризовалась) совместным участием в получении пищи, распределении не только обязанностей, но и доходов.

4. Организация ее предполагала наличие старшего в группе, ответственного, главного, распорядителя, а также того, кто следит за питанием.

5. Возможно также, что организация допускала наличие постоянных членов артели и временных, или участников, в общей деятельности и совместном питании (?), не обязательно на равных правах.

6. Представляя собою объединение, предполагающее наличие не только более или менее равным образом определяемых людей по отношению к характеру деятельности, питанию и доходам, но и к совместно воспринимаемой в виде средств производства собственности, артель становится тем, что в МАС предстает как «Основная форма социалистического производственного объединения граждан для ведения коллективного хозяйства на базе обобществления средств производства».

Или, иными словами, как объединение а) не всяких людей, а только тех, кто является членом данного государственно-политического сообщества б) на основе не просто совместно организуемой деятельности, но такой, которая в) предполагает обобществление как продуктов труда, так и того, с помощью и при посредстве чего они производятся, что находит свое выражение и соответствие в г) форме хозяйствования, названной социалистической, из чего будут следовать и следовали д) образцово-показательные и воспитательно-прогрессирующие модели не только хозяйственного, но и организующего управления населением.

7. В соединении артель могла представляться как действующая или движущаяся группа не слишком большого количества людей, совместно осуществляющая данное действие.

8. Исторически складывавшиеся взаимные отношения, предполагая необходимость сотрудничества и солидарности, нашли свое отражение в типичном характере "человека артели" как контактного и открыто-свободного.

Это последнее представление, впрочем, не только его, можно считать уже устаревшим, словари последнего времени его не дают (нет соответствующего ему значения ни в БТС, ни у Ефремовой). К отошедшим или, точнее, значительно редуцированным по сравнению с прошлым следует отнести также признаки, отраженные в пункте 6, сохранившие общее представление об осуществляемой деятельности, предполагающей совместность доходов и равную ответственность. Неактуальными для общего представления стали признаки (сохраняясь, возможно, внутри), связанные с получением и распределением пищи, разделением на постоянных и временных представителей группы, а также характера договорной основы – не по присяге (по-видимому, уже очень давно), добровольно, но обязательно ли по договору или, возможно, только согласию. Данное положение для носителей современного языка перестало осознаваться.

По сравнению с прошлым, для которого мысль об артели связывалась, едва ли не в основном, с идеей сплоченности, прочности, крепости, взаимовыручки, основанных на отношениях, копирующих семейные, включая питание, – для представлений более позднего времени, начиная с XX века, а тем более современных, подобное не характерно.

Вспомним у Даля, *артель* – это, в первую очередь, «товарищество за круговой порукой, братство, гдѣ всѣ за одного, одинъ за всѣхъ; дружина, согласъ, община, общество, товарищество, братство, братчи́на, для общаго хозяйства и особенно пищи, также для работы сообща и раздѣла заработковъ». Общего хозяйства и особенно пищи, а затем «также для работы сообща и раздѣла заработковъ». Тем самым, отчасти, как следствие. Из чего *Артель суймомъ крѣпка* (общим собранием, сходкой). *Артель* у Даля – это также и вместе с тем, переносно, «Семья, все, что садится за одинъ столъ» и «|| *влгд*. самая пища, особ. горячая, приваръ». То есть еда и работа: *Брюхо да ру́ки – иной нетъ поруки*, как основа артели.

Представления более позднего времени концентрируются на производственных отношениях. Артель становится, в первую очередь, а впоследствии и исключительно, формой совместно организуемого труда с получением и распределением доходов и общей для всех ответственностью. Теряется также идея совместно осуществляемого действия вне производства. Примеры у Даля к значению «Ватага, арава, шайка, толпа, скопъ, куча народа: *Народъ по улицамъ артелями бродитъ*. *Зимою волки артелями рыщутъ*», равно как и из Гладкова, приводимое в МАС *Глубоко внизу густой массой шевелился народ, и из этой гущи длинной вереницей ползли вверх по шпалам целые артели и одинокие фигуры*, – воспринимаются как устаревшие.

Этот последний пример интересен для разбираемого нами предмета тем, что в нем нашли свое отражение важные составляющие для 'многолюдства' ('*n*-людства', '*n*-людья') в существенных для них соотношениях: 'народ' (шевелился густой 'массой' глубоко внизу), (из этой 'гущи' ползли вверх по шпалам) ('целые') 'артели' (и одинокие фигуры). С одной стороны, выявляется ряд, представляемый последовательно 'народом' – 'артелями', которые характеризуются прилагательным 'целые' – и 'одинокими фигурами', противопоставляемыми тому и другому. С другой, 'народ', в восприятии и визуально, определяется как ‘густая масса, шевелящаяся глубоко внизу’ и ‘гуща’, а 'целые артели', т.е. немалые в количественно-числовом отношении одновременные совокупности отделяющихся из этой гущи лю-

дей, опять же для восприятия и визуально, предстают как ‘ползущие длинной вереницей по шпалам вверх’, противополагаясь, для того же визуального в основе своей восприятия, гуще народа внизу и одиноким фигурам, также движущимся наверх.

'Народ', и это может служить подтверждением ранее сказанному о 'толпе' (ср. характерное объединение *толпы народа, толпа народа, народная толпа, народные толпы, народ толпится, толпился, столпился*, т.е. 'толпа' и 'народ' в сознании прочно взаимосвязаны), представлен как ‘масса’ и ‘гуща’, ‘густая масса, шевелящаяся (отнюдь не случайно) глубоко внизу’ для смотрящего и стоящего над ними и сверху. Тем самым и следовательно, слитно, слито и неразличимо. Как неразложимое, неразделимое целое совокупно неопределенного множества перемешанных, собранных, но не лиц, а составляющих, не отделяемых от общего, "тел" вбирающих их в себя массовидного вещества.

'Артели', выделяясь, отделяясь и выходя, из этой материально-вещественной гущи, рисуются, для восприятия взглядом стоящего сверху, как ‘длинной вереницей ползущие вверх’, перемежаясь (по-видимому) одинокими фигурами, которые наряду с какими-то пропусками между самими артелями в веренице отделяют одну от другой в продвигающей вверх череде.

Тем самым, в таком представлении 'артель' понимается как людское множество, а) состоящее из более или менее обозримо не так чтобы малочисленного (поскольку *целые* артели) количества, б) в совместно направленном продвижении одна за другой, в) в определенной последовательности и на каком-то одну от другой отделяющем расстоянии череды (поскольку *длинной вереницей*, а следовательно, общей для них), которая в этом своем продвижении, каждая, г) отделяясь из их составляющей массы, опять же одна за другой, д) неторопливо и медленно, поднимаясь наверх, перемещается в общей цепи по общей протянутой линии (*по шпалам ползет*).

Из всего этого числа обозначенных пунктами признаков общими, а не только контекстуальными, впрочем, следующими из имеющихся в сознании представлений, следовало бы считать то, что 1) 'артель' может быть также и немалочисленной, что 2) характеризовать ее может совместно направленное продвижение к общей цели или такое же действие, что 3) ее можно представить в виде последовательностей подобных себе, в том числе и наглядно в общем пространстве для них, что 4) выходит, исходит и

отделяется она как 'артель' из того, что больше ее и представляется как неорганизованная и неразличимая в значительно более множественном составе людская масса (народ, его гуща, толпа).

Типологическое ядро 'артели'

Из всего сказанного в отношении 'артели', применительно не только к тому, что было выведено в предыдущем абзаце, но в качестве общего заключения, можно было бы подойти к тому, что было названо ранее типологическим ядром соответствующего представления. Ядро это составлялось бы, в результате, признаками, по-разному относящимися к языковому и не только языковому сознанию последнего времени, как более или менее чувствуемые и осознаваемые.

Первым был бы признак возможного для 'артели' числа, которое представляется как небольшое. Следовало бы добавить, что в первую очередь и в основном. Не случайно в гладковском примере для указания на число, которое должно пониматься как ‘больше привычного’, используется определение *целые* при *артели*, что направляет мысль в сторону расширения имеющегося в сознании типично среднего и общепринятого о них представления.

Вторым был бы признак совместно организуемой равенственности при наличии старшего, предводителя, главного, и это было бы вершинно-равенствующее в своей организованности множество.

Третьим признаком, связанным со вторым, а отчасти и следующим из него, было бы то, что можно определять отношением к ставящейся либо только предполагаемой, а потому и не наблюдаемой и не всегда очевидной, цели.

Отвлекаясь от производственных, а потому очевидных и ясных, задач, поскольку при выведении типологического ядра представления следует отходить от возможных значений, при любом совершении, в том числе и хождении или брожении как внешне бесцельном перемещении в пространстве, так или иначе, если 'артелью', то не всегда четко осознаваемо, но все же присутствует мысль об организованной как-то и для чего-то целенаправленности. В примерах из Даля *Народъ по улицамъ артелями бродитъ* и *Зимою волки артелями рыщутъ* (при том, что оба не современны), – если второй очевиден в своей направленности (рыщут в поисках пищи, добычи), то первый содержит в себе ощущение, что, если *артелями бродит*, то почему-то, зачем-то, чем-то это может быть вызвано и с чем-то, может не объявляемым, связано.

И тогда упомянутое типологическое ядро для 'артели' как представления, вне показателей времени в историческом смысле, значений и употреблений слова, его (представление в сознании) выражающего, но опираясь на эти значения и употребления и отображаясь в них, – ядро это выглядело бы в своем трехкомпонентном устройстве в виде:

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(PrimAequal)>Act(Fin).$$

Сравнение с выведенными ранее в их типологических формулах представлениями для 'многолюдства' ('многолюдья') и 'толпы' отмечало бы специфичность 'артели'. Помимо общности квантитатива популятива, *Quant (Populi),* очевидным становится отличие как в самом этом первом для трех показателе (в основном и в первую очередь, немногочисленном, $Quant^{/Non/Mag}$), так и в двух последующих, не говоря о направленности, обозначенной знаком >, от второго к третьему, а не наоборот, как у 'толпы' с 'многолюдством' (и 'многолюдьем').

Если в отношении 'толпы' определяющими (для группы подобных ей представлений) оказались признаки ‘неупорядоченной перемешанности всех в общую массу’ при ‘неопределенной в количественном отношении, но достаточно многочисленной множественности’, а для 'многолюдства' (и 'многолюдья') таковыми были ‘общие место и время собравшихся, также в немалом (обычно) числе’, то 'артель' следовало бы определять как ‘сравнительно немногочисленное объединение, специально организованных либо собравшихся и действующих ради чего-то людей’.

Добавить к этому видится важным и то, в том числе и как следствие из представленного определения, что, если для 'многолюдства' (и 'многолюдья'), так же как и 'толпы', предпочтительно то, что было охарактеризовано как вид присутствия, т.е. 'толпа' и 'многолюдство' ('многолюдье') воспринимаются, в первую очередь, в смысле своего, здесь и сейчас, наличия, в непосредственном восприятии и ощущении либо с мыслью о таковых, – то для 'артели' таким предпочтением становится форма существования.

'Артель' представляется не как то, что наблюдается и воспринимается здесь и сейчас в составе своих представителей, а как их действующая организованно где-то когда-то и для чего-то совместная группа. Вид присутствия также возможен (как и форма существования для 'многолюдства' с 'толпой', что уже отмечалось), но он будет следовать из каких-то условий, – либо видеть, в ее составе одновременно и сразу, всю артель, либо (что было в примерах, но также и устарело) *артелью*, т.е. всем вместе и сообща, что-либо делать или ходить.

Группа подобных в предметно-понятийном и тематическом отношении представлений, к которой следовало бы относить и 'артель', определялась бы, исходя из сказанного, признаком ‘организованного по примарно-равенствующему, *Org(PrimAequal),* основанию (для чего-то, но не обязательно) относительно немногочисленного людского множества’. Типологизирующим и объединяющим именно в данную группу в этом наборе необходимо считать ‘организованную (по примарно-равенствующему основанию, относительную) немногочисленность’, поскольку то, что ‘людское’, и то, что ‘множество’, не специфичны, встречаясь и во всем остальном, относящемся к разбираемой области.

Сходные в типологическом отношении представления

Исходя из определившего себя общего признака *Org(PrimAequal)* при $Quant^{/Non/Mag}$, к той же группе, что и 'артель', можно было бы отнести представления, передаваемые словами *агитколлектив, актив, банда, братва,* (*монастырская*) *братия, братья-разбойники, бригада, ватага* (при наличии старшего, вожака), *взвод, войско, вольница, громада,* (*студенческая*) *группа* (при наличии старосты), *делегация* (при наличии руководителя), *дружина,* (*октябрятская*) *звездочка,* (*пионерское*) *звено, кагал, казаки-разбойники* (при наличии атамана), *караван, клан, коллектив, колонна, колхоз, команда, комитет, коммуна, община, отделение* (воинское), *отряд, партактив, партгруппа, партколлетив, паства* (при пастыре), *племя, политбюро, публичный дом, рать, род, секта, семья* (при наличии главы), *семейство, сотня* (казачья), *стадо, стая, волчья стая* (о людях, при наличии вожака), *товарищество* (при наличии главного, руководителя), *шайка*.

Соответственно к группе с 'толпой', определяемой признаком *Conjunct(Mult)* при $Quant^{Infinit/Mag/}$ (‘неупорядоченная перемешанность всех в общую массу’ при ‘неопределенной в количественном отношении, но достаточно многочисленной множественности’), относились бы представления, передаваемые с помощью слов, немалая часть из которых могла бы восприниматься в каких-то своих значениях и как соотносимые с 'многолюдством' ('многолюдьем'), по признаку *CongrLoc(Idem)/Temp(Simult)* при $Quant^{/Mag/}$ (‘общие место и время собравшихся, также в немалом (обычно) числе’).

К этим словам можно было бы отнести такие (с оговоркой к передаваемым ими значениям, подчеркнутые представляли бы группу, соотноси-

мую также и с 'многолюдством' / 'многолюдьем', граница при этом между ними весьма относительна): *базар*, *базар-вокзал*, *вакханалия*, *вокзал* (*как на вокзале*), *вши* (о людях, а также *расплодились как вши*, *копошатся как вши*), *гамузом* (*всем гамузом*), *голытьба*, *гульбище*, *зоопарк* (о людях), *караван-сарай*, *клоповник*, *клопы* (о людях), *клопятник*, *костомятка*, *кунсткамера*, *майдан*, *массы* (*рабочие*, *трудовые*, *темные*), *массы народу* (где-либо), *матросня*, *мир*, *митинг*, *мошкара* (о людях), (людской) *муравейник*, *народ* (*при народе*, *при всем* (*честном*) *народе*, *принародно*), *обезьянник*, *оргия*, *орда*, *паноптикум*, *психушка*, *рой*, *саранча*, *сбор* (*сбор блатных и шайка нищих*), *сборище*, *сброд* (*всякий сброд*), *свадьба* (*собачья свадьба*, *как на Маланьину свадьбу*), *свистопляска*, *сволота*, *сволочь* (*всякая сволочь*), *свора* (*собачья свора*, о людях), *сила*, *силы* (*темные силы*, *тайные силы*), *скопище*, *скопление*, *скоп*, *скопом* (*всем скопом*), *солдатня*, *сонм*, *сонмы*, *сонмище*, *сонмища*, *сорочьё*, *стадо* (как масса людей), *стервятники*, (*вавилонское*) *столпотворение*, *сумятица*, (*цыганский*) *табор*, *табун*, *тараканник*, *тараканы* (о людях), *толпы*, *толпища*, *трясина*, *тьма* (*тьма народу*), *ходынка*, *хор* (*хором*, *все хором*), *чернь*, *шантрапа*, *шваль*, *шпана*, *шушера* (*всякая шушера*), *ярмарка*.

В связи с отмеченными особенностями возникает вопрос о необходимости различения не только того, что можно считать представлением для сознания, с одной стороны, и значением слова, с другой, с ним соотносимым и его выражающим, но и, как следствие, определения того, что считать основой для данного представления в отношении его восприятия и знания о нем. Это последнее послужит возможности выведения соответствующих групп со своими внутри разделениями на подгруппы. Из чего, в свою очередь, будет следовать возможность либо, напротив, ее отсутствие каким-то образом организованного устройства, парадигматического по своему характеру и существу, вершинно-иерархического либо другого какого-то вида и типа.

Попробуем подойти к поставленным перед этим вопросам с двух различных сторон, установив возможность того или иного их разрешения на материале. Исходя из тех представлений, которые нашли свое отражение с помощью соответствующих слов для 'артели', как более или менее ощутимых в своих смысловых особенностях. И из тех представлений, которые, будучи менее ощутимыми в своих различиях, отразили себя в значениях слов для 'толпы' с 'многолюдством' (и 'многолюдьем').

Идя по порядку в той группе, которая соотносилась с 'артелью' и отвлекаясь пока что от вероятных различных значений у слов, обратимся к имеющимся в языковом сознании представлениям, находящих свое выражение в соответствующих словах, с тем чтобы их, эти представления, каким-то достаточно очевидным образом сгруппировать.

'Агитколлектив' в представлениях общей с ним группы

Первым из перечисленных было слово *агитколлектив*, передающее представление о каком-то количественном составе людей. То, что сравнительно небольшом и предполагающем старшего, или руководителя, отмечая собой отнесенность к группе с 'артелью', в разбираемом случае учитываться не будет. Важным становится то, что отличает, характеризуя стоящее за этим словом в сознании представление от каких-то возможных других, но при этом делает его, это представление, не индивидуально особенным, а соотносимым с какими-то близкими с ним. Что предполагало бы группу, с одной стороны, входящую в общую с ранее выделенной на примере с 'артелью', а с другой, способную далее подразделяться на меньшие составляющие. Иными словами, это была бы подгруппа в выделенной ранее группе с 'артелью', состоящая далее из каких-то последующих подгрупп.

Основу указанного определяющего представления в отношении того, что за *агитколлективом* стоит, составлял бы особый характер совместно осуществляемой деятельности. То, что деятельности, и то, что совместно осуществляемой, основой определения не будет. Сущность его обращается вокруг самого характера совместно осуществляемой деятельности.

Агитколлектив, но не как слово в его значении и не как представление в сознании о нем, а имеющийся в реальной действительности предметный объект (денотат, референт, однако хотелось бы избежать такого обозначения, подводящего к мысли о слове), агитколлектив как предметный объект – это та же артель. Но если *артель* в словаре Ефремовой в ее первом значении (обращаясь к определению) – это «Группа лиц одной профессии (обычно связанной с физическим трудом), объединившихся для совместной работы на основе общей ответственности, самоуправления, долевого участия в доходах», а во втором «Группа собравшихся или идущих вместе людей», то, что же такое тогда агитколлектив и чем он будет отличаться от такого воображения об 'артели'.

Определение лексического значения *артели* понадобилось нам для того, чтобы увидеть в агитколлективе (как реальном объекте) то, что от

'артели', но не как слова с первым его значением, а в стоящем за ним представлении, будет 'агитколлектив', на сей раз уже как представление, отличать.

Оттолкнувшись от реально имеющегося в действительности объекта (либо имевшегося, что в данном случае не существенно), с одной стороны, переходим к существующему в сознании представлению, которое будет шире и обобщеннее знания об этом объекте, но не в реальном, а в концептуализирующем отношении. Поскольку, и это было бы с другой стороны, имеясь в сознании в некотором, своего рода взвешенном и не до конца привязанном к объекту, хотя и связанном с ним, обобщении, представление это содержит возможность реализовать себя в виде разных значений и употреблений того или иного какого-то слова, не обязательно и не единственно данного и одного.

Итак агитколлектив, будучи группой лиц (обращаясь к определению у Ефремовой, но представляя это не как значение слова), не является а) группой лиц одной профессии, б) связываемой, не только обычно, с физическим трудом. Так же как не объединившихся для совместной работы в) на основе общей ответственности, г) самоуправления, д) долевого участия в доходах. А если что-либо из перечисленного в последних трех пунктах имеет место, то это для агитколлектива, равно как и имеющегося в сознании представления о нем, не существенно.

Можно пойти, оттолкнувшись от отрицаний, по такому пути: а) если группой лиц не одной профессии, то различных; б) если не физический труд, то какой-то другой (последние три пункта, т.е. (в), (г) и (д), опустим как не существенные). Остается неразрешенным вопрос, точнее два вопроса, – важно ли для агитколлектива, равно как и далее представления о нем, то, что лица, его составляющие, являются, могут являться, представителями разных профессий, так же как то, что их труд не физический? При том, что это не противоречит реальному положению вещей.

Если задуматься, не так, чтобы основательно, над тем, что такое, собственно, агитколлектив, то получится, что это не важно. Несмотря на то, что это действительно так, не эти признаки составляют основу имеющихся знаний и затем представлений о нем. Из чего получается, однако не будем давать это как обобщающий вывод, что знания и представления об артели и агитколлективе не симметричны. При сходстве, необходимо добавить, их как объектов реальной действительности. Знания об объектах и,

далее, обобщающие и не всегда полностью осознаваемые представления о них с ними как таковыми не совпадают.

Отойдем, однако, от философствующих размышлений на данную тему, перейдя к материалу. Для того, чтобы представить агитколлектив как реальный объект, следует обратиться к тому, чем является характерная для него агитационная деятельность.

Агитколлектив собирается, хотя, может, точнее было бы говорить, набирается из людей, в задачу которых входит необходимость участия в совместно (как правило) осуществляемых действиях, воспринимаемых как выступления, словесные, музыкальные, танцевальные, театральные и т.п., либо только словесные, перед другими людьми, для этого специально где-нибудь собираемыми либо там уже находящимися (фактор места и времени). Выступления эти, по отношению к собравшимся, как слушателям и зрителям, имеют характер идейно ориентирующий. Агитколлектив при этом, с одной стороны, имеет состав более или менее постоянный, тех, кто входит в него. С другой стороны, он может, хотя это не обязательная, но свойственная для него черта, с даваемыми и организуемыми (обычно не им) выступлениями передвигаться, производя их по разным местам перед группами населения, объединенными местом жительства, местом работы, местом расположения (воинской части) и пр.

Все эти знания, концентрируясь, сводятся, подводя к специфичности 'агитколлектива', но не как объекта реальной действительности в его множественных проявлениях, а как представления о нем, к двум существенным основаниям: а) выступлениям перед другими людьми, которые имеют б) идейно ориентирующий характер. При дополнительности (своего рода второго плана), что, впрочем, следует из необходимости реализации пункта (а), признака, связываемого с передвижением в пространстве (и времени) от одной группы слушателей и зрителей к другой.

Концептуализирующее определение 'агитколлектива'

Исходя из сказанного, 'агитколлектив', но не как слово, а как представление, за ним и над ним (или, может, под ним?) стоящее, следовало бы определять, в существенных признаках для него, как такое ‘объединение людей, которое, не будучи многочисленно, но при этом, обычно, примарно-равенствующим образом организовано для осуществления заданной цели’, согласно формуле выведенной ранее общей с ним группы

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(PrimAequal)>Act(Fin),$$

далее специфичность свою обнаруживает в отношении компонента *Act(Fin)*, определяясь характером целенаправленно производимой деятельности. Тем самым, это была бы подгруппа акционально-финитного (деятельно-целевого) проявления.

В этой подгруппе, общей с другими подобными по показателю акционально-финитного проявления, 'агитколлектив' для *Act(Fin)*, в отношении признака *Act*, имел бы проекцией ‘выступления перед другими людьми’. В отношении *Fin*, определением в *Act* входящего, ‘идейную (их, этих людей, выступлениями) ориентацию’. Находило бы это свое выражение в признаке *Orat* для *Act* и *Intent* для *Fin*, как того и другого проекции. И тогда формула данной, входящей в *Act(Fin)* подгруппы, выглядела бы как

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(PrimAequal)>Act(Fin)/\mathbf{Orat(Intent)}.$$

Памятуя о том, что это не слово в его значении, каком-то из них, а представление для сознания и в нем, отвлекаясь от 'агитколлектива' как чего-то, в себе и для себя особенного, следовало бы сказать, что в голове у носителей языка имеется, вне значений различных слов, но реализуемое в словоупотреблениях через них, нечто вроде общей идеи о том, что существуют (и здесь приходится повторить) в реальной действительности такие какие-то ‘объединенные группы людей, которые целью своей деятельности полагают идейно ориентирующее воздействие на других, что осуществляется ими в ходе производимых ими словесных, главным образом, выступлений’.

Данное определение следует воспринимать также как определение предметно-понятийной и тематической вместе с тем группы, входящей в бóльшую группу (акционально-финитного проявления при двух других компонентах, организованности и квантитативности), в составе которой рассмотренный 'агитколлектив', наравне с другими, в ту же общую для них группу входящими, занимает свое для себя характерное место.

Из сказанного следуют два очередных (а точнее, три), существенных для разбираемого предмета, вопроса. Какие еще представления, способные себя выражать с помощью значений соответствующих слов, относились бы, могли относиться к указанной группе? В чем состояла бы специфичность 'агитколлектива', как собственного, для себя, представления, в этом общем ряду? И, как следствие из второго, как это затем отражается либо способно отображаться в значениях и употреблениях *агитколлектива* как слова, находя свое выражение в речи и в языке?

Порядок при этом отнюдь не случаен, поскольку сначала в речи, а затем в языке, а в языке, потому что в речи. Впрочем, и это весьма относительно: можно ли в речи что-то произвести, чего нет в языке? Каким бы ни был ответ, положительным ли, отрицательным, видимо, стоит признать, что, при любых обстоятельствах и соотношениях, в речи отображается то, что имеется в представлениях говорящего, независимо от того, нашло ли, находит ли это свое воплощение в языке или нет. И это будет исходным и наиболее важным для разбираемого нами предмета.

К словам, так или иначе, отображающим выведенную из 'агитколлектива' формулу, предполагающую такое целевое проявление в деятельности для какой-либо группы людей, которое выражает себя в выступлениях, прежде всего словесного вида, связанных с идейно ориентирующим воздействием на слушающих, помимо *агитбригады, агитпоезда, агитпарохода, агитавтобуса* и т.п., что являлось бы непосредственными проявлениями 'агитколлектива', можно было бы отнести из представленных ранее разве что *секту* и то с оговорками в том отношении, что эта такая идейно-религиозная группа, которая действует как агитколлектив, соответствующим образом обрабатывая других людей. Получается, что имеющееся в сознании представление, за 'агитколлективом' стоящее, нельзя сказать, чтобы не типичное и не распространенное, реализует себя в ограниченном списке лексических единиц с их значениями.

Говоря, в свою очередь, о специфичности представлений, связываемых с 'агитколлективом', необходимо их сравнивать с теми, которые проявляют, способны и могут себя проявлять в той же группе. И тогда, если сравнение с *агитпоездом, агитпароходом, агитавтобусом*, как со словами, передающими наиболее близкое представление по отношению к *агитколлективу*, предполагает отличием характер передвижения агитколлектива (агитпоезд – это агитколлектив, передвигающийся на поезде, специально для этого оборудованном и к этому предназначенном), – остается сравнить разбираемое представление с тем, которое связывается с агитбригадой и сектой.

'Агитколлектив' в его отношении к 'агитбригаде'

Обратимся для этого к словарям. МАС ни того, ни другого слова не отображает. Нет этих слов также и в ТСУ. БТС толкует *агитколлектив* отсылочным образом, не отличая его от *агитбригады*. Словарь Ефремовой, объясняя значение *агитбригады*, слова *агитколлектив* не фиксирует. Оба

эти слова в значениях, их различающих, можно найти в „Толковом словаре языка Совдепии”.

Из отмеченного можно сделать несколько выводов. Во-первых, то, что 'агитбригада' для языкового сознания получилась более выразительной и очевидной, чем 'агитколлектив'. Возникает тогда вопрос, с чем это может быть связано.

Во-вторых, и то и другое по каким-то причинам, которые трудно усматривать как непосредственно идеологические, в словарях советского времени (ТСУ и МАС) оказались не отражены. Возможно, что их нежелание фиксировать было вызвано тем, что, с точки зрения составителей, слова эти как слова не представляли особого интереса в силу, может быть, их очевидности, а может, подхода к ним как к специфическим и потому в употреблении ограниченным (областью агитации и пропаганды).

Не исключено также то, что слишком большое обилие слов подобного рода в словарях могло бы вызвать не соответствующую реакцию со стороны тех, кто к ним обращается. И потому переизбыток их, связываясь с представлением об их тематической специфичности, возможно также сиюмоментности при смысловой очевидности, предполагал стремлением такие слова не фиксировать и в толковых словарях не особенно отображать. Подобное наблюдение касалось бы целого ряда (слишком) идейно заряженных слов, получивших в дальнейшем (наряду с другими) определение советизмов, которые, не фиксируясь в словарях советского времени, нашли свое отражение, например, в „Толковом словаре русского языка XX века”, с пометой выхода из активного употребления в пассив. В первую очередь, как свидетельства отошедшей эпохи, оказавшей воздействие на развитие языка.

И, наконец, и это было бы в-третьих, получается, что 'агитколлектив', существуя в общем сознании в виде, в первую очередь, 'агитбригады', вследствие не случайно отображаемого тождества ей (в БТС) либо отсутствия при ее отражении (в словаре Ефремовой), оказался, в своей для себя самого специфичности, по каким-то причинам неуловим.

В стремлении разобраться с этим вопросом, связанным напрямую с тем, что было отмечено ранее для «во-первых», обратимся к тому, как объясняются то и другое слово в словаре, где оба отображены («Толковый словарь языка Совдепии»), равно как затем и далее, через сравнение, в БТС и словаре Ефремовой.

Агитколлектив, в этом первом из трех перечисленных словарей, дается в двух для него возможных значениях: «1. Коллектив агитаторов, создаваемый при первичной партийной организации для проведения агитационной работы среди населения и в армии. МСЭ, т. 1, 25». С таким иллюстративным примером: «*Руководитель агитколлектива тов. Андреев проводит личный инструктаж агитаторов*. Агитатор, 1959, № 19. + Протченко[25], 1975, 123». Шрифт источника (курсив для толкований значений, прямой для примеров) нами был изменен ради единообразия с цитатами из других словарей. И «2. То же, что **агитбригада**. Агитбригада, вар.[иант] агитколлектив. Чернявская[26], 37. + ССРЛЯ, т. 1, 80».

Небезынтересным в этой цитате видится то, что толкование *агитколлектива* в первом значении дается со ссылкой на МСЭ (Малую советскую энциклопедию, 1958 г., I т., 3-е изд.). Указывается также при этом источник собственно лингвистический (+ Протченко). БСЭ (Большая советская энциклопедия) 2-го издания (1949 г.), имея в своих объяснениях *агитпоезд* и *агитсамолет*, ни *агитбригады*, ни *агитколлектива* как самостоятельных словарных статей не содержит. Нет *агитколлектива* и в БСЭ 3-го издания (1969 г.), в то время как слово *агитбригада* дается.

Из чего получается, что для языкового сознания *агитколлектив*, как слово и как ему соответствующее представление, будучи специфическим в первом (и основном) своем понимании, оказывается не вполне очевидным. Поскольку, отображаясь, хотя непоследовательно, в источниках энциклопедических и лингвистических, т.е. специальных, не отмечается по словарям, определяемым как толковые. При том, что отождествляется, через значение, даваемое как второе, с все той же *агитбригадой*, представляясь также, по лингвострановедческому словарю 1984 г. (Чернявская), как ее вариант. Что само по себе не случайно, ибо лингвострановедческий, или лингвокультурный, аспект предполагает, в первую очередь, отображение слов, составляющих для данной страны и культуры специфику.

К представлению 'агитколлектива' необходимо также добавить то, что следует из приводимого к толкованию первого значения *агитколлектива* как слова примера. Агитколлектив (как реальный объект, но это должно найти свое отражение и в представлении о нем) имеет руководителя (выделявшийся ранее признак *Prim* в отношении *Org*), в задачу которо-

---

[25] И.Ф. Протченко: *Лексика и словообразование советской эпохи*. Москва 1975

[26] Т.Н. Чернявская: *Художественная культура СССР: Лингвострановедческий словарь*. Москва 1984.

го, в частности, входит необходимость организации и проведения личного инструктажа. Важно при этом, что личного, т.е., в том числе, и отдельно с каждым из входящих в коллектив агитаторов.

Прежде чем постараться выяснить тот не совсем обычный вопрос, который связан с отсутствием либо, точнее, неочевидностью, 'агитколлектива' в его специфичности для языкового сознания, по сравнению, скажем, с все той же 'агитбригадой', рассмотрим ее толкование как слова с его значением.

Цитируемый „Толковый словарь языка Совдепии" содержит одно объяснение: «Небольшой передвижной самодеятельный или профессиональный концертный коллектив, репертуар которого строится на злободневном материале». Приводимые в словарной статье примеры иллюстрируют обычные ее разновидности: «*Выступление студенческой агитбригады*. ССРЛЯ[27], т. 1, 80» (подчеркнуто мною – *П.Ч.*); отмеченную для 'агитколлектива' примарную организованность: «*Подвиг захваченного в плен белоказаками комиссара агитбригады*. Окт. рев. в сов. прозе, 5»; а также ее передвижной характер: «*Я с агитбригадой отправился в Дзукию*. ДН [Дружба народов], 1979, № 1».

БТС толкует значение все той же *агитбригады* более обобщенно, с указанием на то, что это слово было характерно для советского времени. «В СССР: небольшой самодеятельный или профессиональный коллектив, занимающийся агитационной и культурно-просветительской работой среди населения.» Нет представления о том, что передвижной, что концертный, не говорится также о характере предполагаемого репертуара. И, соответственно: «**АГИТКОЛЛЕКТИ́В**, -а; *м*. = Агитбрига́да».

Словарь Ефремовой определяет *агитбригаду* также в одном значении: «Небольшой, обычно передвижной, самодеятельный или профессиональный концертный коллектив, репертуар которого строился на остросовременном, злободневном материале (в СССР)». По сравнению с приведенным определением в словаре Совдепии вводятся два уточнения. То, что это коллектив *обычно* передвижной, и то, что материал репертуара был *остросовременным*.

Упоминавшаяся ранее БСЭ 3-го изд. (1969 г.), в свою очередь, сообщает о том, что *агитбригада* – это агитколлектив, агиттеатр, определяя этот коллектив не как концертный, а как театральный, уточняя также то,

[27] *Словарь современного русского литературного языка*. В 20 томах. Москва 1991-1992.

что выступления агитбригады предполагали распространение передового опыта.

Из чего получается, что агитбригада – это не что иное, как театральный коллектив, самодеятельный либо профессиональный, агитационной направленности, предполагающий также обычную для него возможность перемещения, с тем чтобы давать свои запланированные и организуемые выступления для различных групп населения, по месту жительства либо месту работы.

Тем самым, выходит, что агитбригада – это агитколлектив, точнее, какая-то его разновидность, поскольку понятие агитколлектива шире понятия агитбригады. Для выяснения соотношения между ними необходимо вернуться к определению *агитколлектива* по „Толковому словарю языка Совдепии” со ссылкой на МСЭ в его первом значении. Согласно этому определению, *агитколлектив* – это «Коллектив агитаторов, создаваемый при первичной партийной организации для проведения агитационной работы среди населения и в армии».

Агитбригада тогда – такой «коллектив агитаторов», который, будучи создан «при первичной партийной организации для проведения агитационной работы среди населения и в армии», представляет собой «небольшой передвижной самодеятельный или профессиональный концертный (театральный) коллектив, репертуар которого строится на злободневном (и остросовременном) материале». В задачу планируемых и организуемых выступлений данного коллектива входит также распространение передового опыта среди населения.

В данном соотношении стоит обратить внимание на три существенных обстоятельства. Прежде всего, на то, что, если агитколлектив представляет собой коллектив агитаторов, то агитбригада уже не обязательно. При общей агитационной направленности выступлений в ее состав могли входить не одни только агитаторы и не непременно они. Будучи самодеятельным или профессиональным концертно-театральным коллективом, она включала в свой состав тех, кто способен к выступлениям подобного рода, а это, в первую очередь, самодеятельные либо профессиональные актеры, певцы, музыканты, чтецы и т.п. Следовательно, не агитаторы в прямом понимании этого слова, специально для этого подготовленные, т.е. знающие и ориентированные на агитацию, не на театрально-концертные выступления перед публикой.

Следующее соображение предполагает то, что понятие агитколлектива связано, в первую очередь, с тем, что он создается при первичной партийной организации для проведения агитационной работы среди населения и в армии. В то время как агитбригада, хотя по существу своему тоже так создается (трудно себе представить иной какой-нибудь вариант, без участия, пусть не первичной, но все же партийной организации), для понимания ее это не столь важно и общим сознанием не фиксируется, что не находит также своего отражения и в определении слова.

В то время как важно и общим сознанием фиксируется, в первую очередь, то (и это было бы третье, как следствие из второго), что агитбригада – это коллектив выступающих перед публикой с концертами и театральными постановками, как правило и обычно, передвижной и с соответствующим актуальному политическому и общественному положению репертуаром. Чего об агитколлективе, если он не тождествен агитбригаде, трудно бы было сказать. В его обязанности и задачи входит другое – проведение агитационной работы как таковой, далеко при этом не обязательно в виде концертов и постановок.

На основе сопоставления того и другого приходим к выводам, во-первых, о том, что для языкового и не только языкового сознания агитбригада – явление живое, понятное и ощутимое, поскольку наглядно воспринимаемое и в своей деятельности вполне очевидное. Приезжают артисты, показывают, рассказывают, поют, развлекают, смешат. Все это остро, жизненно и современно.

В то время как агитколлектив, и это было бы во-вторых (если это не то же самое, что агитбригада), в своих проявлениях не столь очевиден. Агитационная работа кем-то проводится, это понятно. Но то, что за этой работой стоит коллектив, и не просто, а агитаторов, т.е., в общем-то, профессионалов, а если нет, то прошедших соответствующую подготовку и инструктаж, хотя и понятно в целом, для общего восприятия не активно и мало существенно. К тому же требует дополнительных размышлений по данному поводу – кто, что, для чего, зачем, что за этим должно стоять. В частности, то, что этот коллектив создается при первичной партийной организации для соответствующих целей.

Поскольку все это прямо и непосредственно не воспринимается (в отличие от агитбригады с ее выступлениями), представляя к тому же своего рода организационную кухню, не имеющим к этому отношения мало чем и кому интересную, не вникая и не погружаясь в нее и при этом видя

перед глазами агитбригаду как такой вот непосредственно себя проявляющий агитколлектив, общее, не только языковое, сознание агитколлектив понимает через агитбригаду, минуя в своих представлениях его самого.

Из чего получается, что первое, основное, значение слова для *агитколлектива* толковыми словарями не определяется (сохраняясь в специальной литературе и в энциклопедиях, хотя не во всех). В то время как второе, последующее и даваемое как единственное, отождествляется с *агитбригадой*, являющейся разновидностью агитколлектива по своему существу.

Описанное явление, связываемое с сужением исходного либо действительного представления об объектах (впрочем, не только о них), с отсечением либо забвением, вытеснением, нейтрализацией, отхождением на второй план, в пассив либо в сферу специального, каких-то важных первоначально, поскольку определяющих, признаков, можно считать вполне характерным для языкового, и не только языкового, сознания носителей данной ментальной культуры.

Небезынтересной также, в связи со сказанным, была бы одна обнаружившая себя особенность. Не то, чтобы неожиданная, однако для понимания действия не только языкового сознания показательная. При том, что слово *агитбригада* по толковым словарям последнего времени (БТС и Ефремовой) объясняется как называющее явление, характерное для советской эпохи, фактически без изменений в значении оно продолжает использоваться также и в современных текстах начала XXI века. На это указывают примеры, нашедшие свое отражение в газетном корпусе русского языка. По крайней мере, 5 из открывшихся 24-х можно было бы соотнести с современными словоупотреблениями[28]. В то же самое время 13 из основного корпуса, а также 19 из того же газетного представляют собой либо примеры советского времени, либо присутствуют в воспоминаниях о нем.

Приспособленность значения слова к несоветским, или постсоветским, условиям (трудно сказать, что бы было уместнее в данном случае) можно усматривать, исходя из контекстов, разве что в более свободном от идеологических ориентиров и непосредственно агитационных в политическом смысле задач осуществляемых агитбригадами выступлений. Что, впрочем, вряд ли можно рассматривать как изменение в семантике слова. Поскольку то, что, как уже говорилось, *агитбригаду* следует понимать как

[28] Опуская их рассмотрение, что значительно увело бы в сторону, отсылаем интересующегося читателя к материалам газетного корпуса.

«небольшой передвижной самодеятельный или профессиональный концертный (театральный) коллектив, репертуар которого строится на злободневном (и остросовременном) материале», остается без изменений.

В отношении *агитколлектива* оснований к наблюдениям подобного рода национальный корпус не дает. Все примеры относятся к советскому времени либо представляют собой воспоминания о нем. При этом их 9, и в основном только корпусе, в газетном (современном во многом) отсутствуют, что значительно меньше по сравнению с 37 общим числом по двум корпусам (плюс 1 в устном, из кинофильма) у *агитбригады*. И это служит еще одним показателем актуальности, в том числе, отчасти, и продолжающейся, хотя в значительно меньшей степени по сравнению с советской эпохой, 'агитбригады' не только как слова, но и как представления для сознания при неактуальности и ухода в пассив (в советское время в специальную сферу) 'агитколлектива'.

Несколько слов о подгруппах (с 'артелью')

Возвращаясь к мысли о стоящем за всем этим представлением о существовании в реальной действительности ‘организуемых групп людей, цель деятельности которых состоит в (идейно) ориентирующем воздействии на других, что осуществляется ими в ходе производимых ими словесных, главным образом, выступлений’, что определило себя в показанных ранее в формуле признаках

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(PrimAequal)>Act(Fin)/\mathbf{Orat(Intent)}, –$$

следовало бы обратить внимание на два существенных обстоятельства, о которых, впрочем, уже говорилось.

Во-первых, на существующий (как показали примеры из корпуса, не обнаруживший в приводимых им словоупотреблениях) семантический потенциал охарактеризованного представления, способный к реализациям не только в прямых и первых значениях слов, но и в переносных, разговорных, индивидуальных. И, во-вторых (что не то, чтобы связывалось с тем, что «во-первых», но представляло бы общее действие с ним все того же не только языкового сознания), – на то, каким образом, в чем, в каких проявлениях и словах, представление это (равно как любое другое) имеет возможность, себя обнаруживая, реализовать.

От чего оттолкнувшись, не то, чтобы прямо и не как в следствие, но взаимосвязано с этим, следовало бы, переходя, говорить о подгруппе. Общей с представлениями об 'агитколлективе-агитбригаде' (в данном месте

их можно объединить) и чем-то подобным другим. О той подгруппе, которая входит в группу с представленной перед этим 'артелью'. По общему для всей этой группы основанию в признаках *Act(Fin)* при *Quant*$^{/Non/Mag}$*(Populi)* и *Org(PrimAequal)*, переходящему в компоненте *Act(Fin)* для подгруппы с 'агитколлективом-бригадой' к проекции *Act(Fin)* в виде *Orat(Intent)*: акционально-финитного проявления в ‘словесных идейно-ориентирующих выступлениях’.

Касаясь этого первого из трех пунктов, ничто не мешает предположить использования слов *агитбригада* и *агитколлектив* в таких переносных значениях, при которых указанное перед тем представление могло бы опираться не столько на признаках словесно-ориентирующих выступлений и примарно-равенствующей организованности, сколько, как это было в примерах переносных значений и употреблений с *артелью*, когда характер производимой деятельности оказывался неважным, на чем-то, что, продолжая связываться с обозначением небольшой в количественном отношении группы лиц, предполагало бы какое-то свое расширение.

Агитбригадой можно бы было, для примера, переносно назвать небольшую группу, прежде всего, молодежи или подростков, которые, собираясь вместе, не обязательно организованным при наличии старшего способом, более или менее постоянно (хотя это не обязательно, такую группу можно так обозвать, увидев в данном месте в данный момент непосредственно), что-либо вместе осуществляют. Скажем, играют, поют, веселятся, пьют либо просто, ничего такого не делая, вместе сидят. *Собрались тут агитбригадой своей, понимаешь ли. А чем занимаются не поймешь.* Или: *Где он? Спрашиваешь! Опять, небось, с этой агитбригадой своей где-нибудь шляется*. Или такой пример: *– Мы тут с ребятами вечер организуем, придешь? – Да нет, не по пути мне с этой вашей агитбригадой, не вписываюсь я в вашу компанию. Как-нибудь уж без меня.*

Приведенные наугад примеры, относясь к разговорной речи, предполагают переносным обозначением то, что можно бы было назвать *компанией*, т.е. более или менее сложившуюся для совместного времяпрепровождения группу молодых людей или подростков (последние два) либо просто где-то в данный момент собравшуюся, не обязательно постоянную (как в первом примере). Отличительным признаком в данном случае было бы то, что это, помимо небольшого в количественном отношении числа, предпочтительно, если не главным образом, молодежная либо подростковая группа вместе собравшихся для совместного времяпрепровождения

лиц, как организованного, так и нет, которую говорящий, и это было бы основным, воспринимает как некую целостность, значимую для обозначения.

Молодежный признак при этом также может быть не обязателен, но, возможно, подразумеваясь, способен обыгрываться. Скажем, в таком примере: – *Что, опять своей агитбригадой на картошку в колхоз отправляетесь?* (о сотрудниках по работе) Или, также о них: – *Соберутся в какой-нибудь комнате агитбригадой и, пока все косточки начальству не перемоют, не успокоятся.* Либо не о сотрудниках, а о знакомых: – *Что это у вас тут за агитбригада на кухне собралась? Чаи гоняем, а не поем. Нет бы пить да закусывать. Поставить, что ль, некому?*

Объединяющим признаком, исходя из того, что во всех этих случаях *агитбригада* представляет собой синоним *компании*, было бы, опуская возможный, но не обязательный, хотя способный обыгрываться, признак молодежности-подростковости, было бы представление (что было бы его следствием) о несерьезности, необремененности, свободы от целенаправленной занятости собравшихся, собирающихся где-либо вместе людей, проводящих время в беззаботно праздношатающемся расположении. Формулой подобного представления могло бы быть:

$$Quant^{/Non/Mag}(JuvenPopuli)>Congr(Loc)>Traduct(Secur/Vac),$$

со смещением составлявших *агитбригаду* прямого значения признаков. И тогда, исходя из сказанного, можно бы было сказать, что для сознания 'агитбригада' в составе своих участников связывается не столько с агитационной направленностью осуществляемой ими деятельности, сколько с тем, что это ‘молодые, главным образом, люди, занимающиеся не слишком серьезным, поскольку развлекательно-увеселительным, делом, дополнительно их в таком беззаботно-пустом провождении времени объединяющим’.

Говоря о группе с 'артелью', выделенный для 'агитбригады' первоначально признак *Orat(Intent)*, представляющий собой проявление акциональной финитности *Act(Fin)*, при таком переносе мог бы в известном, но при этом существенном смысле служить его обыгрываемым, переворачиваемым отрицанием. По принципу наоборот, как раз не то и напротив, в своей бесцельной своего рода неакциональности: */Un/Act(UnFin)*.

В свою очередь, 'агитколлектив', при подобного рода словоупотреблениях, мог бы предполагать больший, по сравнению с 'агитбригадой', акцент на сплоченность собравшихся либо какую-то группу, совместно себя

объявляющую. При неважности признака молодежности и подростковости, способного быть и не быть, а также характера производимой деятельности. При выраженности своего рода прокламируемой, подчеркиваемой, на основе сплоченности, организованной либо случившейся, хотя неясной и не указываемой, целенаправленности.

В подобного рода переносных словоупотреблениях 'агитколлектив' можно было бы описать как ‘группу людей, держащихся вместе (собравшись где-нибудь либо вообще), которых при этом может или должно что-то объединять, достаточным выражением которого была бы их организующая сплоченность’.

Синонимом в этом случае было бы не слово *компания*, как для *агитбригады*, а *коллектив* (равно как переносно *бригада* для *агитбригады*), смысловое отличие от которого усматривалось бы в целенаправленной ангажированности, в более "плотном" и тесном составе участников в этой связи, чем-то общим заряженным, что их сплачивает, даже только по внешнему виду. И при этом таким основанием не является общая профессиональная либо учебная занятость (как для *коллектива*). Это, скорее и в первую очередь, нечто одновременно и добровольное, и необязательное, возможно также случайное: *О, да тут у вас, я вижу, прям тесный агитколлектив собрался*. Или: *Что, опять пойдете на это мероприятие сложившимся агитколлективом? – Ты уж меня извини, но мне с вашим сложившимся агитколлективом не по пути. Не клеюсь я к вам.* В этих случаях важными видятся определители *тесный*, *сложившийся* и возможные им подобия.

Выразителями указанного значения могли бы быть признаки указанной перед этим ‘(целе)направленной сплоченности’, консолидатив-интентива, как правило, не определяемого и не существенного в своем определении, вида, что отражалось бы в формуле:

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Congr>Consolid(Intent).$$

Говоря о синонимах, можно бы было отметить вполне допустимую вероятность переносного взаимозаменяемого использования в разговорной речи перечисленных слов в таких оборотах, как *пойти куда-либо* (*организоваться*, *собраться*, *отправиться*, *сделать что-либо*) *всей артелью* (*бригадой*, *агитбригадой*, *всем коллективом*, *агитколлективом*). Предполагали бы все эти употребления общим значением, то, что описывается в словарях как ‘всем вместе, совместно, сообща, коллективно’. Ряд подобных синонимичных взаимозамен можно бы было продолжить.

Однако не в этом дело и не об этом в данном случае речь. Речь о том, что при каждом, а точнее за каждым, подобного рода словоупотреблением, так или иначе, стоит себя выражающее субъективное отношение говорящего к обозначаемому им объекту реальной действительности, которое следует из имеющегося в его сознании, не обязательно осознаваемого, но ощущаемого представления об 'артели', 'бригаде', 'агитбригаде', 'коллективе', 'агитколлективе' и пр. За этими представлениями, каждым в их ощущаемой отдельности, стоит вместе с тем и то общее, что объединяет их в большее представление – о 'группе людей в не слишком значительном их числе, совместно себя проявляющих, собираясь либо собравшись, в какой-либо деятельности'. Представление, которое, распадаясь далее на последующих уровнях уточнения, оборачивается то тем, то другим, сопровождаясь к тому же своими коннотативными признаками.

Из всего сказанного неизбежно приходим к выводам о не прямом, далеко не прямом, соотношении того, что имеется как представление (представления) в сознании, с тем, что способно себя выражать, передавая в значениях слов, как прямых, так и переносных употреблений. Некое общее представление, в свою очередь (условно общее, поскольку имеющееся и существующее само по себе), способно также соотноситься и распадаться, при уточнении признаков, на другие, также в сознании имеющиеся, но не в отдельностях, не сами по себе и в себе, а в ощущаемой связи с другими.

Из чего получалось бы, что за всем тем, о чем говорилось в отношении группы с 'артелью', стоит, с одной стороны, представление о существовании в реальной действительности ‘относительно немногочисленных объединений людей, занятых в какой-либо (профессиональной) деятельности, что, как правило, предполагает организованность их с кем-то одним во главе’. В то же самое время с другой, имеется в том же сознании представление, которое также, но при смещении в переносные употребления (для группы с 'артелью'), связывается с проявлениями в реальной действительности того, что ‘какие-то совокупности, множества, объединения людей способны действовать и нередко действуют либо не обязательно действуют, а пребывают где-то, как-то и для чего-то, совместно’.

Эти общие представления, существующие и имеющиеся в сознании как отдельности и сами в себе, далее уточняются и распадаются на представления, их составляющие, с ними связанные, в них входящие и к ним относящиеся, которые, в свою очередь, распадаясь и уточняясь, способны

иметь такие же их составляющие, в них входящие и к ним относящиеся представления. Все это в своем действии и в парадигматической, виртуальной по своему устройству, совокупности имеет и не имеет отношение к выражающим, передающим их в своих значениях и употреблениях словам.

Точнее было бы говорить в данном случае об асимметрии языкового знака, в его означаемом (представлении) и означающем (вербальном значении). При той существенной оговорке, что наличие и виртуально-парадигматическое существование представлений в сознании следует воспринимать и определять при этом отдельно, вне семантики передающих их далее и к тому же асимметрично слов. Вне связи с отношением означаемого и его означающего, поскольку, как представляется, это отдельный, от языка, а не от сознания, исходящий и соответственно впоследствии себя проявляющий аспект.

Тем самым, если в основе разбираемой группы с 'артелью' лежит перед этим указанное представление об ‘относительно немногочисленных объединениях людей, занятых в какой-либо (профессиональной) деятельности, что, как правило, предполагает организованность их с кем-то одним во главе’, а в подгруппе с 'агитбригадой-агитколлективом' дополнительно то, что это объединение занято в своей деятельности, будь то профессионально, будь то самодеятельно, ‘идейно ориентирующим воздействием на других’, что, в свою очередь, может предполагать ‘театрально-концертный характер’ такого воздействия (для 'агитбригады' с другими подобными ей), – отвлекаясь от слов с их значениями и обращаясь к тому, чем это может быть в реальной действительности (обозначаясь в своей объектности все же, что неизбежно, с помощью слов), задумаемся над тем, что еще способно входить, относясь к той же самой подгруппе.

Из тех, слов, что были причислены первоначально к группе с 'артелью' при сопоставлении их с 'многолюдством' и 'многолюдьем', ни одно. Прежде чем произвести представляющееся важным для понимания разбираемого механизма подразделение в этой группе, попробуем поискать, но не слова с их значениями, хотя в дальнейшем, при рассмотрении соотношения смыслов, от этого не уйти, а те реально существующие в действительности объекты, которые соответствовали бы позиции в подгруппе с 'агитбригадой-агитколлективом'. То есть подгруппе ‘идейно ориентирующего воздействия на других’, однако без его ‘театрально-концертного характера’, что было бы достаточно узко и ничего, помимо 'агитбригады' со всем, что, так или иначе, относится к ней в виде транспортных видов пере-

движения (типа агитавтобуса, агитпоезда, агитвагона, агитпарохода, агитсамолета и т.п.), не позволяло бы получить.

'Секта' и 'миссия' в подгруппе идейно ориентирующего воздействия на других

К указанной перед этим подгруппе идейно ориентирующего воздействия можно было бы отнести, по крайней мере, два близко связанных имеющихся в реальной действительности объекта. Других возможных касаться не будем, с тем чтобы дополнительно не усложнять, теоретическую по своему существу, задачу, состоящую в том, чтобы показать смысловой механизм в его проявлении, а не описать, собрав, все, что реально имеется. Двумя этими близко связанными объектами реальной действительности видится то, что обозначают привычно с помощью таких слов, как *секта* и *миссия*.

В разбираемом случае, поскольку речь не идет о них как о словах, не суть важны на этом этапе какие бы то ни было дополнительно существующие в языковом сознании носителей языка коннотативно-оценочные и другие какие-то сопровождения. Они понадобятся при рассмотрении того же самого далее, с обращением к имеющемуся в том же языковом сознании семантическому потенциалу существующих представлений по поводу того и другого, проявляемых в значениях и употреблениях соответствующих слов.

Итак, говоря об объектах, обозначаемых словами *секта* и *миссия*, и отвлекаясь от вероятных оценок и коннотаций при них, то представление, а точнее те два представления, которые за этим стоят, во-первых, можно ли, оба укладывая, воспринимать (ради существенной в данном случае точности повторим ранее выведенное в несколько измененном и приспособленном виде при сохранении тех же признаков) как ‘относительно немногочисленное объединение людей, занятых деятельностью, предполагающей идейно ориентирующее воздействие на других, что, как правило, предполагает организованность их с кем-то одним во главе’. С отражением этих объектов в сознании в виде имеющихся представлений о них, что крайне важно, поскольку чем есть реальный объект для сознания без такого о нем представления? А во-вторых, если оба эти объекта в своих представлениях в указанное определение укладываются, что вряд ли можно было бы отрицать, то ка́к в дальнейшем их, то и другое, отображать в том, что было бы для них общим и различающим?

Исходя из того, что объекты, обозначаемые в языке как *секта* и *миссия*, соответствуют отмеченному перед тем представлению, что позволяло бы отнести их (но не как объекты, а как представления) к подгруппе с 'агитбригадой-агитколлективом', необходимо далее произвести уточнение, которое будет их в этой подгруппе от ряда с все той же 'агитбригадой-агитколлективом' отделять.

Таким отделяющим признаком был бы, с одной стороны, характер идейно ориентирующего воздействия, укладывающийся в представления о… И вот тут неизбежно себя объявляет вопрос – о чем? Чем в существенном для себя отношении отличается этот самый идейно ориентирующий характер воздействия для того и другого? Для тех объединений и групп, которые по характеру своей деятельности воспринимаются как религиозные, от тех, которые ставят (ставили) своей задачей воспитательно-мобилизационную в духе ведущей идеологии обработку сознания?

Однако, прежде чем данное положение в русле стоящего определения разобрать, необходимо указать на тот отделяющий признак, который себя воплощает с другой стороны. Этим вторым отделяющим признаком видится, отчасти связанный и интегрируемый с первым, характер ‘организованности с кем-то одним во главе’.

Возвращаясь к первому признаку различения, исходя из имеющегося в сознании представления, не значений у слов, задумываясь над характером производимого сектой и миссией (как соответствующими объединениями людей) идейно ориентирующего воздействия в виде ими на себя принимаемой деятельности, опуская при этом все возможное при них остальное, – можно бы было сказать, что этот характер, при всей его многосложности, укладывается, так или иначе, в создание, выработку у тех, на кого они направляют свое воздействие, необходимых, требуемых а) мировоззренческих и б) поведенческих моделей, образцов, или паттернов, передаваемых, переносимых и вкладываемых как в когнитивную, так и в эмотивную (включая чувства, реакции, импульсы, побуждения, устремления, цели и пр.) сферу субъекта.

Итогом, по крайней мере желательным и задаваемым, такого воздействия было бы, должно, ожидается быть получение все той же модели, или ментального образа, человека в его целостной сущности, соответственно действующего, рассуждающего и себя проявляющего. Желательно также, чтобы и мыслящего, однако это последнее, не поддаваясь контролю и наблюдению, оставалось бы за пределом возможного достижения.

Все перед этим указанное укладывалось бы в признак концептуально-психологического получения создаваемого (скажем так) человека, через идейно ориентирующее воздействие на него, осуществляемое, в первую очередь, с помощью все же словесных средств. Согласно выведенной ранее формуле это могло бы выглядеть следующим образом:

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(PrimAequal)>[Act(Fin)/Orat(Intent)]>\mathbf{Mod(Human)}.$$

При всей возможной разносторонности производившейся агитколлективами деятельности, имевшей задачей идейно ориентирующее воздействие на сознание представителей различных групп населения, все же вряд ли им можно приписывать такого рода цель и задачу. Агитколлективы собой представляли далеко не самую важную и тем более не ведущую часть в соответствующей обработке с необходимостью получения, воспитания и создания "нового человека". Роль и, тем самым, характер их деятельности были намного скромнее, равно как и в это общее дело вклад, сводясь, скорее, к проясняющему и мобилизующему, в концептуальном и реактивном смысле, воздействию на сознание слушателей, обычно к такому воздействию уже более или менее подготовленных. Мало этого, обитающих и находящихся в контексте общей у них с агитколлективами реальной действительности, в задачу которых поэтому входило, через обращение к совместному социальному, историческому и политическому опыту, акцентировать, подчеркнуть, усилить, вывести на поверхность то, что следовало воспринимать как задачу момента, что было бы важным и определяющим для него.

Из чего будет следовать то, что задача воспитания, а тем более создания, отчасти уже перед этим созданного, ментального образа (советского) человека перед агитколлективами не стояла и стоять не могла. Такая их роль, если все же о ней говорить, сводилась бы к дополнительному в указанном отношении содействию. Агитколлективы, следовательно, были бы вспомогательным средством в общем и значительно более многостороннем воздействии, предполагая всю систему идейного воспитания и обработки как целое.

К сказанному следовало бы добавить, касаясь вопроса, связываемого с признаком моделирования желаемого образа человека, *Mod(Human),* также и то, что, в отличие от агитколлективов с агитбригадами, предметности, обозначаемые словами *секта* и *миссия*, предполагают не только воздействие на сознание других. Но и включение их, на последующем после первоначального и подготавливающего этапа, в свою группу, в каче-

стве неофитов, адептов, объектов последующей обработки, предполагающей часто последовательные формы и фазы приобщения и посвящения.

Включение это предполагает, в первую очередь, независимо (а может, зависимо?) от формы и фазы приобщающего посвящения, необходимость следования определенным житейским принципам с соблюдением накладываемых на участника правил и норм не одного только поведения, но и существования в целом, как экзистенционального образа для него. То есть *Mod(Human)* соотносится с *Mod(Exist)* для *Human*, уточняясь в представленной ранее формуле в виде *Mod[(Human)<(Exist)]*.

При таком понимании к той же подгруппе, при *Mod(Human)* и *(Exist)*, можно было бы относить и явления, обозначаемые словом *братство* (масоны, иллюминаты, розенкрейцеры и пр. тайные и полутайные общества, включая сюда также группы не религиозного, поскольку выходит, что это не важно, а концептуально действующего характера, в том числе и так называемые неформальные объединения не только террористического или политического направления, но и, что важно, организуемого и, по своему существу, не свободного).

Говоря о признаке *Mod(Human)* при *(Exist)* и соотнося его с той действительностью, в которой действовали агитколлективы с агитбригадами, следовало бы сказать, что его проявление было бы характерным (на что, впрочем, отчасти уже обращалось внимание) для всего системного идейно-экзистенционального целого. С тем отличием, которое предполагает, в силу значительно большей в количественном отношении, в первую очередь, сложности, меньшую ориентирующую, включающую, приобщающую и обрабатывающую направленность, бóльшие разнообразие, расхождения, несобранности и пестроту. Впрочем, все это не касалось бы разбираемого вопроса определения групп и подгрупп.

Что касается разграничения представлений, стоящих за 'сектой' и 'миссией' (проблему различного рода 'сообществ' и 'братств' в том же ряду отбросим, с тем чтобы дополнительно не усложнять, в первую очередь, то, что интересует нас, как уже говорилось, главным образом с теоретической стороны, чем с описывающей более или менее полно самые разные, пусть и сходные, проявления), – то, говоря о том и о другом опять же не как о словах с их значениями, а как о стоящих за тем и другим представлениях, следовало бы отметить характер не полностью совпадающей деятельности. В смысле направленности, а также закладываемого результата.

То, что принято *сектой* обозначать, при всех возможных отличиях подобного рода религиозных сообществ, не исключая при этом приписываемый характер проводимой ими политики в отношении своих членов, потенциальных членов, равно как и посторонних (речь в данном случае об имеющемся в общем сознании представлении о явлениях, не об их соответствии реальному положению вещей), – при всех таких оговорках, то, что за этим стоит, воспринимается в общем сознании:

1. Как закладываемое в основание их направленной деятельности стремление, соответствующим образом обработав, по мере возможности постараться втянуть в свою группу как можно большее количество подходящих для этой задачи людей.

2. После чего, продолжая их обрабатывать, отделить их, концептуально, психологически и нередко физически, от всех остальных и от общества. В том числе, а нередко и в первую очередь, от знакомых, близких, семьи. Если таковые у неофита имеются и не похоже, чтобы могли быть втянуты вместе с ним.

3. Исходя из того, что было в первых двух пунктах сказано, одновременно как следствие и как причина, данная религиозная группа, проповедующая свое понимание жизни, равно как и то, что за ней, стремится, в первую очередь, к изоляционизму, к закрытости, отделению и противопоставлению себя всему социальному окружению, т.е. всем не входящим другим.

Сказанное проявляет себя в дальнейшем, в характере моделирующего поведения и отношения, со всеми возможными следствиями и последствиями. Однако для интересующего нас определения этого будет достаточно.

В свою очередь, то, что обозначается *миссией* (опуская имеющиеся значения у этого слова и оставаясь в контексте религиозно направленной деятельности), представляется:

1. Как принимаемое миссионерами либо, что чаще, накладываемое на них со стороны духовного руководства, задание распространять свою веру, т.е. определенное мировоззрение и отношение к окружающему, среди тех, кто этого не исповедует и таким образом не понимает.

2. Задание это связывается с необходимостью показать как преимущества, так и образцы предлагаемой жизни и поведения, очищенных светом истины и нового восприятия, ведущих к изменению человека, преоб-

разованию его несовершенной и слабой природы и, в конечном итоге, к спасению.

3. То и другое из упомянутого в двух предыдущих пунктах (отчасти в качестве представляемого местному населению образца, отчасти в качестве принятых на себя обетов) предполагает не только и не единственно деятельность собственно религиозную и проповедническую, но и общественно-благотворительную. С предложением бескорыстной помощи, организацией и созданием различного рода центров и мест образовательно-просветительного, медицинского и др. характера.

Отличие между 'сектой' и 'миссией', при внешнем сходстве первого пункта, не касаясь пока остальных, заключалось бы (прибегая опять к обобщению) в том, что секта, согласно общему представлению, нередко действует скрыто, не прямо, но наступательно и активно, выбирая при этом объекты своей такой деятельности, для чего перед этим просвечивает и изучает их. Миссия так не действует. Характер ею производимой деятельности предполагает как можно более широкий, открытый и полный охват, не имея при этом такой активности и наступательности и ставя главным образом на убеждающе-постепенное и преобразующее воздействие, без использования, как правило, оперативно-исследовательских и внутренне шантажирующих и втягивающих приемов.

Что касается второго и третьего пунктов сказанное в отношении миссии вполне соответствует также тому, что может, хотя не обязательно и не всегда, производить в своей деятельности также и секта. Однако для общего представления о ней подобные проявления, при их допустимой предполагаемости и невозможности отрицать, не воспринимаются как типичные и характерные. Потому, возвращаясь к этим двум пунктам, следовало бы сказать, что стремление отделить неофита от его окружения, от близких, знакомых, семьи, совершенно не свойственно миссии, скорее напротив. Равно как и не стоит перед ней задачи изоляционной закрытости с противопоставлением всем остальным. Опять же, скорее напротив, ее деятельность характеризуют открытость, доступность, готовность прийти на помощь по возможности каждому, поддержать не единственно принявших новую веру, но и всех остальных. С мыслью или не с мыслью на них таким образом повлиять, не суть важно, важно то, что это основа миссионерской деятельности.

Вследствие сказанного, обращаясь к необходимости выведения различающих признаков, получалось бы, что 'секта', согласно общему пред-

ставлению о ней, будет иметь направленно избирательный, подготавливающий и обрабатывающий характер в отношении потенциальных членов, что можно определить в объединяющий показатель ‘втягивания’, *Obduct(Novic)*. 'Миссия', в свою очередь, обращалась бы вокруг идеи ‘распространения’ и ‘расширения’ в отношении своих представителей, *Extens(Soc)*. Изолирующая закрытость, *Izol(Opert)*, 'секты' для 'миссии' оборачивалась бы в благотворительную открытость, *Benefic(Apert)*.

Выведенные в результате представленных рассуждений признаки разграничения 'секты' и 'миссии' следовало бы отнести в общей формуле агитативно-пропагандистского (проповеднического) и моделирующего воздействия на человека к его средствам и способам. Укладывалось бы это в дифференциацию по показателю *Act(Fin)* при *Mod(Human)*, с соответствующим для них уточнением. И тогда, согласно той же представленной формуле, 'секта' имела бы вид:

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(PrimAequal)>$$
$$>[Act(Fin)/Orat(Intent)>Mod(Human)]<\mathbf{Obduct(Novic)/Izol(Opert)}.$$

В то время как 'миссия':

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(PrimAequal)>$$
$$>[Act(Fin)/Orat(Intent)>Mod(Human)]>\mathbf{Extens(Soc)/Benefic(Apert)}.$$

Упомянутое ранее отличие в активной направленности производимого 'сектой' воздействия в отличие от экстенсивности 'миссии' в формуле можно усматривать в виде позиции, отмечаемой знаком < (от) *Obduct*, при > (к) *Extens*.

Обращаясь к вопросу о семантическом потенциале разбираемых на основе 'секты' и 'миссии' представлений, проявляемых далее и выражаемых с помощью и при посредстве употреблений соответствующих слов, видится необходимым опереться на существующие значения, отраженные, в первую очередь, в словарях. Процедура такого анализа, исходя и отталкиваясь от вербальной семантики, вместе с тем не ее для нас будет предполагать, а опять же те представления, которые, себя отражая через слова (поскольку другой осязаемой возможности со всей очевидностью нет), существуют в сознании как таковые. А поэтому и, как следствие, могут восприниматься и действовать именно как семантический потенциал, в сознании имеющийся и присутствующий, но не обязательно и не всегда находящий свое выражение в вербальной и, в первую очередь, узуальной семантике, т.е. той, которая, будучи словарями закреплена, существует в языковом сознании своих носителей, по крайней мере, может восприниматься и суще-

ствовать, вне контекстов употреблений. Иными словами, не исключительно в речи, а в языке, как его виртуальное знание.

Словарные определения *секты*

Обратимся, как это делалось раньше, к данным четырех различных по времени словарей – МАС, ТСУ, Даль, БТС. В таком порядке, для того чтобы представление второй половины XX века, более длительной по воздействию на сознание русскоязычных, равно как и все еще продолжающейся, поскольку решительной смены имевшегося ментально-языкового состояния пока что не произошло, за исключением, скорее внешних, процессов десоветизации, – для того чтобы данное представление, сопоставив, сравнить с предшествующим ему (первой трети XX века по ТСУ), отдаленным по времени (середины столетия XIX-го по Далю) и последнего времени, современным (конец XX века по БТС).

МАС содержит такие определения для *секты* (дадим их пока что без комментариев и расширений): «**1.** Религиозная община, отколовшаяся от господствующей церкви. *В Урене что ни двор, то новая вера: тут есть всякие секты раскола*. М. Пришвин, Светлое озеро. **2.** *перен.* Группа лиц, замкнувшаяся в своих узких интересах, оторванная от народных масс. [От лат. secta – учение, направление, школа[29]]».

ТСУ предлагает иное происхождение: «**СЕ'КТА**, ы, *ж.* [латин. secta, букв. отрезанная, отделенная[30]]. **1.** Религиозное сообщество, состоящее из людей, отколовшихся от господствующей церкви и принявших новое вероучение. *С. баптистов.* **2.** *перен*. Отгородившаяся от общения с другими, замкнувшаяся в себе группа лиц (неодобрит.)».

---

[29] А также и в первом значении 1) путь, правило, образ действия, мыслей или жизни; а в третьем значении 3) шайка (*разбойников*), от **sĕquor, sĕcūtus (sĕquūtus) sum, sĕqui** 1) идти вслед (за), следовать; 6) отыскивать, устремляться, держать путь; добиваться, домогаться, стремиться, искать; 8) следовать; подражать; 9) поддаваться, уступать; 10) доставаться (кому-л., в руки кого-л.). Все это может понадобиться, для лучшего понимания, также в дальнейшем.

[30] Тем самым, слово выводится от другого глагола, соответственно и воспринимаясь иначе в своей мотивации: **sĕco, sĕcui, sectum, āre** 1) срезать, стричь; распиливать; раскалывать; обрубать; 2) оперировать, ампутировать, отрезывать; 3) расцарапывать, сечь; избивать до крови, калечить; мучить, терзать; 4) разрезывать, разделять; 5) рассекать; 6) разделять, расчленять. Такое же происхождение предлагает и М. Фасмер: лат. secta (pars) «отколовшаяся часть религиозной общины»: secāre «резать». Преображенский и СИС выводят от sequor (П.Я. Черных это слово не объясняет). Первый к тому же указывает, что выведение от secāre неверно. Для нашей задачи важно не то, какое из происхождений следует принимать за действительное, а то, как оно, то либо другое, при восприятии, способно влиять на имеющееся в сознании представление о называемом объекте.

У Даля *секта* толкуется как заимствование из французского и соотносится с представлением о происхождении secta, как в ТСУ: «фрн. братство, принявшее свое, отдѣльное ученье о вѣрѣ; согласіе, толкъ, расколъ или ересь. ***Секта́торъ***, послѣдователь секты. ***Секторъ*** *круга*, въ геомтр. вырѣзка, треугольная часть его, межъ двухъ лучей (радіусовъ его). *Секторъ шара*, вырѣзка шара, въ видѣ сахарной головы, съ круглымъ основаньемъ, вершиною в остіи шара».

И, наконец, в БТС: «[от лат. secta – учение, направление, школа]. **1.** Религиозная община, отколовшаяся от господствующей церкви. *С. духоборов, адвентистов*. **2.** Обособленная группа лиц, замкнувшаяся в своих мелких, узких интересах. *Политические секты. Массовая общественная организация выродилась в секту*».

Сопоставляя представленные по четырем словарям определения, приходим к выводу, что сколько-нибудь существенных изменений в их отражении не произошло. Стоит отметить разве что не отмеченное у Даля второе значение, переносное в МАС и ТСУ. БТС его как переносное не объясняет. Это второе значение, коль скоро о нем зашла речь, отражает, в первую очередь, замкнутый, сконцентрированный на себе, отделяющий и обособляющий характер. По отношению к целому, следовало бы добавить, равно как и в отношении ее составляющих членов. Тем самым, отмеченный ранее признак изоляционной закрытости, *Izol(Opert)*, воспринимается как ведущий.

Все три указанных словаря, за исключением Даля, отмечают последовательно то, что это религиозная группа, община (по МАС и БТС), сообщество (в ТСУ), отколовшаяся от господствующей церкви. Мотивирующим основанием данного представления будет то, что в ТСУ и у Фасмера предполагает происхождением образование от лат. secta (pars), от глагола secare ‘раскалывать’. 'Секта', следовательно, для сознания это не только и, может быть, даже не столько ‘учение, направление, школа’, что соответствовало бы этимологии, принимаемой как достоверная, сколько нечто от главного, основного, общего, поскольку господствующего, ‘отколовшееся’. То, что предполагает в себе отделение и раскол, из которых непосредственно далее следует признак изоляционной и, соответственно, изолирующей замкнутости.

Небезразличным видится также и то, что, в стремлении к большей точности в МАС и впоследствии в БТС, было передано с помощью слова *община*, а не *сообщество*, как в ТСУ. Если сообщество предполагает более

или менее добровольно-содружественный характер тех, кто входит в него (не случайно содержится в ТСУ расширение «состоящее из людей»), на основе более или менее равных условий и договоренностей, а тем самым, и более свободный и не закрытый, то община – это, в первую очередь, целостность, руководствующаяся общими правилами жизни и поведения, накладывающая на своих членов определенные обязательства. Акцент при этом падает на принадлежность с отнесением к данной группе, с вхождением в нее и позицией в ней, которая вовсе не обязательно предполагает открытость и равенство всех перед всеми. И это тогда соответствовало бы, подразумеваясь, признаку организованности, определившему себя в показателях *Org(PrimAequal).*

В известном смысле значимым и показательным будет также и то, что в ТСУ, указываясь как следствие отделения от господствующей церкви, определяется в виде «принявших новое вероучение». Речь при этом опять же о людях. Из чего получалось бы, что люди, составив содружество, откололись от господствующей церкви и приняли новое вероучение. Откололись с тем, чтобы его принять, а тем самым, сознательно и добровольно.

Такой ли видится, воспринимается и ощущается 'секта', тот реальный объект, который называется соответствующим словом? Таким ли можно считать более или менее современное (2-й половины XX века и далее) представление о ней? Скорее всего, нет. И, пусть и не углубляющееся в дальнейшие признаки, свойства и обстоятельства, положение в МАС и БТС о том, что это община, а не содружество будет более данному представлению соответствующим, не предполагая к тому же состава людей, способных к самостоятельным действиям (поскольку 'люди') и наделенных сознанием и собственной волей.

Интересным и показательным видится также и то, как трактуется по разбираемым трем словарям второе значение. Для МАС это группа, определяемая по интересам, характеризующимся как свои и узкие, на которых она замкнулась, и эта замкнутость, что крайне важно, отрывая их от народных масс, свидетельствует о ее для народных масс, в лучшем случае, бесполезности. Тем самым, это явление, делая из этого, в духе времени, выводы идеологические и политические, если не антинародное, противопоставляющее себя народу по своим интересам, то, во всяком случае, асоциальное, бесперспективное и тупиковое. Своего рода общественный, мягко говоря, пустоцвет.

БТС, снимая скрыто-явный идейный и политический акцент, обращает внимание на обособленность данной группы, добавляя к узости интересов их мелкость, а тем самым, опять же в общественном смысле не значимость и ограниченность. Ничего полезного, обещающего, развивающего и положительного подобная группа не предлагает и в себе не несет.

При внешнем снятии политических и социальных акцентов, поскольку можно подумать, опираясь на дефиницию, что подобная обособленная группа, замкнувшаяся в себе, может быть чем угодно, приводимые иллюстрации (*Политические секты. Массовая общественная организация выродилась в секту*) сомнений не оставляют. Представление о секте касается, если теперь не отрыва от народных масс, а тем самым, и потенциальной для них вредоносности, то все тех же явлений и проявлений в социально-политической сфере.

Из чего прямо следует вывод о том, что характер современных общественных представлений, отображаемых в языковом сознании, предлагаемых (что все же требует оговорки) словарем, остается в основе своей по сравнению с предыдущим языковым состоянием (второй половины XX века) без существенных изменений. О чем, впрочем, уже говорилось.

В то время как изменения по сравнению с этапом развития языкового сознания, отраженном в материалах ТСУ (первой трети XX века), достаточно очевидны. Оставаясь в пределах рассматриваемого определения для *секты* и не переходя к обобщениям на основе всего остального (что следовало бы, опираясь на содержащиеся в МАС и ТСУ дефиниции признать), можно видеть, что то, что было показано как явление общественно-политическое, соответстующим образом воспринимаясь и с этим оцениваясь, в ТСУ дается по другому в своем существе основанию. «Отгородившаяся от общения с другими, замкнувшаяся в себе группа лиц» вовсе не предполагает идейной направленности, а тем самым, политики и общественной малозначимости, равно как и узости либо мелкости объединяющих интересов. Поскольку речь идет об «общении с другими», внимание обращается на коммуникативно-изолятивный аспект, подчеркиваемый словом *отгородившаяся*.

В то же самое время, при определении слов *сектант* и *сектанство*, указание на узость, но не интересов, а взглядов, имеется. Что для сопоставляемых периодов языкового сознания можно считать показательным. *Сектант*, в соответствии с ТСУ, «**2.** *перен*. Человек узких догматических взглядов».

В МАС узость служит определению интересов, характеризуемых к тому же как групповые, догматичность как признак сохраняется для взглядов с расширением, важным для второй половины XX века, в убеждения: «**2.** *перен*. Человек, поглощенный [здесь важно, что *поглощенный*, ср.: ранее выведенный признак ‘втягивания’, *Obduct, – П.Ч.*] узкими групповыми интересами и отличающийся догматичностью взглядов и убеждений».

Сектанство в ТСУ предстает как «**2.** *перен*. Догматизм, узость, доктринерство, общественная замкнутость, свойственная секте». В МАС, соответственно, как «**2.** Узость и догматичность взглядов у лиц, замкнувшихся в своих групповых интересах». Представление, выводимое из ТСУ, не затрагивая интересы (а следовательно, занятия и характер общественных проявлений), определяет не только взгляды (догматизм, узость), но и речевое поведение, способ говорения и высказывания с направленным отношением на других (доктринерство), подводя, в конечном итоге, к общественной замкнутости. То, что в определении МАС отражения не находит, поскольку внимание обращается только на взгляды и интересы.

БТС сохраняет определение в МАС, усиливая признак узости, дважды его повторяя: «Узость и догматичность взглядов у лиц, замкнувшихся в своих узких групповых интересах», а в приводимом примере обращает сектанство в указанную перед этим значимую в общественном и политическом отношении сферу: «*Бороться с сектантством в политике и экономике*».

Применительно к разбираемой задаче возникает вполне объяснимый вопрос. Действительно ли изменилось отображаемое в словарях, фактически для двух периодов XX века, первой трети его и второй половины, представление языкового и не только языкового сознания носителей русского языка в отношении секты настолько, что в первом случае следует говорить о ней как о замкнутой отгородившейся группе, прежде всего, в коммуникативном взаимодействии с остальными. В то время как во втором эта группа воспринимается в своей замкнутости в аспекте общественно-политическом.

Отвечая на этот вопрос, точнее имея в виду ответ на него, необходимо учитывать, по крайней мере, два существенных обстоятельства. Во-первых, то, что отображаемое в словарях не всегда и не обязательно должно соответствовать действительному в разбираемом отношении положению вещей. Общее представление, имеющееся в головах носителей данного языка, может не полностью совпадать с тем, что содержится в словарях.

Во-вторых, определение значений у слова и существующее в сознании все тех же носителей представление, но не о значении данного слова, а о предмете, явлении или понятии, которое слово способно отображать, далеко не одно и то же. Значения слов лишь какой-то одной стороной либо какими-то сторонами отображают, и при этом не полностью, представления.

И, наконец, еще одно важное замечание, которое составляло бы «в-третьих», если бы не его субъективный или, в условиях XX века в советской России, направленно задаваемый характер, часто идеологически, а если не идеологически, то воспитательно, но в любом случае воздействующим на сознание образом, что можно было заметить на примере толкования *секты* в МАС (в ТСУ в меньшей степени, по инерции не охватывая идеологией все возможные сферы имеющихся в сознании представлений).

Речь идет о перестановке акцентов, предполагающей усиление одних сторон объясняемого словом значения, а тем самым стоящего за ним представления, и нейтрализацию, опускание либо отодвигание на последующий план чего-то другого. На примере МАС это прямо связывалось с характерными для актуального времени идейными установками, предполагавшими необходимость подчеркивания и вынесения на поверхность того, что связывается с политическими, мировоззренческими и концептуально-оценочными характеристиками в аспекте воспитательно-формирующего воздействия, следующего из задач этапа так называемого развитого социализма.

Однако не будем входить в эту сферу лексикографической практики, требующую обстоятельного и многостороннего изучения. В данном месте, в связи с затронутым обстоятельством, следует обратить внимание на две стороны. Во-первых, на то, что данные словарей соответствующего периода российской истории могут быть тенденциозно не объективными. Во-вторых, на то, что, по инерции ли, не задумываясь, или в силу действительно существующих и сложившихся представлений, отображающих, продолжающих отображать предыдущий этап, словари последнего времени сохраняют в принципиальной основе своей то, что было в концептуальном, а также отчасти оценочном, отношении для него характерно. Сознание, безусловно, так скоро не перестраивается, так же как и преемственность в лексикографических описаниях неизбежно присутствует, не говоря о том, что имеющаяся на данный момент речевая практика и характер употребления слов далеко не всегда может быть надежным источником произошедших в языковом и не только языковом сознании изменений. Харак-

тер этот может быть сиюминутным, временным, не закрепленным и не имеющим к закреплению основания и внутренний потенциал.

В связи с чем остаются важными, применительно к разбираемому предмету, два дальнейших вопроса. Во-первых, что́ еще может служить более или менее объективным источником выведения существующих в общем сознании представлений, помимо данных имеющихся объяснительных словарей? Можно бы было сказать, что тексты, речевые высказывания, характерные для данного времени, публицистические, средств массовой информации, в меньшей степени тексты художественные, поскольку они отражают нередко индивидуально-авторскую интерпретацию, понимание пишущего, следуя из задач изобразительно-эстетической, а не фиксирующей и воспроизводящей природы.

Однако все это, говоря о советском времени (впрочем, не только о нем), поскольку имело открытый и публикуемый вид, неизбежно, как общеизвестно, проходило, должно было проходить соответствующую фильтрующую обработку. Та, в свою очередь, чего не следует отрицать, откладываясь, постепенно и не постепенно, влияла на складывающееся и сложившееся, в конечном итоге, сознание, отложив на нем свой отпечаток. Более или менее объективным, но не ухватываемым, не доказуемым и неуловимым, источником могла бы быть и должны бы быть существующая на тот или иной момент речевая практика, а точнее, речевой общественный опыт носителей данного языка, говорящих на нем.

При его неухватываемости, недоказуемости и неочевидности (речевого опыта), поскольку это тексты не письменные, а потому не фиксируемые и исчезающие, а записывание образцов разговорной речи, проводившееся начиная с 70-х годов XX века[31], неизбежно имело и имеет выборочный, часто локальный и фрагментарный, характер, – при всем том, речевой общественный опыт носителей данного языка трудно, если принципиально возможно, свести к чему-то единому. Существуют коммуникативные среды, различающиеся не только характером, способом говорения, а следовательно, использования языка, в том числе и общелитературного, но и, что

[31] См.: *Русская разговорная речь: Тексты*. Отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. Москва 1978; корпусы разговорной речи (МГУ, Саратовского университета, Института русского языка АН СССР); записи устной речи (Фонотеки русской разговорной речи Института русского языка РАН; архива Хельсинского университета, материалов Санкт-Петербургского университета, Ульяновского университета); собрания фонодокументов имени В.Д. Дувакина 1976 г. (Научной библиотеки МГУ); *Русская разговорная речь европейского северо-востока России*. Под ред. Н.С. Сергиевой и А.С. Герда. Сыктывкар 1998.

для нас важно, имеющимися в их сознании представлениями, о явлениях реальной действительности, общих понятиях и всем остальном. Все это требует обстоятельного, разностороннего и объективно-последовательного исследования и изучения, что не входило и не могло входить в поставленную задачу.

В поставленную задачу входило, поскольку могло входить, то, что было бы «во-вторых», касаясь следующего вопроса. Применительно к разбираемой 'секте', но не как таковой, а как к комплексу представлений, стоящих за ней, которые она, как слово, способна в контекстах отображать, – можно ли было бы утверждать, что и то, что, так или иначе, выражено, посредством толкования лексических значений в МАС в совокупности с БТС, и то, что таким же образом передано в ТСУ, но и там, и здесь уже не как значения слова, соответствует, в равной или не в равной степени, с учетом перестановки акцентов, представлениям (не языкового) сознания носителей языка?

Иными словами, можно ли говорить о том, что в сознании все тех же носителей языка (отвлекаясь от *секты* как слова, но не только как слова, а и от знания о ней), – можно ли говорить, что в общем сознании имеются представления о существовании в реальной действительности таких не слишком в количественном отношении значительных групп людей, которые объединяются а) по интересам и взглядам, включая сюда убеждения; б) по позиционному отношению к остальным, в данную группу их не входящим, и отношение это имеет противопоставленный, отрицающий и избегающий вид; в) по стремлению на основе указанного в двух предыдущих пунктах, уходя от общения с другими либо ограничивая его до не значимых в концептуальном, эмоциональном и акционально-взаимодействующем отношении сфер, по такому стремлению группы эти имеют внутренне замкнутый, изолированный и изолирующий характер, из которого следует г) замкнутая ограниченность представителей данной группы как целого, способная себя проявлять как в повседневном общении, так и в общественно-политической области, а тем самым, имеющая весомо и значимо негативный характер, поскольку раскладывающий и раскалывающий действующую в данном обществе политическую систему и его организм?

Ничто не мешает наличия подобного представления допускать. И тогда то, что выражено в толковании второго значения слова *секта*, следующего из первого и связанного с ним, отличаясь параметром ‘религиозный

/ не религиозный характер’, как в ТСУ, так и в МАС с БТС, равным образом данное представление вполне допускало бы. При том (как это видится необходимым добавить), что с учетом предлагаемых словарями акцентов, представление это в первом из трех упомянутых словарей (ТСУ) и двух остальных (МАС с БТС), отражается неодинаково, и при этом только какой-то частью, одной либо другой.

Для разбираемой задачи важным было бы уяснение также таких двух вопросов. Можно ли и следовало ли бы воспринимать упомянутое в пунктах (а), (б), (в), (г) как целостное для сознания представление или как комплекс разных, в разных сферах и областях себя воплощающих, представлений, пусть и внутренне связанных между собой? И это было бы первым. Вторым было бы положение о том, способно ли слово *секта*, равно как и собственное представление о ней как реальном объекте, воплощая в себе, содержать, а затем и передавать в речевых высказываниях либо то, либо другое. Либо целостное для сознания представление в пунктах (а), (б), (в), (г), либо разные представления данного комплекса. Либо, что видится важным добавить, и то и другое.

Памятуя о том, что явления и объекты реальной действительности и представления о них для сознания не одно и то же, равно как и то, что отражают значения, а тем более словарно толкуемых, слов, – обращаясь к поставленной нами задаче, необходимо сказать, что в сознании, видимо, существует (ничто не мешает это предположить) как представление целостное, потенциально скрывающее, предполагающее и содержащее указанное в пунктах (а), (б), (в), (г), так и отдельные данного общего комплекса представления, способные как для сознания, так и для высказывания в речи себя объявить.

При этом не обязательно и не исключительно с помощью непременного слова *секта*, равно как и собственного представления о ней как объекте, неважно, насколько такое о ней представление с действительностью будет и будет ли вообще совпадать. Такими словами, передающими данное представление, как в его целостности, так и в отдельностях, могут быть и другие (все те же *община*, *объединение*, *коммуна*, *фракция*, *группировка*, *группка*, (*неформальная*) *группа приверженцев*, *последователей*, *адептов*, *исповедующих*, *придерживающихся*, *проповедующих* и т.п.). В понятных контекстах, с сопровождениями и уточнениями. Слово *секта* с его значениями, коль скоро речь неизбежно о том, так же как и стоящее за ней как объектом действительности представление в общем сознании, традицион-

но, сложившимся и существующим образом, наиболее регулярно и полно, без необходимости дополнительных объяснений, соответствует данному представлению и обычно его (если речь не о секте как таковой) передает.

Из чего будет следовать вывод о том (для все той же нашей задачи), что имеется целостное представление, не акцентированное и не прорисованное, не проявляемое к тому и другому как одному, потенциальное в этой способности, но и способное для сознания себя как такое неразложимое целое проявлять. И имеются представления, его как такое целое составляющие, акцентирующие и проявляющие отдельные стороны, равно как и связываемые также с чем-то другим, выходя в другие имеющиеся в сознании представления и когнитивные области. Для все той же стоящей задачи важным будет из всего этого то, что может вывести в положение о парадигматике. Есть в сознании, не языковом и с этим далее языковом, то, что применительно к разбираемой 'секте' можно отобразить как ядро. Того общего, что может себя проявить, как в своей целостности, так и в ее составляющих. Отношения между этим ядром и тем, что далее, распадаясь и уточняясь по признакам, входит в него и его составляет, его, как заряженный, действующий по отношению к ним, семантический потенциал, – отношения эти можно отображать и описывать как отношения парадигматичные. А отражая их так и описывая, таким же образом и воспринимать.

Для 'секты', точнее того представления, с которым она, будучи в имеющемся о ней представлении близко связана, способна отображать, таким ядром, на основании сказанного было бы соединение признаков ‘относительно небольшого в количественном отношении объединения людей’, ‘изолирующихся по образу мыслей и действий и, соответственно, изолирующих своих членов, от всех остальных’ ‘на основе втягивающего воздействия, обрабатывающего не только сознание, но и все возможные составляющие человеческого существа’, ‘имеющая в организационном своем отношении предводителя (как правило, одного при составе помощников)’. Указанное общее представление укладывалось бы в ранее отображенную, но в своем "ядерном" сокращении, формулу:

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(Prim)>Mod(Human)<\mathbf{Obduct/Izol(Opert)}$$

и соответствовало бы тому, что принято думать, скажем, о мафии. С тем отличием, что, помимо характера не совпадающего проявления в действиях (что, впрочем, в реальной действительности часто не так очевидно, но не о реалиях в данном случае речь), мафия, по сравнению с сектой, делает меньший упор на мировоззренческий и преобразующий человеческую

природу и психику компонент, воздействуя главным образом на кровнородственные, финансово-экономические и психологические зависимости. Втягивающий, запугивающий и изолирующий характер той и другой используется в равной степени, организуясь, устраиваясь вместе с тем на не полностью совпадающих и по-разному аранжируемых основах.

Показанное в формуле общее типологическое ядро далее, парадигматически, как уже говорилось, претворялось бы, находя свое выражение в представлениях о секте в политике, в экономике, в общественных отношениях, в искусстве, литературе, в повседневности и т.п. Что несколько по-другому, при открытой возможности, отображалось бы с помощью представлений о мафии, где упор бы делался, прежде всего, не столько на отгороженность и изолированность данного объединения или группы, сколько на ее агрессивно-направленный, деструктивный и крайне опасный характер, как для всех остальных, так и для общества в целом, его какого-то института либо какой-либо организации.

У Даля, как уже отмечалось, *секта* определяется только в одном значении, без переносов и расширений, и без принятых у него к тому же примеров употребления. Что указывало бы, помимо на характерную для него установку предпочитать заимствованиям исконную лексику, стараясь, где это возможно, одну другой заменять, также не только на более принятое в его время для называния определяемого данным словом явления использование таких единиц, как *согласие*, *толк*, *раскол*, приводимых им как синонимы, но и на меньшую, в силу отсутствия переносных значений, освоенность *секты* по сравнению с XX столетием, с его политическими, в первую очередь, коннотациями и расширениями.

Небезынтересно и показательно в разбираемом отношении видится вместе с тем и не подчеркиваемое, как в определениях словарей XX века, хотя проступающее через такие слова, как *отдѣльное* (ученье о вѣрѣ), *расколъ*, положение о том, что секта представляет собой ‘отколовшееся от господствующей церкви’ объединение. Так же как и, что понятно, в силу отсутствия значения переносного, то, что данная группа лиц обособлена, замкнута, изолирована, отгородившись от всех остальных.

Что касается представления об отколовшемся положении в отношении господствующей церкви, то оно может вызвать некоторое сомнение, представляясь как признак, не полностью покрывающий то, что реально себя проявляет в действительности. По крайней мере, три основания не

слишком укладываются в подобное определение, а следовательно, и в представление о секте, уводя его в сторону.

Можно ли считать отколовшимися от господствующей церкви (признанной таковой для данного государства, поскольку коль скоро речь о церкви господствующей, то следует это иметь в виду) такие вероучения, которые привнесены на данную религиозную почву со стороны? Баптисты, адвентисты, иеговисты для православия, пришедшие с Запада и отколовшиеся (хотя отколовшиеся ли?), соответственно, не от российской господствующей церкви. Или их *сектами* не называть? Не говоря уже об учениях экзотических и с христианством не связанных. И это было бы первым.

Вторым было бы то не так чтобы редкое положение, которое допускает, если не прямо сомнительность данного вероучения как отколовшегося от какой-то религиозной ветви как основной, но, возможно, и появившегося, возникшего независимо от него, самостоятельно, не исключено также, что и до него. Может быть, отколовшись от некогда в прошлом бывшего главенствующего вероучения, а может, и вне его. Продолжая существовать в настоящее время, целесообразно ли такие религиозные толки определять, опять же, как отколовшиеся от господствующей церкви? И церкви ли? В любом ли подобном случае?

Как быть также с разными направлениями в исламе, индуизме, буддизме и др., которые, в общем-то, *сектами* как-то не принято называть, в то время как под представление об отколовшихся от господствующей (но опять же уже и не *церкви*) некоторые из них очень даже подходят?

Поскольку вопрос этот сложный сам по себе, к тому же требующий углубленного представления по предмету, который следует относить к истории и религиоведению, не лингвистике, ни решать его, ни приводить примеры, возможные и приходящие в голову, но способные вызвать разумные колебания, мы не будем, тем более, что это никак не входит в поставленную задачу. Речь в разбираемом случае о не вполне корректном определении основного значения слова по словарям, не вполне поэтому покрывающем характеризуемое им явление, не вполне ему соответствующем и вызывающем, в результате, не то, чтобы ложное, но уводящее в сторону представление. Хотя и имеющееся отчасти в языковом сознании говорящих.

В связи с чем возникает вопрос о том, целесообразно ли отражать в словаре представления, связываемые с недостаточными, приблизительными и поверхностными знаниями у носителей языка по предмету, далекому

от более или менее близкого у них с ним знакомства? Или все же стремиться, оставаясь в пределах языкового сознания говорящих и не выходя за него, к определению более соответствующему и точному. У Даля, к слову сказать, подобного положения как ведущего при определении *секты* нет.

И, наконец, последнее. Как быть и как тогда называть религиозные направления и учения, не основные, а может, и основные, во всяком случае представляемые, если не подавляющим, то значительным по количеству своих последователей числом, в странах, в которых трудно было бы говорить, если вообще возможно, о наличии в них какой-то одной господствующей церкви? В таких, как США, для примера, Канада или Австралия? При том, что, скажем, баптисты по ТСУ (что, впрочем, вполне соответствуют общему представлению) даются в качестве иллюстрации к *секте*, в Соединенных Штатах это одна из религиозных групп, едва ли не самая многочисленная.

Можно ли их применительно к этой либо какой-то другой, не своей, стране называть? Если нет, что вполне допустимо и вероятно (ср. не совсем удобное что-нибудь вроде **Баптисты – самая распространенная секта в США*), то тогда получалось бы, также с учетом всего перед этим указанного, что слово *секта*, а следовательно, и стоящее за ним представление имеет, в первую очередь, отношение к господствующей церкви в России, т.е. православию, соответствуя отколовшимся вероучениям от него. Что также было бы и достаточно узким, и не до конца продуманным, и не вполне корректным. Из чего опять возникает сомнение и логичная мысль о том, что ‘отколовшаяся от господствующей церкви’ в каждом из этих трех слов под определение *секты* все-таки не подходит, вызывая неверные представления.

Даль, при том, что отколовшееся положение внутренне предполагает в происхождении, отображая это вполне очевидным образом в словах того же гнезда (***Секторъ** круга*, въ геомтр. вырѣзка, треугольная часть его … *Секторъ шара*, вырѣзка шара), в самом толковании дает положение об учении, характеризуя секту словами *братство, принявшее, свое, отдельное* (ученье о вѣрѣ), а также через синонимический ряд *согласие, толк, раскол, ересь*. При этом порядок такой подачи видится не случайным.

Итак, если секта у Даля – братство, то первое, что при таком объяснении выделяется, будет признаком равного и добровольного отношения между его, по взаимному соглашению, составляющими и образовавшими

некогда в прошлом людьми. Негативно отталкиваемой коннотации, предполагающей изоляцию, втягивание и обработку, содержащиеся в современном и более позднем сознании, стоящее за таким отражением представление не содержит.

Тем самым, ведущим при такого рода определении, стоящем на первом месте, становится признак равенствующей, с предположением к этому также примарной, организации, поскольку должен быть в допущении предводитель, старший, пастырь, за которым все остальные идут и ему, подчиняясь, обычно послушны. И это был бы, согласно показанной ранее формуле, показатель *Org(Prim<Aequal)*, разве что с перестановкой акцентов: *Aequal*, предполагающий и допускающий *Prim* в отношении *Org*.

Следуя далее по словам, для *принявшее* необходимо отметить самостоятельно-волевой и добровольный характер объединившихся в братство людей в отношении того, что они полагают, осуществляя при этом, *своим*, для себя и для всех своих членов. И это был бы признак причастности, принадлежности и включенного освоения, не втягивания, или *Obduct*, как это нашло свое выражение ранее, а, скорее, *Propr*, становящийся в его место в сочетании с предполагаемым им *Insert* в виде *Insert(Propr)*.

Свое сочетается далее со словом *отдельное*, у Даля через запятую. То есть, с одной стороны, относясь к представлению о ‘своем’, а с другой, о таком в то же время ‘своем’, которое отделяет, не обязательно противопоставляя при этом чему-то имеющемуся другому в том же ряду, и это другое, также не обязательно, должно пониматься и восприниматься как общее, первое, основное, главенствующее и, тем более, как единственное. Иными словами, мысль об отколе от господствующей церкви при таком положении не стоит. Из чего получалось бы, опираясь на определение у Даля, что это такое включающее, объединяющее на равенствующих правах и основаниях ‘свое’, которое отделяет их от всего остального. В формуле это бы выглядело как *Insert(Propr)>Separ*.

Далее следует представление об *учении* (о вере), что относилось бы, в первую очередь, к положению об отделении, т.е. *Separ*, ибо оно, как учение, отделяет собравшихся в данное братство, от учений каких-то других.

Задумываясь над тем, что означает учение о вере для поиска более подходящих под данное представление признаков, обращаясь в латинизированных для формулы показателях, следует выбрать, для веры, в качестве мотивирующих оснований, по крайней мере, из трех, как наиболее близко связанных с разбираемым применительно к секте предметом: *credo, -itum,*

fides, -ei, religio, -onis. От этого выбора далее будет зависеть и показатель к учению, также возможный как не единственный.

Рассуждение о семантике латинских параметризаторов позволит, с опорой на выявляемую с их помощью мотивацию, подобрав наиболее подходящий (который, впрочем, может быть и не один), попытаться увидеть, что именно за представлением об 'учении о вере' может стоять, точнее, что, понимая его соответствующим образом, тем либо другим, ему можно для представлений в сознании приписывать. Собственно говоря, добавляя данное положение в пояснение, предлагаемые формулы в составе обозначаемых латинскими индексами параметрами как показателями, для того, выводясь, и используются, чтобы более или менее очевидным и кажущимся более точным образом показать возможное направление, модерацию, мысли, формирующей то или иное рассматриваемое в данный момент представление. Понятно, что не единственное, но возможное и на основе характеризуемых значений и существующих знаний себя проявляющее.

Итак, обращаясь к латинским словам в их корнях и значениях, для первого из трех названных, *credo, creditum*, находим такие определения по словарю[32]: 1) вверять, поручать (vitam et fortunas alicui ‘жизнь и имущество кому-л.’): c. alicui summam belli возложить на кого-л. главное командование; c. omnia consilia alicui поверять кому-л. все намерения (планы); 2) давать взаймы …; 3) доверять, полагаться … se Neptuno c. довериться Нептуну (*т.е.* отправиться в морское путешествие); c. aurum terrae зарыть золото в землю [*букв.* ‘доверить его земле’] … se pedibus c. пуститься бежать [*букв.* ‘довериться ногам’]; 4) верить (Thucydidi credo ‘Фукидиду верю’; c. alicui aliquid *или* de re aliqua ‘верить кому-л. в чем-л. *или* в каком-л. отношении’; c. hoc esse factum [‘верить имеющимся фактам’, *букв.* ‘что таково́ есть случившееся’]): c. oculis amplius quam auribus верить глазам больше, чем ушам … 5) полагать, считать…

Для второго из названных, *fides, -ei*, это были бы 1) вера, доверие, уверенность: fidem habere (tribuere, adjungere, ferre) alicui верить (доверять) кому-л.; abrogare alicui fidem не доверять кому-л. [*букв.* ‘лишать доверия’]; … fidem facere внушать доверие (заставлять верить) …; 2) кредит …; 3) верность; честность; добросовестность; надёжность: … fidem alicujus orare atque obsecrare взывать к чьей-л. совести; 4) *при клятвах*: per fidem! клянусь честью!; fide meā честное слово!; (ex) bonā fide по чистой совести, по

[32] *Латинско-русский словарь*. Сост. И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков под общей ред. С.И. Соболевского. Москва 1949.

чести; 5) вероятность, достоверность, истинность … 6) выполнение, исполнение … 7) уверение, обещание …: f. publica (*или* f.) государственная гарантия (обещание) безопасности, неприкосновенности; fidem publicam alicui dare гарантировать кому-л. безопасность; 8) защита, покровительство … 9) ожидание: segetis f. виды на урожай [*букв.* ‘вера хлеба, зерна’: *sĕges, sĕgĕtis* 1) посев, хлеб на корню, хлеба … 2) нива, пашня, поле … 3) почва, основа, основание … 4) зерно, хлеб в зерне].

Третье, *religio, -onis*, предполагало бы следующее: 1) совестливость, религиозность, благочестие ... r. vitae благочестивая жизнь; 2) благоговение, благоговейное отношение, религиозное чувство, набожность: r. deorum благоговение перед богами; 3) *sing. или pl.* богослужение, богослужебные обряды (religiones publicae); 4) святость ... 5) святыня, священный предмет, предмет культа ... 6) сомнение, недоумение, (моральное) стеснение или опасение, неуверенность ... 7) совеститься: r. mihi est dicere мне совестно сказать; 8) преступление против совести, прегрешение, грех, вина ... 9) суеверие ... 10) добросовестность, тщательность, точность ...

Образовано данное слово от глагола *rĕlĭgo, religātum*, что, в свою очередь, означает: 1) связывать сзади (manūs post tergum ‘руки за спиной’); привязывать сзади ... comam nodo r. завязывать волосы узлом; 2) обвязывать, обвивать ... 3) запрягать, впрягать (equos ‘лошадей’); 4) прикреплять ... 5) отвязывать, развязывать, снимать ...

Возвращаясь к разбираемому представлению о 'секте' (с учетом предположения о том, что себя проявляло бы, могло бы себя проявлять, в характеристике Даля), видится необходимым решить, какие из трех обнаруживающих себя мотивирующих оснований латинских обозначений в большей степени подходили бы к представлению о том, что стоит у него за ‘ученьем о вѣрѣ’.

Просматривая определения каждого слова и корня, можно заметить, что первое, *credo, creditum*, тяготеет к представлению веры в отношении ‘доверия’, ‘препоручения’, ‘полагания, расчета на что-то и на кого-то’. Иными словами, ‘предания себя чему-л. или кому-л. в надежде, уверенности на поддержку, защиту, помощь, благорасположение и пр.’, Второе, *fides, -ei*, соответственно, в немалой степени близкое по своим значениям первому, опирает свою семантику в качестве основных показателей на представление о ‘верности’, ‘уверенности’, ‘честности’, ‘благонадежности’, ‘порядочности’, ‘истинности’, что, в свою очередь, служит ‘гарантией’ прочного положения и защиты. И, наконец, третье, *religio, -onis*, от

rĕlĭgo, religātum, было бы выражением своего рода изначальной ‘привязанности’, воплощающей и претворяющей себя далее в представления о ‘совести’, ‘совестливости’, ‘набожном благоговении’, а также ‘прегрешении’, ‘грехе’ и ‘вине’. И, тем самым, было бы отражением исходной нецелостности, душевной внутренней раненности, ищущей восполнения, защиты, поддержки в привязанном, создающем уверенность прилеплении к большему, высшему, благонадежному, сильному.

Все три представления, как можно вывести из рассмотренного, сводятся в общем своем результате к незащищенной исходно открытости, ищущей и рассчитывающей на восполнение в том, что способно его, при уверенности и, соответственно, вере в него, обеспечить. Все три, согласуясь и сочетаясь, взаимодействуя между собой, так или иначе, себя отражают и выражают в том, что определяется ‘верой’. Все три также, что неизбежно, себя воплощают и в том, что бы связывалось с представлением у Даля о 'секте' как об ‘ученьи о вѣрѣ’. Предполагаемый выбор поэтому будет в известном смысле условен, опираясь не на представление о данной вере тех, кто ее исповедует, а как раз напротив, на представление ее не исповедующих и считающих не действительной и не истинной верой, обозначая поэтому словом *секта*, что было бы выражением общего восприятия и существующего в общем сознании мнения о ней.

Отвлекаясь от неизбежных и связанных с обозначенным представлением о вере как искажении и ложном пути (что можно считать характерным и для времени Даля, равно как и в более поздние, никак не минуя и ранние, времена, т.е. длительно и исторически), – отвлекаясь от связанных с таким пониманием коннотаций и оставаясь в пределах "чистой" семантики, более вероятным было бы предположить основной и ведущей, в отношении секты применительно к ее вере, идею ‘препоручения’. Можно бы было добавить, ‘себя предводителю’, тому, что́ и от "лица" кого он говорит, именем кого либо чего себя объявляет и действует, кого или что собой воплощает и представляет, кем является и к чему наклоняет, куда всех ведет. А также, в объединенном составе, такого же препоручения и преданности всем остальным, представителям того же прочного братства-секты.

Согласно общему представлению образующие, составляющие, добровольно либо обманом включающиеся и входящие в секту, воспринимаются как ведомые поиском не столько, пусть и ложной и искаженной, истинности и совестливости либо набожной благочестивости, не стремлением превратно понятого освобождения и спасения с очищением от грехов-

ности и нечистоты, не чувством вины, не желанием обрести укоение, проникнувшись внутренним светом, вследствие приобщения к большему, высшему, благонадежному, ясному, преисполняясь и восполняясь им (все это мотиваторы исповедующих), а главным образом тем, что в своем таком поиске и затем обретении они побуждаются необходимостью опереться на что-то, кого-то, предаться кому-то, чему-то, довериться, приложиться к этому, себя ему препоручить. Иными словами, внутренним ощущением собственной слабости, несостоятельности, недостаточности и неполноты.

В большей мере и степени все это подходило бы к признакам, проявляемым в слове и корне *credo, creditum*, показанным первым. И тогда выводимый в представленном поиске признак, тот, который можно считать наиболее близким определению Даля, можно бы было дополнить, исходя из того, что было выведено и показано ранее, как *Insert(Propr)>Separ(Cred),* – вероучение как ‘препоручение’, *Cred*, с преданием себя предводителю, исповедуемой им доктрине и божеству, а также всем исповедующим то же самое остальным, в таком подходе и проявлении ‘отделяющее’, *Separ*, в ‘принятии’, *Insert*, данной веры как ‘собственного и своего’, *Propr*, от других, т.е. тех, кто этого не исповедует и в общину последователей не входит, часто к тому же неодобрительно и неприязненно к ним относясь.

Нечто подобное можно было бы вывести и, тем самым, отметить для представления, отображенного в определении Даля. Не означает это и, что очевидно, собой не исчерпывает чего-то другого и большего, но нашим заданием было установить, в первую очередь, то, что, пусть и с известными оговорками, можно считать более или менее очевидным и общепринятым, поскольку фиксируемым в существующих словарях.

Выводимая на основе определения у Даля общая формула 'секты' как представления имела бы вид (опираясь на "ядерном" сокращении, без включения расширителей):

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(Prim<Aequal)>\mathbf{Insert(Propr)>Separ(Cred)}.$$

Что, при сравнении с ранее выведенной на основе трех последующих словарей (МАС, ТСУ, БТС), с учетом развившегося второго значения как переносного и в этих трех словарях отраженного:

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(Prim)>Mod(Human)<\mathbf{Obduct/Izol(Opert)}, –$$

могло бы давать основания для суждения об изменившемся, хотя бы лишь в перестановке акцентов, характере общего представления о 'секте', – вре-

мени Даля и двух последующих, с разделением, как отмечалось ранее, периода ТСУ, с одной стороны, и МАС с БТС, с другой, однако при "ядерном" отображении не заметном.

Опираясь на признаки в формулах, той и другой, можно было бы заключить, что в представлении, отраженном у Даля, не нашли своего воплощения показатели ‘втягивания’ в секту, *Obduct*, ее ‘изолятивной’, в смысл изолирующейся и изолирующей, ‘закрытости’, *Izol(Opert)*, также как воздействующего и ‘преобразующего изменения образа жизни входящих’, *Mod(Human)*. В свою очередь, ядерная, или типологически понимаемая, формула позднего времени не акцентирует, в отношении общего представления о секте, признаки, более или менее ‘добровольного и равенствующего’, *Org(Prim<Aequal)* (*братство*), ‘принятия’, *Insert*, данного вероучения как ‘своего’, *Propr*, понимаемого как ‘препоручение’, *Cred*, и предание себя со стороны каждого члена и ‘отделяющего’, *Separ*, ее последователей от других.

Данное положение не означает, что в представлениях времени Даля этого не было. Так же как и обратное – то, что нашло свое явное отражение у Даля, продолжает присутствовать и в последующие затем времена. Речь идет о характере осознаваемого, а тем самым и в первую очередь, главного восприятия, соответствующим образом себя отражающего и находящего свое выражение в значениях слова и его семантическом потенциале. Не следует также забывать и о том, что речь в данном случае ведется об акцентах и формирующемся на этой основе ядре, не о представлении в его целостности и полноте. Что касается целостности и полноты, то и она, с учетом указанных соотношений и соположений, может, включая и то, и другое, по-разному все это в общем составе организовывать и представлять. Однако не будем входить, развивая и углубляя, подобное более или менее полное отражение, ибо не в этом состояла задача.

Определение *секты* у Даля сопровождается, в пояснение, словами, которые можно рассматривать как синонимы, полностью не совпадающими по своим значениям с определяемым словом. В связи с чем правомерным был бы вопрос как о возможном характере их соотношений, так и о том, что, собственно, могут они называть. Речь идет о четырех словах, идущих после точки с запятой основного определения, даваемых через запятую и связанных представлением о возможной взаимозамене, на что указывает завершающий их союз *или*: «согласіе, толкъ, расколъ или ересь». Не случайным видится также и выбранный Далем порядок расположения.

Итак, если секта – это согласие, если она же в то же самое время может восприниматься и пониматься как толк, а к этому раскол или ересь, то как это следует связывать между собой и в каком отношении между одним и другим полагать?

Определяя секту словом *согласие*, мы обращаемся к ее представлению как об объединении, устроенному на добровольных и договорных началах. Исповедующие данную веру *согласились*, договорившись между собой, принять положения, правила и все остальное, что будет определять их дальнейшее поведение, мировоззрение, а также характер взаимодействия внутреннего и внешнего, для себя, для своих, своего предводителя, равно как и по отношению к тем, кто в данное объединение не входит.

Оставаясь в пределах выведенного ранее представления о секте у Даля как о ‘братстве, принявшем свое отдельное учение о вере’, и добавляя к этому положение о том, что это можно и следует понимать как ‘согласие’, подходим к необходимости уточнения параметра, связываемого с признаком организации *Org(Prim<Aequal)* в его отношении к принятию (вероучения), *Insert*, мало того, что как собственного и своего, *Propr*, но также и как общего и добровольного соглашения, уговора, *Convent*, "по согласию". В данном случае перед нами обычный метонимический перенос: то, что принято по согласию, будет и есть при обозначении и назывании *согласием*.

При этом, в уточнение сказанному и выведенному, следовало бы обратить внимание на то, что, поскольку согласие, о котором речь, как соглашение и договоренность участников, на добровольных и более или менее равных началах, при их подчинении и "согласии" принять ведущую роль общего для всех предводителя, связывается не только с признаком организации, но и с тем, едва ли не в первую очередь, что определяет характер принятия, а если быть точным, то одновременным, регулируемым и коррелирующим образом с тем и с другим, – то позиция данного уточняющего признака, определяемого как *Convent*, будет себя отражать в общей формуле либо между признаками организации и принятия, либо, что видится более точным и соответствующим, как уточнение принятия, связанное с характером организации, в известном смысле (как согласие) ее также и предполагающее. Тем самым (определим только среднюю часть общей формулы, опуская левую, $Quant^{/Non/Mag}(Populi)$, обобщенно-характеризующую, и правую, *Separ(Cred)*, завершающе-уточняющую):

либо как: … *>Org(Prim<Aequal)<**Convent**>Insert(Propr)>*…

либо как: … *>Org(Prim<Aequal)<**Convent**[Insert(Propr)]>*…

При определяющей характеристике Далем *секты* во вторую очередь словом *толк* акцентируется не характер и вид достигаемого соглашения, а особенность, определяющая параметр, связанный с «ученьем о вѣрѣ». Толк есть это не что иное, как собственное понимание, толкование, объяснение верующих себе и верующим со стороны толкователей того, что составляет смысл и особенность данного вероучения, а также, через него и внутри него, особенность, смысл и характер всего остального. В отношении объекта своего поклонения, того, во что верят, в отношении друг к другу, к себе самому, предводителю, равно как и тем, кто в данное согласованное объединение, своим собственным образом все понимающее, не входят. И это был бы уточняемый далее, точнее усиливаемый, акцентируемый при таком назывании, признак характера отделяющей веры, что в общей формуле (но уже без *Convent*, при данном обозначении не отмечаемом) могло бы выглядеть следующим образом:

… *>Org(Prim<Aequal)>Insert(Propr)<[Separ(Cred)]>**Interp(Subst/Exist)***.

Что означало бы, что смысл веры, определенный до этого как ‘препоручение’, ‘предание себя’ секте и в секте, *Cred*, уточняет себя дополнительно в отношении к объяснению, толкованию, интерпретации сущего, существования-бытия и всего существующего, *Interp(Subst/Exist)*. При указанном усилении признака *Cred*, относящегося к *Separ*, отношения между параметральными показателями *Insert* и *Separ* получают направленность от второго к первому, что выражается знаком <, а не так, как это было в общей, не акцентируемой, формуле, от первому ко второму, от *Insert* к *Separ* при направленности, передаваемой знаком >.

При определении *секты* словом *раскол* внимание акцентируется на характер такого от чего-то другого ее отделения и обособленности, при котором эта отдельность воспринимается резким, решительным и противопоставляемым образом по отношению к вероисповедованию, понимаемому обычно как общее и ведущее, а тем самым, главенствующее, господствующей церкви, как это имело место при толкованиях по другим словарям. Данный признак при этом затрагивал бы, уточняя, показатель обособления *Separ*, как в отношении организации, связываемой с отходом, так и влиял бы дополнительно на параметр веры *Cred*, полагая возможным в ней и через нее обращение к чему-то, что противоречит в каких-то существен-

но важных особенностях догматам и доктрине указанного ведущего направления.

В этой части также, одновременно и следовательно, связывался бы с тем, что на заключительном шаге определения у Даля характеризуется словом *ересь*, которую можно было бы понимать, с одной стороны, как все тот же раскол и отход, непризнание большего, общего и главенствующего, а с другой, с точки зрения этого общего и главенствующего как принятого и несомнительного, с позиции нарушающего искажения, искривления, неверного толкования и порчи действительного и истинностного, поскольку сложившегося и канонического, положения соответствующих вещей. То есть того, что опять же касается «ученья о вѣрѣ».

В результате можно и следовало бы говорить о встречающемся и сопряженном уточнении общего представления в трех параметрах. Относительно отделения и принятия как своего. Относительно веры в ее догматах и основаниях. И относительно связываемого со всем этим учения, вопрос о котором в начале анализа определения у Даля, в отношении представления о вере, затрагивался, но применительно к собственному параметру не выводился.

Признак, касающийся параметра отделения *Separ*, обусловливающий характер принятой сектой организации по отношению к главенствующему вероучению, от которого она отделилась через раскол и, тем самым, стала расколом, что связывается также и дополнительно, с другой своей стороны, с проповедуемой ею учением о вере, можно было бы определять как отказ, непринятие для себя, отложение и отход, что выражалось в общей формуле в виде *Reject*.

Соответственно вера, *Cred*, помимо этого, дополнительно характеризовалась бы, через раскол в *Reject* с переходом в понятие 'ересь' в проповедуемом учении, как отрицание в предлагаемом собой направлении, *Insert(Propr)*, переворачивающее и отвергающее общепринятое, что передавалось бы в формуле в виде *AbnegRecept*.

И, наконец, последнее, переходя, с одной стороны, а с другой, возвращаясь к представлению о том, что составляло бы смысл определяемого учения (о вере), с позиции, противопоставляемой секте или, по крайней мере, ее такого учения не принимающей и, возможно, не одобряющей (через слово *ересь*). При подобного рода позиционном определении учения секты следовало бы учесть два, как минимум, обстоятельства. То, что более или менее прямо и непосредственно связывается с выведенным ранее

показателем *Cred*, охарактеризованным в мысль ‘препоручения’, ‘предания себя’ предлагаемому направлению, равно как и секте как таковой. А также то, что подводило бы к пониманию ереси как извращению и искажению общепринятого порядка существующего положения (религиозных) вещей. Иными словами, это была бы такая доктрина, которая, с одной своей стороны, обеспечивает адепту возможность ‘препоручения’, *Cred*, предлагая в своих положениях, *Insert(Propr)*, что-то существенное и поддерживающее взамен. И в то же самое время, с другой, через это свое предложение "взамен", отвергая главенствующее направление, противопоставляясь и противополагаясь ему, с его точки зрения, как ведущего и господствующего учения, представлялась бы как искажение.

Первое в наибольшей мере из всех глаголов, обозначающих учение и обучение, соответствовало бы в искомом значении тому, что выражает, касаясь как признака принятия в его собственности, *Insert(Propr)*, так и веры для *Cred*, латинскому *instituo, institutum* [*in* + *statuo*] 1) ставить; водружать, расставлять, размещать; выстраивать, строить; сооружать, воздвигать; 2) устраивать; приготовлять, доставлять, добывать; приобретать; 3) вводить; постановлять, устанавливать, учреждать; назначать; завязывать; 4) выставлять, выдвигать (condicionem ‘условием’); 5) организовывать, устраивать, приводить в порядок; 6) решать; предпринимать, приступать, начинать; 7) наставлять, учить, обучать; 8) дрессировать.

Второе, связываемое с представленным перед этим *Instit*, понимаясь как искажение и отклонение от полагаемой истинной веры (ересь), определялось бы как *Deprav*, от *depravo, depravatum* [*de* + *pravus* ‘кривой, искривлённый, неправильный, уродливый; превратный; неправый, порочный; дурной, испорченный, извращённый’] 1) искривлять; 2) искажать; развращать; *depravatio* искажение, порча, обезображивание.

Все это выведенное и между собой согласуемое сводилось бы в общее представление о 'секте' в виде формулы:

$$\{Quant^{/Non/Mag}(Populi)>[Org(Prim<Aequal)>\mathbf{Insert(Propr)}]\mathbf{AbnegRecept}<\mathbf{<CredInstit(Deprav)}\}>SeparReject.$$

Из чего получалось бы, что по определению Даля *секта* – это такое ‘согласие, представляемое в виде братства, принявшее свое учение о вере, которое одновременно и вместе с тем также толк, а с этим всем и раскол, и ересь (по отношению к большему и главенствующему вероучению, в господствующей в данном обществе церкви)’.

И тогда все то, что в его толковании представлено и дано после общего положения («братство, принявшее свое, отдѣльное ученье о вѣрѣ»), отделенное точкой с запятой («согласіе, толкъ, расколъ или ересь»), не синонимы к слову *секта*, а ее дополнительно характеризующие определители, союз *или* при них выполняет функцию не взаимной замены по принципу ‘то или то’, а ‘и то, и то, и то, (или) и то’. Ведущими признаками (что отмечено в формуле полужирным шрифтом) при таком понимании были бы через ‘принятость своего’, *Insert(Propr)*, ‘отрицание общепринятого’, *AbnegRecept*, в учении о вере, представляющем ‘искаженное (миро)установление, предлагаемые правила и порядок вещей’, ***CredInstit(Deprav)***.

Сравнивая полученное на основе определения у Даля более полное представление о 'секте' с все тем же выведенным ранее на основе трех последующих словарей (ТСУ, МАС, БТС), можно отметить то, что перед тем уже отмечалось. Напомним полученную "трехсловарную" формулу (для второго, добавим, значения):

$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(Prim)>Mod(Human)<$***Obduct/Izol(Opert)***.

В начальной части, не исключая имеющееся в общем сознании знание о том, что организационные взаимодействия в секте обычно строятся на равенстве, понимаемом нередко как братское, по крайней мере, рядовых ее членов между собой, а также в совместном их отношении к старшему, старшим, руководителю, предводителю, черта эта несколько стерлась, к тому же и не отображаясь в трех названных словарях. Из чего будет следовать вывод о невосприятии либо недостаточно ясном и выразительном ее восприятии, во всяком случае, для языкового сознания, для которого, опираясь опять же на данные трех разбираемых словарей, более значимым получается то, что это «религиозная община, отколовшаяся от господствующей церкви».

То, что это община, находит свое выражение в двух первых призначных компонентах $Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(Prim)$ – ‘некое небольшое сравнительно в количественном отношении число людей, объединенных в организацию с примарной ролью своего предводителя и организацию эту собой представляющих’.

То, что это община религиозная, следует дополнительно уточнить. Исходя из того, что "трехсловарная" формула в отношении общего представления о 'секте' получилась на основе второго значения как переносного, для которого признак ‘религиозный’ задействован не был. Не входя в

детали возможного представления о ‘религиозности’, исключительно с семантической точки зрения, т.е. на основе языкового сознания, характерные для XX века, с их отличием от времени Даля (середины столетия предыдущего), можно бы было поставить вопрос – допустимо ли ‘религиозность’ в указанном отношении продолжать понимать как ‘учение о вере’? Или данное положение по сравнению с XIX веком уже устарело?

Для ответа на этот вопрос, с тем чтобы ничего от себя не добавлять, оставаясь в пределах более или менее общепринятого представления, оттолкнемся от данных последнего словаря, конца XX века, т.е. БТС, стремившегося по мере возможности избегать неизменных и обязательных идеологических коннотаций и подключений советского времени в отношении всего того, что не материалистично. Религии и религиозности в особенности и в первом числе. Для стоящей задачи подобное обращение будет достаточным.

БТС содержит такое определение *религии* (*религиозный*, *религиозность* выводя от него): «[от лат. religio – набожность, святыня]. **1.** Одна из форм общественного сознания; совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются объектом поклонения. **2.** *с опр.* Та или иная вера, вероисповедование. *Христианская р. Мусульманская р. Исповедовать буддийскую религию. Хоронить по обрядам своей религии. Никто не знал, какой он религии*».

Применительно к общине с определением *религиозная* вряд ли имеет смысл говорить о реализации первого из двух отмеченных в БТС значений. Значение это присутствует, но подразумеваясь и следуя из второго, воспринимаемого в первую очередь. Так же как и во всех приводимых в качестве иллюстраций примерах – *Христианская р. Мусульманская р.*, за исключением разве что третьего. *Хоронить по обрядам своей религии* означает порядок, обрядовость, принятые обычаи и правила, не обязательно опирающиеся на вере и следующие из нее, а если и опирающиеся, то не всегда осознанно, нередко также и вопреки.

Согласно второму значению, отображаемому в определении к общине, религия – значит та или иная вера как вероисповедование, а с этим, что неизбежно как следствие, учение о вере и вероучение. Отвлекаясь от уточнений по времени века XX и XIX, неизбежных, естественных, но составляющих все же предмет рассуждений, скорее, историко-философских, чем лингвистических, а если этих последних, то во вторую очередь и как

следствие, для разбираемой задачи, ограничиваемой общими представлениями, находящими свое отражение в семантике, отвлечение от указанных уточнений видится допустимым, – потому, отвлекаясь от них, можно бы было сказать, что существенным сколько-нибудь образом, таким, чтобы это влияло на языковое сознание, характеризуемое представление о религии как учении о вере, по сравнению с временем Даля, не изменилось.

Все это нужно было нам для того, чтобы в искомой формуле, не искажая ее существа, отразить тот признак, который был выведен для определявшихся представлений о 'секте' у Даля. Речь идет о позиции в ее общей формуле компонента *Insert(Propr)*, который, как получается из представления о 'секте' как религиозной общине по трем словарям, должен быть также и в "трехсловарной" формуле отображен. Так же как признак, следующий из определения *секты* у Даля как раскола, т.е. *SeparReject*, минуя все остальное в ней как в ТСУ, МАС и БТС не отраженное, а потому представляющееся, по мнению их составителей, для понимания значения слова и с этим языкового сознания, не существенное. То, что для языкового сознания, а не сознания как такового, в данном случае следует подчеркнуть. Однако и предмет наш также связан, в первую очередь и главным образом, с языковым сознанием, обращаясь к сознанию не языковому для уточнений и лучшего понимания первого.

Итак, исходя из сказанного, *секта* в первом значении, как религиозное, а не социальное или политическое объединение себя от всех остальных отделяющее, т.е. «религиозная община, отколовшаяся от господствующей церкви», в обобщающей формуле на основе трех названных словарей (без оценки применительно к точности, о чем ранее уже говорилось) могла бы выглядеть следующим образом:

$$\mathrm{Quant}^{/\mathrm{Non}/\mathrm{Mag}}(Populi)>Org(Prim)>\mathbf{Insert(ProprCred)<Separ/Reject(Recept)}.$$

С акцентируемыми признаками к ‘принятию собственной веры и религиозности’, *Insert(ProprCred)*, следующими из ‘откола’ от господствующей церкви, *Separ/Reject(Recept)*.

Сравнение данной формулы, первого, основного, значения, с обобщающей формулой второго и переносного:

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(Prim)>Mod(Human)<\mathbf{Obduct/Izol(Opert)}, –$$

предполагает возможность говорить о переходе, трансмиссии, переносе, соответственных призначных компонентов *Insert(ProprCred)* в *Mod(Human)*, *Separ/Reject(Recept)* в *Obduct/Izol(Opert)*. Или, иными слова-

ми, принятие собственной веры религиозной сектой значения первого обращается (что с нею также и связано, но в определении значения отображения не находит) в формирование образа жизни для человека, равно как и создаваемого образа самого человека, *Mod(Human)*, второго значения, в данном случае без непременной религиозной подкладки в *Insert(ProprCred)*. Откол, отход, отклонение, отделение от господствующей церкви, *Separ/Reject(Recept)*, прямого значения в переносном себя выражает как втягивающее своих членов обособление, отделение, изолятивная замкнутость по отношению ко всем остальным, *Obduct/Izol(Opert)*.

Сравнение "трехсловарной" формулы того же прямого значения с формулой, полученной на основе определения у Даля (единственной, поскольку переносного значения у слова *секта* Даль не дает):

{Quant$^{/Non/Mag}$*(Populi)>[Org(Prim<Aequal)>**Insert(Propr)**]**AbnegRecept<***

***<CredInstit(Deprav)**}>SeparReject*, –

предполагает возможность увидеть своего рода бóльшую прорисованность компонентов и расставленность признаков в формуле определения у Даля по сравнению с большей сжатостью и концентрирующим объединением показателей "трехсловарного" отражения. В этом последнем оказались опущенными показатель ‘отрицающего отвержения’, *Abneg*, в отношении ‘общепринятого’, *Recept*, следующий у Даля из совокупного представления секты как раскола и ереси, так же как и составной показатель ‘учения искажающего’, *Instit(Deprav)*, при вере, *Cred*, полученный на основе собственно ереси.

В то же самое время параметр ‘общепринятого’, *Recept*, присоединился к отображению в формуле компонента ‘откола’ (от господствующей церкви), сформировав позиционное отношение *Separ/Reject(Recept)*. Так же как параметр ‘веры’, *Cred*, присоединившись к составному в призначном отношении компоненту, ‘принятия своего’, направил его непосредственно к восприятию веры – *Insert(ProprCred)*.

Общим выводом из полученных сопоставлений прямого и переносного отображения секты по трем словарям, а также прямого и первого, основного, по трем словарям с отраженным у Даля, было бы а) реализованная возможность (имеющийся в представлении, заключаемом в слове, семантический потенциал) интерпретирующего восприятия 'секты' как ‘втягивающей изолятивной замкнутости’ в отношении своих членов и б) бóльшая, по сравнению с определением у Даля (трудно было бы в данном случае об историческом времени говорить), концентрирующая и редуци-

рующая семантическая емкость, того же самого по своему существу, но иначе организуемого в своих призначных положениях.

Представления о 'миссии', следующие из словарей

Обращаясь к вопросу о 'миссии', поскольку смысл анализа определений *секты*, как слова и выражаемого им представления, по крайней мере, один из возможных и принятых смыслов, состоял в необходимости, через сопоставление одного и другого (секты и миссии), подойти к характеристике подразделяемых в общей группе с 'артелью' подгрупп, – обращаясь к 'миссии' как представлению в этой связи и оставаясь в контексте принятого до того отражения, рассмотрим, как это делалось и в отношении секты, то, что дают словари. Те же выбранные по времени и в том же себя объяснившем порядке, начиная с МАС, переходя от этого к ТСУ, Далю и, наконец, БТС.

Интересующее нас значение МАС представляет последним и пятым (предыдущие по этой причине опустим): «**5.** Миссионерская организация. *Папская миссия*. [От лат. missio – отправление, посылка]». *Миссионерский* МАС определяет как прил. к *миссионер*, *миссионерство* как деятельность миссионера, а *миссионера* тогда как «Лицо, посылаемое религиозной организацией, церковью для пропаганды своей религии и обращения иноверных в свою веру. [Франц. missionnaire]».

ТСУ предлагает дословно то же определение и также как пятое и последнее: «**5.** Миссионерская организация. *Христианская м. в Китае*.». Аналогичным образом *миссионерский* и *миссионерство* отсылая к *миссионеру*: «[от латин. missio – посылка, отправление]. Лицо, посылаемое (к колониальным и зависимым народам) для религиозной пропаганды или насильственного обращения в религию господствующей церкви и фактически являющееся политическим агентом пославшего его правительства и церкви. *Католические миссионеры в Китае. Православные миссионеры среди народов Сибири*».

Даль дает следующее: «**МИ́СІЯ** ж. посольство, посланникъ со всѣмъ дворомъ, чинами своими; || общество духовенства, посылаемое для обращенія невѣрныхъ или иновѣрцевъ. ***Мисіонéръ*** м. членъ, братъ духовной мисіи, духовный посланникъ, законо(вѣро-, христо-)учитель, просвѣтитель, проповѣдникъ. || Подсыльный, заговорщикъ, тайно подосланный для возмущенья, крамолъ. … ***Мисіонéрщина*** ж. мисіонéрство; собир. мисіонеры».

И, наконец, БТС, соответственно: «**5.** Миссионерская организация; здание такой организации. *При миссии отцов-францисканцев открылась школа для туземцев*». *Миссионер* (без каких-либо изменений сравнительно с МАС): «[франц. missionnaire]. Лицо, посылаемое религиозной организацией, церковью для пропаганды своих религиозных взглядов и обращения иноверных в свою веру».

Итак, миссия, согласно трем словарям, кроме Даля, это организация лиц, посылаемых их собственной религиозной организацией (приходится повторить), церковью для пропаганды своего вероучения и обращения в свою веру. В этом своем целевом назначении, как уже отмечалось ранее и что было поэтому основанием отнесения в общую подгруппу в составе группы с 'артелью', 'миссия' соотносится с 'сектой' и 'агитколлективом', 'агитбригадой' со всеми их "транспортными" распространителями в виде агитавтобуса, агитпоезда, агитпарохода, агитсамолета и пр.

Задача данного рассмотрения будет, с одной стороны, заключаться в том, чтобы уяснить характер общего и различного в отношении 'миссии' при сравнении ее с 'сектой' (сопоставление с 'агитбригадой' и 'агитколлективом' опустим в силу не вполне совпадающей деятельности). С другой, как это делалось на материале 'секты', через выявление представлений по четырем словарям с некоторыми их уточнениями, можно будет увидеть и вывести как объединяющее их типологическое ядро, так и отличия, если они себя обнаружат, в историческом времени (середина XIX века, первая треть XX-го, его вторая половина и с нею конец).

Объединяющим 'миссии' с 'сектой', 'агитколлективом' и 'агитбригадой' призначным компонентом, что дает основание относить их к общей подгруппе, будет то, что было показано на примере 'агитколлектива' с 'агитбригадой', а затем, при анализе 'секты' опущено в силу необходимости обращения к неполному отражению определяемого представления, а только такого и в таких его составных частях, которые были бы специфичны. Напомним определенную для 'агитколлектива' формулу:

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(PrimAequal)>Act(Fin)/\mathbf{Orat(Intent)}.$$

Речь идет о заключающем компоненте, *Orat(Intent)*, который является важным и определяющим в отношении осуществляемой целенаправленно деятельности, *Act(Fin)*, данным объединением людей, охарактеризованным в первых двух компонентах. И отражает или, точнее, выражает себя как ‘идейно направленная ориентация других людей (не себя), через воздействие на них’, признак *Intent*, осуществляемая главным, хотя не

единственным, образом вследствие ‘выступлений, устных, словесных, публичных (прежде всего) перед ними’. Это последнее передано с помощью признака *Orat*.

Прежде чем пойти дальше в предпринимаемом рассмотрении 'миссии', необходимо задаться вопросом, будет ли ей соответствовать упомянутый призначный компонент, равно как и совпадает ли общая характеристика представления о ней с предыдущими компонентами того же состава.

‘Идейно направленная ориентация других людей’ через посредство ‘(публичного) выступления перед ними’, т.е. *Orat(Intent)*, есть не что иное, как то, что по трем словарям XX века было названо *пропагандой* с определением *религиозная* в ТСУ, *своих религиозных взглядов* в МАС и БТС. С дополнением к этому *обращения в свою веру*, разве что не *насильственного* (в религию господствующей церкви), как это добавлено в ТСУ.

У Даля тот же, фактически, признак передан несколько по-другому, с позиции посылающей организации (православной церкви), а тем самым, как положительный: «законо(вѣро-, христо-)учитель, просвѣтитель, проповѣдникъ». За всеми этими определениями стоит то же самое: идейно направленная ориентация через посредство публичного устного выступления и обращения к собравшимся, поучение и наставление их в духе той веры и той религии, которую им, ее проповедуя, предлагают принять.

С учетом того, что заключающий компонент, себя проявивший при определении 'агитколлектива', т.е. *Act(Fin)/Orat(Intent)*, в равной мере оказался действителен и в отношении 'миссии', для достоверности ее отнесения к той же подгруппе (совместно с 'сектой') следует установить действительность двух предшествующих компонентов обозначенной формулы общего типологического ядра для подгруппы.

Что касается первого показателя, $Quant^{/Non/Mag}(Populi)$, представляемого как сравнительно небольшое в количественном отношении число людей, то в отношении 'миссии' показатель этот, хотя и будет действителен сам по себе, поскольку миссионерская организация, складываясь из миссионеров в данном месте расположения (показатель *Loc*, бывший предметом рассуждения в связи с 'многолюдством' и 'многолюдьем'), не определяется, та или иная, каким-то числом, будь то большим или малым. Возможны самые разные в количественном отношении миссии, как малые, так и большие, но при этом характеризуемые, каждая, каким-то своим числом.

Иными словами, число составляющих миссию членов будет существенным показателем, а поскольку это может быть самое разное, пусть и в

каких-то своих пределах, число, обозначить его допустимым видится с помощью определителя *Mod*, от *modus* ‘мера’, ‘величина, объем’, ‘положение, ранг’, ‘предел, граница’, ‘правило, предписание’. И тогда в общей формуле модификация признака *Quant* в открывающем компоненте для 'миссии' выглядела бы как $Quant^{i(Mod)}$.

Второй показатель, *Org(PrimAequal)*, или примарно-равенствующей организации, хотя и не находит своего отражения в определениях по словарям (организация упоминается, но не определяется при этом, какая), должен быть также учтен. Миссия, так же как все, что обычно касается религиозных организаций и церкви (за исключением, может быть, некоторых видов свободных объединений верующих, но не о них в данном случае речь), – если и не в полном смысле этого слова иерархична, т.е. имеет многоступенчатую субординацию, а даже и если, так или иначе, почти всегда, руководится и направляется кем-то одним, выбираемым либо, что регулярнее и чаще, назначаемым старшим. Все остальные миссионеры как члены данной организации, миссии, ему подчиняются более или менее на равных правах. Показатель примарности, вместе с тем, должен восприниматься как определяющий по отношению к равенству, что в формуле будет себя выражать в виде *Org(Prim>Aequal)*.

Возвращаясь к определению в виде формулы, вводящей 'миссию' в подгруппу с 'агитколлективом', 'агитбригадой' и 'сектой', следует говорить о модификации перечисленных признаков применительно к 'миссии' по сравнению с выведенными для 'агитколлектива' в указанных отношениях. И тогда эта формула получает вид:

$$Quant^{i(Mod)/Non/Mag}(Populi)>Org(Prim>Aequal)>Act(Fin)/\mathbf{Orat(Intent)}.$$

Индексный распространитель при показателе *Quant* следовало бы рассматривать как такой, который, при характеризуемой каким-то *i*-тым пределом *Mod* количественности, обычно выглядит как не слишком большой, однако и не исключающий вероятной множественности, что выражает себя с помощью показателя */Non/* в косых скобках при *Mag*. Обо всем остальном уже ранее говорилось.

Отвлекаясь от определения формулой 'агитколлектива', равно как и 'миссии', с тем что было действительно также для 'секты', следовало бы отметить два важные обстоятельства. Во-первых, то, что выражаемая формулой конфигурация признаков, равно как и их состав, как показатель объединяющей данные представления подгруппы, имеет общетипологический, а потому обобщенно-вводящий характер. В связи с чем в своем

обобщенном виде для всех составляющих данной подгруппы не может служить, в том числе и общему, определению какого-то из них одного без соответствующих дополнений и модификации. И во-вторых, обобщенное и вводящее отражение в виде общей формулы в составе ее компонентов, в том числе и в модифицированном и дополненном виде, может быть малозначимым и не слишком существенным, не определяющим, для отдельного представления. Его описание и характеристика будут предполагать свои собственные, для него, уточнения и расширения.

В связи с чем остальное, для представления о 'миссии' важное, но вместе с тем уточняющее ее (как в первую очередь, так и исключительно), а потому не обязательно либо не существенным образом относящееся к другим представителям той же подгруппы ('агитколлективу' с 'агитбригадой' и 'секте'), необходимо выявлять и рассматривать как проекции компонентов состава указанного типологического, для данной подгруппы, ядра или же как их (компонентов состава) дополнения и расширения.

Несколько характеризующих замечаний о 'пропаганде'

Прежде чем к указанному определению собственно 'миссии' перейти (помимо отмеченных ранее расширений и модификации общетипологического о ней представления), видится необходимым кое-что дополнительно уяснить. В первую очередь, это касается вопроса о пропаганде, отображенной как важная, если не определяющая, характеристика в трех словарях (МАС, ТСУ и БАС), а потому и неизбежно существенная для выведения признаков определяемого о ней представления.

Вместе с тем то, что названо в трех перечисленных словарях *пропагандой*, у Даля дается и выглядит как законо-, веро-, христоучительство, просветительство и проповедничество. Необходимым по этой причине видится уяснение, во-первых, того, чем является пропаганда, как с существующими в ее отношении коннотациями, так и без них. А во-вторых, в чем существенном состоит отличие, но на сей раз без коннотаций, пропаганды от того, что у Даля дается и выглядит как учительство, просветительство, проповедничество. Можно ли воспринимать и видеть это как то же, что пропаганда, но названное иначе и положительно, не отстраненно, а приближенно-сочувствующе, с позиции своего? Или все же какое-то важное, если не полностью определяющее, отличие между тем и другим существует и его предстояло бы выявить и охарактеризовать?

Словари советского и постсоветского времени (ТСУ, МАС, БТС, Ефремовой) определяют пропаганду как явление положительное, а в обще-

ственно-политическом смысле также и необходимое. Не входя в детали различных акцентных характеристик по четырем указанным словарям, смысл этот можно свести, с одной стороны, к распространению среди широких масс населения, а с другой, к углубленному и, как добавляет Ефремова, постоянному и детальному разъяснению каких-либо идей, учений, знаний, взглядов, воззрений, представляющих общественный интерес и имеющих, опять же, общественное значение. Иными словами, способных на что-либо в социальном, хозяйственно-экономическом, политическом, историческом и каком-то подобном отношении повлиять.

В самой идее распространения, предполагающей широкое ознакомление общества, точнее широких масс, с какими-то важными положениями, ничего дурного, казалось бы, нет. Сложнее и неоднозначнее это выглядит на этапе, предполагающем не одно только ознакомление, а разъяснение и изучение, и тем более углубленно-детальное и постоянное, к тому же среди широких масс, к верификативной оценке и более или менее взвешенному и критическому восприятию пропагандируемого не подготовленных. Особенно, если это им пропагандируемое и к восприятию предполагаемое имеет однонаправленно не плюралистичный и не содержащий возможность проверки характер.

Это последнее поэтому допускает, и к тому же нередко, если не неизбежно, то, что далее в МАС дается как оттенок значения, а в БТС как отдельное и второе, в виде «Политическое или идеологическое воздействие на широкие массы; органы и средства такого воздействия» (БТС). Поскольку органы и средства политического и идеологического воздействия часто находятся в руках представителей властных структур, пропаганда с их помощью способна приобретать и часто приобретает необходимый этим структурам, односторонний и некорректный характер, исключающий возможность соотнесения с чем-то другим, а тем самым, и выработки своего к представляемому в этих органах отношения.

Такое воздействие и подобная пропаганда имеет не только и не столько разъясняющий и ознакомительный, сколько обрабатывающий в требуемом направлении, преобразующий, манипулятивный и понуждающий, к тому же обычно и искажающий, смысл. Искажающий как пропагандируемую суть вещей, так и, через нее, восприятие, а вследствие этого и сознание широких масс населения, на которых такое воздействие направляется.

Не случайно поэтому „Толковый словарь русского языка XX века”, отмечая „Языковые изменения”, вынесенные также в само заглавие, дает такое определение *пропаганде* с пометой актуализации: «Политическое и идеологическое воздействие государства, правящей партии и т.п. на широкие слои населения в целях их воспитания в духе господствующей идеологии и морали с помощью средств массовой информации, агитаторов и т.п. … В советск. время. *Буржуазная п. П. гонки вооружений. Антирелигиозная п.*».

Тем самым, в идее, стоящей за пропагандой, помимо воздействующего, воспитательного и, следовательно, обрабатывающего в требуемом направлении характера, себя обнаруживает, если не главным, то определяющим образом позиция господствующей идеологии и морали.

К представлению о *господствующей*, но применительно к церкви (а с нею идеологии и морали), следует вспомнить определения, дававшиеся к *секте* по трем (четырем, включая также словарь Ефремовой) указанным словарям. Получается, что, исходя из идеи господствования и опираясь на данное представление о пропаганде, то, что секта распространяет среди населения (что нередко имеет место), не говоря об адептах, в отношении все той же идеологии и морали, а с этим и мировоззрения, оценок и отношения ко всем остальным, если и подходит под определение *пропаганды*, то в основном и ведущем значении. Поскольку распространение и изучение, к тому же углубленное и постоянное, производимое сектой, касается идеологии и морали никак не господствующей. Скорее и чаще, наоборот, противоречащей ей и ее как не только господствующую, но и, нередко, имеющую право на существование отрицающей.

Не то, соответственно, будет касаться миссии, и это нашло свое отражение, в частности, в ТСУ, прямо указывающем на религию господствующей церкви, к тому же с насильственным обращением иноверцев в нее.

Оставаясь при дефинициях *пропаганды*, видится небезынтересным отметить существенным образом переработанный характер ее представления, по сравнению со словарем „Языковых изменений” конца XX века, в отчасти преемственном (оба под ред. Г.Н. Скляревской) „Толковом словаре русского языка начала XXI века”, охарактеризованном во второй части названия как „Актуальная лексика”. Словарь этот содержит такое определение: «Политическое и идеологическое воздействие на широкие слои населения с помощью средств массовой информации, агитаторов и т.п.».

Уходит мысль о подобного рода воздействии со стороны «государства, правящей партии и т.п.» на эти слои «в целях их воспитания в духе господствующей идеологии и морали».

Иными словами, снимается смысл однонаправленной обработки широких масс населения в требуемом господствующими элитами направлении. Пропаганда, как объективно, отчасти (о чем свидетельствует приводимый иллюстративный пример), так и субъективно, с позиции все тех же властных структур, становится средством воздействия не исключительно однонаправленного и не только в целях воспитания в духе господствующей идеологии и морали.

С точки зрения общего представления, с отражением этого представления в сознании, характеризуемом как общественное, пропаганда теперь фигурирует (актуально для начала XXI века) и как слово используется для обозначения общепринятой формы воздействующе-агитирующего характера. Воздействия в свою сторону тех, кто к ней прибегает с опорой на предоставляемые средствами массовой информации, агитаторами и т.п. возможности. При вероятности (речь не идет в данном случае о реальном положении вещей, а о стоящем за всем этим общественно предлагаемом представлении) разных подобных участвующих, каждая со своей пропагандой, сторон.

При таком понимании то, что касается описанного представления о пропаганде, равным образом можно было бы относить к направленно производимым действиям на других не только со стороны миссионеров в миссии, но и со стороны соответствующих представителей секты, в задачу которых входит распространение своего учения. Исходя из ранее выведенного и отраженного в формуле компонента *Orat(Intent)*, характерного для определяемой подгруппы с 'агитколлективом', 'агитбригадой', 'сектой' и 'миссией', а также чего-то подобного, но не рассмотренного, видится необходимым, в связи со сказанным относительно пропаганды, его уточнить. В отношении ‘воздействующего распространения’ на других ‘положений’ (знаний, мнений, позиций, идей), характерных и важных для представляемого каждой, помимо секты, из обозначенных групп организационного объединения. Положений, концептуально-оценочных в основе своей, составляющих смысл действия и существования того или тех, что и кто за 'агитколлективом', 'агитбригадой' и 'миссией' (но не 'сектой') стоит. Секта в разбираемом отношении представляет самоё себя, а роль и функцию ее

'агитколлективов', 'агитбригад' и 'миссий' выполняют отдельные группы, которые для этого формируются и затем направляются.

Уточняемым компонентом применительно к *Orat(Intent)* было бы выделенное позиционное представление о ‘воздействии’, *Oper*, ‘распространении’, *Dispers*, ‘на других’, *Alii*, ‘положений’, *Dogmat*, ‘направляющей организации’, Org^{Direct}, данным, помимо секты, объединением – агитколлективом, агитбригадой и миссией. В таком своем уточнении, для этих трех в общей формуле компонент ‘идейного выступления’, *Orat(Intent)*, мог выглядеть в виде $Orat(Intent)>DispersAlii(Oper)>Dogmat(Org^{Direct})$. Для секты, с опущением организации представительства, соответственно, как *Orat(Intent)>DispersAlii(OperDogmat)*.

Все это, добавляясь, распространяло бы исходную формулу в виде:

$$Quant^{i(Mod)/Non/Mag}(Populi)>Org(Prim>Aequal)>$$
$$>Act(Fin)/\mathbf{Orat(Intent)}>DispersAlii(Oper)>Dogmat(Org^{Direct})$$

либо, для 'секты':

$$Quant^{i(Mod)/Non/Mag}(Populi)>Org(Prim>Aequal)>$$
$$>Act(Fin)/\mathbf{Orat(Intent)}>DispersAlii(OperDogmat).$$

Поскольку выведенные признаки уточнения, на основе представленных положений о 'пропаганде', следует рассматривать как дополнение к распространяющему их, акцентированному в формуле, компоненту *Orat(Intent)*, сами они, как входящие и к нему относящиеся, акцентироваться в разбираемом случае не должны.

Прежде чем перейти к дальнейшему уточнению 'миссии' в том, что ее отличает от остальных представителей той же подгруппы, имеет смысл рассмотреть, с точки зрения возможного концептуального, но не оценочного на сей раз, различения 'пропаганды' от того, что у Даля выглядело как 'законо(веро-, христо-)учительство, просветительство, проповедничество'.

Возьмем все это им перечисленное в условном для нашей задачи триединстве. Однако пойдем по порядку. Первое положение, о законо(веро-, христо-)учителе, применительно к миссионеру у Даля следует понимать, в свою очередь, в им предлагаемом триединстве. Коль скоро речь идет об учителе закона, веры, Христа, воспринимать это предполагается как обучение, а тем самым, ознакомление, передачу знаний, касающихся христианства, т.е. веры в Христа и закона, определяющего канон и обряд, в первую очередь, православия, с возможным, но не оговариваемым допущением также других ответвлений христианства.

Тем самым, миссионер, а с этим и выполняемая им миссия, а также миссия в смысле «общества духовенства, посылаемого для обращенія невѣрныхъ или иновѣрцевъ», будет затрагивать, согласно определению у Даля, в первую очередь, ‘обучение вере в Христа’ (ничего другого у Даля не предполагается), *Doct(RelChrist)*. И это было бы первым из трех оснований указанного им триединства.

Второе тогда обращалось бы вокруг просветительства, что у Даля выглядит несколько по-другому, чем можно было бы, исходя из общепринятых представлений, характерных для современности, воспринимать. Согласно даваемому им положению, «***Просвѣщéнье*** ср. свѣт науки и разума, согрѣваемый чистою нравственностью; развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка; научное образованье, при ясномъ сознаніи долга своего и цѣли жизни. *Просвѣщенье одною наукою, одного только ума, односторонне, и не ведетъ къ добру*. … ***Просвѣщáтель, просвѣтúтель, – ница,*** просвѣтившій кого, наставившій въ истинахъ».

Из данного определения следует, что просветительство связывается не только и даже не столько с концептуально-умственной стороной обучения, сколько со стороной воспитательной. В духовно-нравственном, наставительном смысле, направляющем к пониманию долга и цели существования, обращенном, через положение о наставлении в истинах и в соединении с законо(веро-, христо-)учительством, к все тем же догматам христианства и, в первую очередь, православия. Тогда второе основание триединства можно было бы представлять как ‘воспитание’, *Educ*, в человеке, помимо необходимых ‘знаний о сущем, о цели и долге человеческого существования и бытия’, *Vis(FinExist)*, ‘духовно-нравственных (как ориентирующих и направляющих) положений христианства’, *Dogmat(SpiritMoral)*.

Третье, последнее из перечисленных, основание, связываемое с проповедничеством, согласно Далю, в принципе мало чем отличалось бы от современного. Однако обратимся для большей точности к его словарю: «**ПРОПОВѢ́ДЫВАТЬ**, ***проповѣ́дать*** что или о чемъ, говорить всенародно, возвѣщать, провозглашать; поучать, взывать къ слушателямъ речью, убеждая и наставляя; бол. о речахъ и поученияхъ духовныхъ. … ***Проповѣ́дчикъ, – чица,*** то же, что и проповѣдникъ; ***проповѣ́дникъ***, народный возвѣститель, провозвѣстникъ; провозглашатель и поучитель; учитель Слова Божія, наставникъ вѣры, по званію или по призванью; вообще говорящій проповѣди».

В интересующем нас значении проповедник и, соответственно, проповедничество совпадает, пересекаясь в немалой части с тем, что было выведено для учительства («учитель Слова Божія») и просветительства («наставникъ вѣры», «поучитель»), дополняясь представлением о провозглашении и говорении проповедей. А поскольку «***Проповѣдь*** ж. поученье, речь, духовное слово, наставленье священника паствѣ, въ церкви, либо народно, в иномъ мѣстѣ.», то и в этом можно усматривать соотношение, если не совпадение, с просветительством второго основания. С тем уточнением, что проповедничество получает непосредственно реализуемый в проповеди, провозглашении, публичном выступлении, с обращением к слушателям, характер. Что позволяет говорить о том, что проповедничество есть проекция, реализация в конкретном проявлении в речи просветительства. И тогда третьим основанием будет расширение, уточнение первого и второго оснований в ‘провозглашении’, прокламативе, *Proclam*.

Представленное по основаниям рассмотренного триединства у Даля в формуле выглядело бы, в несколько сокращенном виде, следующим образом, при акцентировании прокламирующего для миссионера и миссии характера доктрины христианской веры:

$$Quant^{i(Mod)/Non/Mag}(Populi)>Org(Prim>Aequal)>$$
$$>Act(Fin)/Orat(Intent)>\mathbf{Proclam[Doct(RelChrist)}>Educ/Vis(FinExist/Moral)].$$

К этому следовало бы добавить, вставив, и то, что имело место в формуле предыдущего представления по трем словарям, поскольку у Даля также речь ведется об обращении неверных или иноверцев, с уточнением, на сей раз в обеих формулах положения о том, что посылающая организация, а следовательно, и посылаемая также являются организациями духовенства, *Cler*. Для посылаемой это будет передаваться в индексе, как уточняющая характеристика. Для посылающей – в самостоятельном признаке, как характеристика определяющая.

И тогда обе формулы, на основании представления у Даля (1) и по трем словарям (2), в уточненном в указанном отношении виде выглядели бы следующим образом:

1) $Quant^{i(Mod)/Non/Mag}(Populi)>Org^{Cler}(Prim>Aequal)>Act(Fin)/Orat(Intent)>$
$>DispersAlii(Oper)>Dogmat(OrgCler^{Direct})>\mathbf{Proclam[Doct(RelChrist)}>$
$>Educ/Vis(FinExist/Moral)]$;

2) $Quant^{i(Mod)/Non/Mag}(Populi)>Org^{Cler}(Prim>Aequal)>Act(Fin)/Orat(Intent)>$
$>DispersAlii(Oper)>Dogmat(OrgCler^{Direct})$.

Из чего получалось бы, что представленное у Даля по сравнению с тем, что дается по трем последующим по времени словарям (не только по времени, но и в связи с изменившимся отношением к определяемому объекту), отличается в признаках уточнения. В формуле, получаемой на основании Даля, будучи для составителя важными, находят свое отражение признаки (начиная с позиционного компонента *Proclam*), которые не то, чтобы не имелись в виду либо отрицались в тех представлениях, которые были типичны для XX века, но, при взгляде на миссию со стороны, с позиции ее, скажем так, неприсутствия в реальной действительности советского, а отчасти и постсоветского времени, не воспринимались как актуальные. Взгляд на свое, с одной стороны, и на то же самое, но не свое, с другой, обусловливает более приближенный, и потому уточняемый (с одной стороны) и удаленный, в связи с чем обобщенный и усеченный характер описываемого (с другой).

Небезынтересным видится, говоря о сравнении формул, получаемых на основе словарных определений, за которыми, передаваясь в формулах, для чего они и даются в организующей объединяемые признаки представимости, сопоставление выведенного у Даля и по трем другим словарям (МАС, ТСУ и БАС, в ТСУ к тому же с явными негативными коннотациями) с определением в словаре Ефремовой (2000 г.). Приведем его для дальнейшего описания полностью.

Слово *миссия* в интересующем нас значении толкуется ею как самостоятельное, с надстрочным индексом *миссия*^{2}, отделяясь, тем самым, от прочих как омонимичное. Что вряд ли можно считать правомерным с учетом не только происхождения, от лат. *missio* ‘отправление, посылка’, но и сохраняющегося в значении представления об «Ответственном задании, роли, поручении» (в 1-м значении) посылаемой группы.

Определение привычно содержит опосредованную к *миссионеру* отсылку: *миссия* – это «Миссионерская организация», и прямую к нему же в словах *миссионерский*, *миссионерство*, *миссионерный*. *Миссионер*, соответственно, объясняется следующим образом: «Лицо, посылаемое религиозной организацией или церковью для проповеди религии и просветительской деятельности среди населения с иным вероисповедованием».

Имеется, таким образом, представление о проповеди религии и просветительской деятельности, заменив пропаганду, дававшуюся по трем словарям, опущена мысль об обращении иноверных, а также неверных (у Даля), присутствовавшая во всех четырех (МАС, ТСУ, Даль, БТС).

То, что касается первого положения, о проповеди и просветительской деятельности, можно отметить как частичный возврат (неважно, сознательный или нет) к представлению Даля. *Миссионер* у него характеризовался как просветитель, проповедник, а также, в первую очередь, как законо(веро-, христо-)учитель, чего у Ефремовой нет. Опущенная мысль об обращении в свою веру видится важной и современной, поскольку миссии и миссионеры, миссионерство последнего времени концентрируются главным образом на благотворительно-вспомогательной и поддерживающей по отношению к местному населению деятельности, не ставя это своей прямой задачей. При сохранении ее проповеднического и просветительского, в духе своей религии, характера, что понятно и объяснимо.

Из чего можно было бы заключить, что Ефремова в своем словаре предлагает еще одно, третье, отображение представления о 'миссии'. Более современное и освобожденное от, если не негативного (как в ТСУ), то отстраненно не положительного отношения, передаваемого в словах *пропаганда* (*своей религии* в МАС, *своих религиозных взглядов* в БТС, *религиозная* в ТСУ) и *обращение в свою веру* (МАС, БТС), *в религию господствующей церкви* (ТСУ). В то же самое время, в отличие от толкования у Даля, при совпадении проповедничества и просветительства с ним, отражаемое ею представление о миссии не содержит позицию взгляда на миссию как на нечто свое, а потому приближенное и исключительно христиански направленное. Позиция у нее обобщенная, что отчасти подчеркивается также союзом *или*: «Лицо, посылаемое религиозной организацией или церковью» (в МАС и БТС вместо *или* используется запятая, которую можно интерпретировать также и в уточняющем смысле).

И, наконец, последнее, что не нашло своего отражения в словарях, а если нашло, то между строчек и косвенно, и о чем уже неоднократно упоминалось. Речь идет о благотворительно-организующей, вспомогательной и поддерживающей деятельности в отношении к местному населению, чем обычно, если не главным образом, занимается миссия. Объяснять это можно также как форму завуалированного, если не прямо направленного, воздействия в духе моральных и нравственных установлений проповедуемой религии. Но можно интерпретировать и как действия бескорыстные, в духе добрых и очищающих дел для тех, кто их совершает, либо в духе христианского самаританизма, помощи ближнему как таковому, в том числе, если не в первую очередь, иноверцу, потому только, что он человек. Впрочем,

интерпретация, допускающая и то, и другое, для разбираемого представления значения не имеет.

Говоря о косвенном отражении мысли о благотворительности, следует вспомнить довольно емкое определение у Ефремовой (также у Даля) миссионерства как просветительской деятельности, допускающее воспитание, скажем так, духовным примером. Действиями, содержащими морально-нравственный вывод пожертвования, отдания себя ближнему, бескорыстия. Не только по отношению к тем, кому они адресуются, но и свидетелям, наблюдавшим, присутствовавшим, а также тем, кому об этом потом сообщат.

Пример подобного рода деятельности содержится в БТС, предлагаясь как иллюстрация к подзначению «здание такой организации»: *При миссии отцов-францисканцев открылась школа для туземцев*. И, что не случайно и показательно, опять же с позиции отстраненности (*отцов-францисканцев*), к тому же не слишком позитивно окрашенной (*для туземцев*). Туземцы они (как за этим стоит), в первую очередь, по отношению к отцам-францисканцам. Те их так понимают и воспринимают и так к ним относятся, т.е., фактически, как к не цивилизованным дикарям[33], а не просто как к местному, пусть и не христианскому, населению.

На основании сказанного можно вывести, получив, еще два возможных для миссии представления. Первое – исходя из определения в словаре Ефремовой. Второе – из введенного уточнения по поводу благотворительной деятельности. К этому также следовало бы добавить важный, с точки зрения понимания миссии, признак ее отдаленной (обычно) локализации от направляющей организации, следующий из положения о посылании к

[33] Ср. определение в МАС и том же БТС для *туземца*: «*Устар*. Уроженец и коренной житель какой-л. местности или страны (обычно далекой, малоразвитой) в противоположность приезжему или иностранцу». БТС содержит то же дословно определение, устраняя помету *устар*. (что не случайно, обозначая возврат значения), в то время как то, что в скобках и важное с точки зрения коннотативно заряженного отношения «(обычно далекой, малоразвитой)», помещая после слова «какой-л.», а «(в противоположность приезжему или иностранцу)» давая в скобках. Для 'туземца' как представления, следовательно, оказывается существенным то, что это такое, по отношению к приезжему, местное и для него не свое, которое здесь родилось и выросло, коренное, т.е. живет в поколениях, а кроме того, (обычно) далекое, малоразвитое и противоположное ему во многом, если не сразу во всем. Иными словами, туземец – это с самого начала, исходно и по природе своей нечто чуждое и едва ли не потустороннее, с которым мало что общего у цивилизованного приезжего может быть и на которого, в силу его малоразвитости, можно совершенно иначе смотреть и иначе к нему относиться. В лучшем случае со снисходительно понимающим сочувствием и закрывающей глаза на его проявления отстраненностью, если не откровенно пренебрежительно и сверху вниз.

иноверным либо неверным (по Далю), к колониальным и зависимым народам (по ТСУ). Это второе, а также последнее, будет отображать обобщающий образ возможного более или менее актуального представления о 'миссии', в признаках необходимого уточнения по отношению к полученным по словарям.

Выводимое на основе определения у Ефремовой отчасти соотносилось бы с тем, что вышло из характеристики Даля, с учетом у нее проповедничества, *Proclam*, и просветительской деятельности, с опущением далевского законо(веро-, христо-) учительства:

$$Quant^{i(Mod)/Non/Mag}(Populi)>Org^{Cler}(Prim>Aequal)>Act(Fin)/Orat(Intent)>$$
$$>DispersAlii(Oper)>Dogmat(OrgCler^{Direct})>\mathbf{Proclam(Rel)}>$$
$$>\mathbf{Educ/Vis}(FinExist/Moral)].$$

Обозначенное как обобщенное представление определялось бы в необходимых подробностях как ‘в количественном отношении обычно не слишком многочисленная группа людей, составляющих духовно-религиозную организацию, на равенствующих более или менее началах с кем-то одним во главе, цель и смысл деятельности которой заключается в морально-идейном воздействии на других (иноверных) в духе своего вероучения, достигаемом устным к ним обращением, а также благотворительной помощью, посылаемая к месту своего размещения (как правило отдаленному) для осуществления названной деятельности ее направляющей, также духовно-религиозной, организацией, по отношению к направляемой большей и над нею стоящей’. Все это передавалось бы в следующей формуле:

$$Quant^{i(Mod)/Non/Mag}(Populi)>Org^{Cler}(Prim>Aequal)>\mathbf{Loc(Remot)}>$$
$$>Act(Fin)/\mathbf{Orat(Intent)/Munific(Adjut)>DispersAlii(Oper)}>$$
$$\mathbf{>Dogmat(Org^{Princeps}Cler^{Direct})}.$$

Новыми компонентами, по сравнению с ранее выведенными, будут, как это видно из формулы, (отдаленное) место, *Loc(Remot)*, благотворительная помощь, *Munific(Adjut),* и индекс главенствующей организации $Org^{Princeps}$.

Из всего сказанного и отмеченного следовало бы отличие разбираемой 'миссии' от представлений в той же подгруппе, передаваемых рассмотренными ранее словами *агитколлектив*, *агитбригада* и *секта*. Миссия характеризуется как организация, а) по месту своего более или менее постоянного расположения отдаленная от посылающей организации, стоящей над ней (что не характерно для секты, а в отношении агитколлектива

и агитбригады не будет местом постоянного расположения); б) благотворительная по своему характеру деятельность возможна только для секты, однако не будет определяющей для нее (в круг осуществляемых действий агитколлективом и агитбригадой это не входит); в) духовно-религиозный характер производимой устным воздействием деятельности, равно как и самой такой организации, будучи характерен только для секты, имеет, в отличие от нее, направленно организованный на других (иноверных) характер, для секты подобная деятельность, хоть и важна, но, как правило, дополнительна; г) в отличие от секты (а также агитколлектива и агитбригады), миссия представляет собой органическую часть направляющей ее организации, стоящей над ней. Что касается агитколлектива и агитбригады, которых организует и направляет первичная партийная организация (согласно рассмотренному определению по словарям), то состав агитаторов, куда входят актеры, танцоры, чтецы и т.п., не представляет собой ее часть, агитаторы, кроме того, могут быть также и беспартийны.

Парадигматические проекции, получаемые из описания

Важным выводом, следующим из проделанного анализа в отношении подгруппы с 'агитколлективом', 'агитбригадой', 'сектой' и 'миссией', было бы представление о направлениях, или векторах, отходящих от общего типологического ядра, который является характерным для всех четырех его составляющих применительно к выделенным словам, за которыми стоят для сознания им соответствующие в общих знаниях представления.

Говоря о названных представлениях, хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что, с одной стороны, они связываются с реально существующими в действительности объектами, не обязательно и не полностью совпадая с ними по их существу. Однако не это главное, поскольку особенность существующих общих знаний как знаний общественных, общеизвестных и общепринятых, имеющих коммуникативный, т.е. обменный в процессе общения и узуальный, характер не заключается в том, чтобы сущее в его действительном состоянии и положении отражать. Знания эти имеют обобщенный, а потому усеченный и приблизительный вид, нередко к тому же по разным причинам и искаженный.

В то же время с другой, говоря о существующих в общем сознании представлениях, имеет смысл их воспринимать не только в виде, соотносимым с реальным объектом действительности и отраженным в значениях соответствующих слов, но и в виде парадигматически виртуальном. Таком, который не предполагает еще своего насыщения, соотносясь с чем-то за-

конченным и конкретным, а существует как недооформлено взвешенное положение чего-то, о чем-то, что может быть, а может, как нечто данное и существующее, также не быть. Иными словами, в сознании имеется знание как таковое, которое, являясь по существу своему обобщением другого знания (знаний), продуцировано, создано, выступает как то, что содержит в себе некое направление и внутренний потенциал, не предполагающий в этом своем предварительном положении реализации в виде окончательной формы, соотносимой с объектом действительности и выражаемой с помощью слова в его каком-то значении.

Подобного рода знания, опуская другие для них особенности, можно представить как основания разбираемых нами групп и подгрупп, регулируемый и управляемый характер которых допустимо определять как внутренний парадигматический механизм позиционных соотношений более или менее близко связываемых между собой представлений, о которых шла речь. Обратимся к данному положению на конкретном примере разбираемой подгруппы с 'агитколлективом' и всем остальным.

Отвлекаясь от них ото всех, ничто не мешает вообразить, что в общем сознании имеется представление о том, что существуют в реальной действительности[34] некие ‘сравнительно немногочисленные объединения людей, которые, организуясь сами либо будучи организуемы кем-то, имеют в качестве цели производимой ими совместно и придаваемой, направляемой, задаваемой, деятельности необходимость идейно ориентирующего воздействия на других, которое может иметь самый разный характер’.

То, что было в предыдущем абзаце определено, составляя типологическое ядро разбираемой подгруппы, о чем ранее уже говорилось неоднократно, в данном месте будет интересовать нас с другой стороны. Оставаясь на уровне обобщенно не реализованных представлений, в виртуальной плоскости знаний как таковых, далее можно было бы рассуждать, имея в виду характер различных векторных направлений.

Направления эти, с одной стороны, возникают и формируются на основе имеющегося в сознании опыта, из наблюдений и восприятия, в том числе и обменного получения от других, тех или иных положений по поводу данной предметной и понятийной области. А с другой, представляют собой от подобного опыта обобщенные отвлечения, существуя внутренне вне его и обладая способностью, сочетаясь и согласуясь между собой, со-

[34] Без обращения к реальной действительности трудно было бы обойтись, поскольку та часть сознания, о которой речь, имеет ее отражающий, преобразуя при этом, характер.

здавать и образовывать комбинации, с реальной действительностью не соотносящиеся. Не потому, что того или иного их объединенного воплощения реально не может быть, а потому, что это плод и продукт работы и креативного действия самого сознания, в себе самом и внутри себя. Однако не будем входить в эту область концептуального продуцирующего механизма, тем более, что это не наш предмет.

Возвращаясь к тому, что было представлено как типологическое ядро для подгруппы, рассматриваемое в данном месте под другим углом, как исходное основание дальнейшего виртуального проявления, парадигматического в отношении разбираемой задачи, и говоря о возможных дальнейших векторах, или шагах, можно было бы рассуждать каким-нибудь следующим образом. Однако прежде, чем данное положение в последующих рассуждениях развернуть, необходимым видится задаться таким вопросом. В том, что было выведено как типологическое ядро, важен или неважен количественный критерий в отношении образующих то или иное объединение людей? Сколько их может быть таких, много или не много относительно чего-то, какой-то принятой меры? Или, имея в своем представлении воображение о том, что людей в такой группе не слишком много, нет оснований и повода задаваться, для понимания и представления того, о чем речь, мыслью о каком-то более или менее определенном количестве?

Искомым ответом было бы это последнее замечание. Из чего, в свою очередь, будет следовать положение о ведущем и определяющем признаке, как возможном векторном направлении, и о признаке не ведущем и не определяющем, хотя неизменно присутствующем, как структурное обоснование. Количественный параметр или критерий относился бы к неизменно присутствующему, но не определяющему. Так же как призначный показатель ‘люди’. Не имеет смысла задумываться над тем, кто или что еще могло бы в подобного рода объединения входить (хотя это может быть основанием для научной фантастики). ‘Люди’ будут во всем этом параметром само собой разумеющимся.

Продвигаясь по выведенному обобщенному представлению, определяющим разбираемое исходное положение признаком, не вектором, но векторы в себе далее предполагающим, было бы ‘объединение’.

В поисках определяющего критерия, на сей раз вектора, опять задаемся вопросом – важно ли для сознания, в мысль понимания всего последующего, что, коль скоро это объединение, то само ли оно себя создало, создает, или кто-то, какие-то объединения, бóльшие и направляющие, его

создали, создают? При том, что возможно и то, и другое, для понимания всего последующего данный критерий не представляется важным.

В то же самое время, имеясь, в каких-то особых случаях он может себя развернуть. Например, в отношении агитколлектива (а также агитбригады), который организуется первичной партийной организацией, хотя для обыденного сознания носителей русского языка, как это было показано, это знание оказалось фактически не задействованным. Для понимания, добавим, того, что имеется нечто, что воспринимается как агитколлектив. Так же как в отношении секты, о которой известно, что ее формирует первоначально какая-то группа приверженцев с предводителем во главе, однако не это знание составляет сущность имеющегося о ней представления. Более или менее важным, а в некотором смысле и определяющим, этот критерий можно отметить для миссии, о которой, однако, хотя и известно, что некая религиозная организация или церковь ее направила, предварительно организовав (что нашло свое отражение также и в словарях), не это все же, для восприятия в том же сознании и понимания, составляет ее существо.

Рассуждая далее, упомянутая ранее цель ‘идейно ориентирующего воздействия на других’ будет составлять тот ведущий критерий, или вектор, для всей подгруппы, которую можно было бы тогда, в характеризуемом парадигматическом отношении, определять, по ведущим двум показателям, более общего и относимого к большему (с признаком ‘объединения’) как ‘объединения идейно ориентирующего воздействия на других’.

От этого направления, или вектора, переходим, опять же в сознании, опираясь на последующие ведущие признаки как направления, или векторы, к представлению о том, что подобные объединения могут в качестве идейно ориентирующего воздействия иметь ‘религиозный’ и ‘не религиозный’ характер. За представлением этим стоит различение секты и миссии, с одной стороны, и агитколлектива с агитбригадой, с другой, впрочем, не об этом на данном этапе и в данном случае речь, а о ведущих как направления признаках.

Вектор религиозного направления, далее, будет иметь различение в виде ‘открытого и распространяющегося’ характера (экстравертного) и, наоборот, ‘закрытого, замкнутого, изолирующего, втягивающего и концентрирующегося в себе’, интровертного. За этим стоит, соответственно, различение миссии и секты, но опять же не об этом в данном случае речь, а об имеющихся в сознании представлениях.

Вектор не религиозного направления, в свою очередь, будет предполагать а) возможность ‘перемещающегося, передвигающегося по разным местам’, или ‘постоянно локализованного’ проявления; б) реализацию цели идейно ориентирующего воздействия в виде более или менее ‘постоянных и регулярных’ либо ‘спорадических’ выступлений; в) ‘публично-массового’, ‘группового’ либо ‘индивидуально направленного’ характера; в) равно как с помощью только ‘слова’ или не только слова, а ‘театрально-концертных организуемых постановок’. За этим будет стоять различение между агитколлективом и агитбригадой, с добавлением к этому разных транспортных средств.

Исходя из сказанного, видится необходимым, с предположением дальнейшего рассмотрения выделяемых групп, подгрупп, а также входящих в них представлений о реальных объектах, отметить следующее. Обобщающий от имеющегося в языковом и не только языковом сознании отрыв от социального опыта при выведении и демонстрации выделяемых признаков с последующим их комбинаторным объединением имеет условный характер. Поскольку, так или иначе, за этими признаками и их объединениями стоят представления о реальных объектах, отражаемые и передаваемые с помощью слов в их значениях. Задача данного рассмотрения состояла не в том, чтобы описывать, что в сознании, как таковом, может быть, вне реальной действительности и языка (подобный подход и правомерен, и не исключен), а в том, чтобы показать, что и как для сознания существует и претворяется, извлекаясь и обобщаясь исходя из реальной действительности и языка.

Вместе с тем изучение виртуально-парадигматического характера отражения и существования в сознании тех или иных представлений, за которыми объекты реальной действительности, предполагая себя, стоят, допускает необходимость от них отвлечения и рассмотрения действующих в сознании представлений как таковых, которые группируются, собираются, объединяются по типологическим основаниям в группы, подгруппы и единицы по ведущим критериям, выводимым и определяемым как смысловые признаки.

Характеристика ряда подгрупп из общего списка ‘людского количества’

Остановившись на этом в указанном отношении, перейдем к выявлению, на выбранном для анализа материале, групп и подгрупп с составляющими их единицами из того списка, который был ранее приведен применительно к ряду с 'артелью', с одной стороны, определившему себя в общих параметрах *Org(PrimAequal)>Act(Fin)* при $Quant^{/Non/Mag}(Populi)$, и 'многолюдству' ('многолюдью'), с другой, в параметрах *CongrLoc(Idem)/Temp(Simult)* при $Quant^{/Mag/}$.

Из чего будет следовать, на этом первом этапе, различение того и другого ряда по основаниям а) ‘значительного’ / ‘не значительного’ в количественном отношении людского множества и б) для незначительного количества (ряд с 'артелью') – ‘организуемой’ их собранности (на ‘примарно-равенствующих’ началах) ради ‘совместного осуществления какой-либо деятельности, имеющей определенную цель’ / для значительного количества (ряд с 'многолюдством' и 'многолюдьем') – ‘не организуемого’ (возможно, реже, ‘организуемого’) их ‘собрания’ в ‘едином месте’ и ‘общем времени’.

Основным критерием подразделения представлений с 'артелью' и затем 'многолюдством' и 'многолюдьем' на подгруппы будет то, что можно характеризовать как ведущий, или определяющий, признак, не погружаясь на этом этапе деления в более или менее просматриваемые, но не всегда лежащие на поверхности основания.

Если идти в алфавитном порядке, первым из списка с 'артелью' из выбранных было слово *актив*. Прежде чем отнести другие слова из того же списка к общей с этим первым подгруппе, следует вспомнить о двух существенных для предпринимаемого подразделения положениях. Во-первых, о том, что группируются и, соответственно, рассматриваются при задуманной дифференциации не слова, а стоящие за ними и ими отображаемые представления. И, во-вторых, что деление, а точнее, собирание в подгруппы будет производиться первоначально по основаниям первого впечатления, т.е. того или тех признаков, которые видятся как очевидные и бросающиеся в глаза. С последующим, если это потребуется, углублением в разбираемый предмет, возможно, в зависимости от необходимости, в каждом отдельном случае и с обращением к существующим словарям.

Представление подгруппы с 'активом'

То представление, которое стоит за *активом* и которое как слово им выражается, можно определить в отношении, характерного для данной группы, ‘сравнительно небольшого в количественном отношении объединения лиц, организованных (ими самими либо кем-то, неважно) для осуществления какой-то целенаправленной деятельности’, что было бы входом к дальнейшему и о чем уже говорилось. С уточнением, которое, в мысль заявленного подразделения, должно искомую подгруппу определять.

Актив, рассуждая далее в этом контексте, это такое объединение лиц, которое, входя в нечто большее и являясь его представительством, составляет его наиболее деятельную (по определению в МАС) и активную (на что указывает, собственно, обозначение) часть. Тем самым, в основе лежат два существенных признака: быть незначительной в количественном отношении частью большего объединения, организации, учреждения, заведения, предприятия, коллектива, представляя при этом его, если повторить уже сказанное, то наиболее деятельную и активную часть.

В данном месте стоит, остановившись, задуматься, что означают эти ‘наиболее деятельная’ и ‘активная’ часть в отношении к стоящему за этими характеристиками представлению. Как это определяет то, что такое актив? Как понимать эту активность и деятельность? По отношению ко всем остальным, кто активом по своему существу не является, но кого они как актив представляют, и по отношению к ним самим, т.е. тем, кто входит в актив и его составляет в каком-то числе, изначально мало существенном, но не значительном.

Для ответа на этот несложный вопрос, однако не так, чтобы с первого предъявления воспринимаемый, следует обратиться к характеру производимой активом деятельности. Чем эти выбранные, назначенные либо сами для этого вызвавшиеся люди, собственно, занимаются, какова их в данной организации и коллективе роль? Понимать это как повышенную по сравнению с другими активность и бóльшую по своему характеру, опять же в сравнении с остальными, деятельность было бы не вполне правомерно. Из чего получается, что словарное толкование значения слова представления не отображает.

Если это актив, для примера, на какой-нибудь фабрике или заводе либо в высшем учебном заведении в студенческой группе (обращаясь к реалиям), трудно представить себе положение, при котором члены такого ак-

тива больше работают, больше себя посвящают, больше себя отдают, подвижнее и активнее учатся, чем все остальные. Так может быть, но не это будет критерием предполагаемой ими деятельности в необходимом для проявления искомого смысла ключе. Роль актива в другом. В том, чтобы различными средствами, мобилизующими и побуждающими, организующими и направляющими, так воздействовать на весь остальной коллектив, чтобы тот в своей деятельности себя проявлял в наилучшем и как можно более полном виде, используя имеющиеся возможности и скрытый потенциал.

Тем самым, роль эта сводилась бы, в отношении коллектива, к стимулированию в нем и его оптимальной отдаче, *Stimul>Opt(Remiss)*, в отношении производимой им деятельности, с одной стороны. При еще одном важном, но не отраженном, хотя и понимаемом, условии, с другой, которое следует из положения о наилучшем и полном виде, с используемыми для этого возможностями. Наилучшем и полном виде, или в позиции *Opt(Remiss)*, с точки зрения и по заданию, как правило, вышестоящей, руководящей и направляющей организации, деятельностью данного коллектива курирующей, но фактически ею не занимающейся. По отношению к этой руководящей и движущей, направляющей, организации, *OrgDirect*, актив выступает как проводник, *Transact*, проводящий и реализующий полагаемое той направление, внедряя его в коллектив, частью которого он предстает.

Из чего получается еще один призначный компонент, обусловливающий параметр *Opt(Remiss)*, что в вероятной формуле выглядело бы как *Stimul>Opt(Remiss)<Transact(OrgDirect)*. И это было бы частью определяющего основания для подгруппы с 'активом'. Второй такой частью было бы представление об отношении к большему, о вхождении в бóльшую организацию, коллектив.

Параметризация не 'актива' как такового, а подгруппы, к которой можно его отнести, требует большего отвлечения, что, обобщая, следует оговорить. Искомым основанием такой подгруппы было бы, с одной стороны, представление о том, что то или иное объединение лиц является частью объединения большего и включающего (позиция *Part*), будучи в то же самое время, с другой, его побуждающей, стимулирующей, оптимизирующей и подвигающей частью по отношению к осуществляемой им деятельности. И это укладывалось бы в представление о *Part(Stimul)*, с опу-

щением, для параметра определяемой подгруппы, признаков для 'актива', т.е. *Opt(Remiss)<Transact(OrgDirect).*

Воспринимать разбираемое представление в более или менее полном его отражении можно было бы, следовательно, как ‘сравнительно небольшое в количественном отношении объединение людей, выступающее стимулирующей частью объединения большего по отношению к осуществляемой им деятельности’. Определяющим основанием данной подгруппы, как уже говорилось, было бы положение о ‘стимулирующей части (объединения большего)’. Все остальное, т.е. показатель количества (для людей), а также целенаправленной деятельности, характеризует больший ряд представлений, к которому разбираемая подгруппа относится. В формуле данное положение можно было бы выразить следующим образом:

$$[Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(PrimAequal)]>\mathbf{Part^{OrgMajor}(Stimul)}>Act(Fin)OrgMajor.$$

Из слов (и словосочетаний), отмечающих соответствующие представления, которые были приведены применительно к группе с 'артелью', можно выделить те, которые связаны семантически с представлением о ‘части’ чего-то большего, в которое данное объединение входит. При колеблющемся, что следовало бы добавить, показателе $Quant^{/Non/Mag}$, от меньшего к большему, вплоть до известного в своем представлении числа. Ими были бы *взвод*, (*студенческая*) *группа*, (*октябрятская*) *звездочка*, (*пионерское*) *звено*, *колонна* (*демонстрантов*), (*воинское*) *отделение*, (*пионерский*) *отряд*, (*казачья*) *сотня*. Но все эти единицы не выражали бы представления о стимулирующей части, по отношению к осуществляемой большим объединением деятельности. Из чего можно было бы сделать предварительный вывод о том, что представление о ‘стимулирующей части’, $Part^{OrgMajor}(Stimul)$, выступает производной проекцией, или вектором, направления ‘часть (чего-то) большего’, *Part(OrgMajor).*

Собственно же к подгруппе с 'активом', т.е. с имеющимся либо подразумеваемым[35] показателем $Part^{OrgMajor}(Stimul)$ можно было бы отнести то, что выражается с помощью таких единиц, как *авангард* (в значении ‘передовая часть класса, общества’), *партгруппа*, *партколлектив* (в какой-либо организации, учреждении, на предприятии), *парткомитет*; такие разновидности актива, как *партактив*, *профсоюзный актив*, *партхозактив*, а

[35] Что бывает существенно, поскольку менее значимо по сравнению со всем остальным в отношении того или иного данного представления.

также отчасти *политбюро* (в задачу которого входит не столько собственно стимуляция, сколько общее руководство).

Из чего получалось бы (однако не будем делать из этого далеко идущих выводов), что представление о ‘стимулирующей части по отношению к деятельности чего-то большего и эту часть в себя включающего’, в известном смысле, если не продукт, то концептуальная актуализация, типичная для языка советской действительности и характерных для нее реалий, следующих из партийно-иерархического устроения общественной жизни.

К определению *банды* и *шайки*

При рассмотрении представлений, связываемой со вторым в порядке алфавита словом, *банда*, оттолкнемся для выведения определяющего основания подгруппы от толкования значения по словарю. Согласно МАС *бандой* называется «Вооруженная группа людей, объединившихся для разбоя, преступной деятельности; шайка». Помимо этого, банда обычно имеет главаря, т.е. организуется по схеме *Org(PrimAequal)*, хотя при объяснении значения это не отражается.

В связи с приведенным в МАС толкованием интересовать нас будут три вопроса. Во-первых, важно ли, для установления основания подгруппы, то, что эти люди а) объединились для разбоя, преступной деятельности, и то, что б) эти люди ради этого вооружены, а соответственно, что это может означать. Во-вторых, разбой по отношению к преступной деятельности необходимо понимать как разновидность, как то же самое или как что-то другое. И тогда банда для разбоя и банда для осуществления преступной деятельности – две разных банды? Или это различение для понимания 'банды' как представления о соответствующем объекте не существенно (поскольку речь о представлении, а не значении слова). И, в-третьих, то ли же самое представление стоит за 'бандой' и за 'шайкой' и, соответственно, обе их характеризует или нет.

Иначе говоря, это одно и то же представление или два разных? Ибо словарь дает их как эквиваленты и *банду* объясняет через *шайку* (и наоборот). Ср., для *шайки*: «Группа людей, объединившихся для разбоя, преступной деятельности; банда». Отличие, следовательно, можно отметить лишь по показателю ‘вооруженная’ (для *банды*, для *шайки* такого уточнения нет). Тогда правомерным представляется вопрос: ‘вооруженная’ – характерный и определяющий признак 'банды', и 'банда' – это шайка, но во-

оруженная? а не вооруженная уже не банда? И может ли быть шайка вооружена, а ежели вооружена, то тогда это шайка или уже и не шайка? Дело ли тут лишь в словах и их определениях либо в представлениях, выражаемых словами? Вопрос, который можно видеть как существенный для сознания, и при этом не только языкового.

С точки зрения упомянутого сознания вооруженность банды, равно как и невооруженность шайки особого значения не имеют, важным виделось бы другое. Банда воспринимается, прежде всего, как нечто более небезопасное и по характеру деятельности грозное по сравнению с шайкой. Кроме того, если шайка специализируется в налетах и в основном занимается организуемым воровством, то нападение и разбой, нередко сопровождаемые также убийствами, скорее, будут на совести банды.

Еще одним не столь выразительным, но допустимо осознаваемым отличием было бы то, что, если шайка орудует обычно и чаще в городе, то банда к локализации не привязана, ее положение четко не определено, а нападения, по крайней мере для восприятия традиционного и исторического, могли ею производиться и на дорогах, и в лесу, равно как и в поселениях, в том числе отдаленных и обособленных. Исторически, коль скоро об этом речь, банды воспринимаются также как действовавшие в различные периоды российской истории вооруженные группы, отряды, характер и смысл деятельности которых заключался не столько в убийствах и грабежах, сколько в вооруженном сопротивлении официальным властям, определявшиеся также первоначально как *лихие люди, станичники*, а в советское время *лесные братья* и *партизаны*.

Из сказанного в отношении шайки и банды будет следовать представление, в первую очередь, о том, что определяемое в МАС положение как «разбой» и «преступная деятельность» имеет смысл понимать, отчасти, несколько шире, отчасти в ином повороте. При различении, что необходимо добавить, одного и другого, т.е. банды и шайки. Если шайка организуется и создается главным образом для воровства и за этим стоит стремление не то, чтобы неправедного, но социально не одобряемого обогащения, точнее наживы с приобретением финансово-экономических средств, с точки зрения общего восприятия легких, поскольку не трудовых, то банда предполагает нечто другое.

В первую очередь, ее действия чаще, чем действия шайки, бывают направлены на людей и имеют вследствие этого контактный с ними характер. Шайка старается, в силу характера своей деятельности, подобного

взаимодействия избегать. Подобное взаимодействие, если случается, то, как правило, не планируется и может также обозначать необходимость ухода и прерывания акции. В связи с чем вероятные при таком контакте сопротивление, нападения, драки с причинением физического вреда и убийствами, убирание свидетелей и пр., что обычно для банды, для шайки будут чем-то сопровождающим, возникшим случайно в силу их неизбежности и потому нежелательным.

Обобщая, можно бы было сказать, что и банда, и шайка в равной мере имеют асоциальный и для представителей общества аномальный, неодобряемый, вредоносный и неприятный характер. При этом противопоставленность обществу у банды и шайки не совпадают. Если для шайки это следствие не то, чтобы не намеренное, но само собой возникающее, хотя и не избегаемое, осуществляемой ею деятельности, то для банды асоциальность, нередко не только по отношению к обществу, но и его институтам, властным структурам и их представителям может иметь направленный и избираемый характер.

Все перед этим названное и охарактеризованное поэтому можно воспринимать как производное ‘вредоносной асоциальности’ как ведущего показателя. С той оговоркой, что причинение вреда в отношении банды будет иметь более значимый и тяжелый характер, нередко к тому же намеренный. Для шайки эта особенность будет возникающим следствием производимых действий. В связи с чем можно было бы говорить о том, что, если банда по отношению к обществу в целом (не вдаваясь в подробности различения видов и целей различных банд), объективно и иногда субъективно, проявляет себя в деструктивно направленной деятельности и, тем самым, ее воздействие на структуры общества и его представителей имеет характер активный, серьезный и небезопасный, то для шайки подобное определение не подойдет. Не деструктивность, а неприятие общественно принятых норм, касающихся зарабатывания и приобретения, включая средства к существованию, не одобряющих достижение всего этого вследствие отторжения у других. Это будет определяющим в отношении шайки параметром.

Из чего получалось бы, что и банду, и шайку можно было бы в отношении стоящего за той и другой представления определять как ‘сравнительно немногочисленное (обычно, как правило) в количественном отношении объединение людей, организуемое примарно-равенствующим способом (наличие главаря), совместная целенаправленная деятельность кото-

рых имеет социально-вредоносный характер’. И это было бы основанием данной подгруппы:

Quant$^{/Non/Mag}$*(Populi)>Org(PrimAequal)>Act(Fin)>**Nocit(Soc)**.*

С указанным перед тем различением ‘деструктивно направленного’ в отношении банды (1) и ‘нарушающего имущественную, в первую очередь, неприкосновенность’ в отношении шайки (2), с ‘отбиранием в свою пользу ценностей у других’, ‘не только имущественных’ применительно к банде:

1) *Quant*$^{/Non/Mag}$*(Populi)>Org(PrimAequal)>Act(Fin)>Nocit(Soc)/**AdemptDestruct(Pret)**;*

2) *Quant*$^{/Non/Mag}$*(Populi)>Org(PrimAequal)>Act(Fin)>Nocit(Soc)/**AdemptViol(Pret)**.*

Не случайными и показательными в указанном отношении представляются приводимые в МАС в качестве иллюстративного материала для *банды* и *шайки* примеры. С явно просматриваемым деструктивно опасным акцентом для первой: *Диверсионная банда*. *Банда грабителей*. И художественный пример: *Обоих главарей волченорской кулацкой банды в тот же день увезли в город*. Марков, Строговы. И, что также, видимо, не случайно, большее разнообразие, передаваемое нередко в устойчивых словосочетаниях типа *шайка разбойников*, *разбойничья шайка*, *воровская шайка*, *шайка воров и грабителей*, *шайка хулиганов*, в примерах из литературы XIX века: [*Красавина*:] *Да вот еще, для всякой осторожности, надобно тебе сказать: шайка разбойников объявилась*. А. Островский, За чем пойдешь, то и найдешь. – *Вот недавно еще я читал в «Московских ведомостях», что в Москве целую шайку фальшивых монетчиков изловили*. Достоевский, Преступление и наказание.

Небезынтересным, в том числе и с позиции определяемой подгруппы, видится толкование слова *банда* в БТС (2000), выделяющем два значения: «**1.** Группа людей, совершающих грабежи, убийства, насилия и т.п.; шайка (1. Ш.; 1 зн.). *Б. грабителей*.». Опускается «Вооруженная» по сравнению с МАС, так же как и параметр «объединенная», однако указывается характер осуществляемых действий, подчеркивающих охарактеризованный перед этим направленный на объекты контактный характер взаимодействия, что в МАС не отмечалось.

Второе значение по БТС, в МАС отсутствующее, определяется как «**2.** *Разг*. О группе людей, действующих нечестно, противозаконно; об агрессивно настроенной, воинствующей группировке. | *Шутл*. О шумной, озорной ватаге. *Б. мальчишек*. *На танцы пошли всей бандой*». Опуская шутливый оттенок, отображенное как 2-е значение вполне укладывается в

представление о социально-вредоносном характере определяемой группы, разве что в первой части своей без параметра деструктивности, сближаясь, тем самым, с нарушающими неприкосновенность действиями шайки, *Viol*.

Что касается *шайки*, БТС ее представляет, в отличие от *банды*, довольно широким образом: «**1.** Группа людей, объединившихся для преступной деятельности; банда (1 зн.). *Ш. разбойников*. *Ш. воров*. *Ш. фальшивомонетчиков*. *Вступить в шайку*». Появляется опущенное при *банде*, по сравнению с МАС, определение «объединившихся», а также то для чего – для «преступной деятельности», что в МАС равным образом относилось и к шайке, и к банде, но без разбоя. Не указывается также возможный характер преступной деятельности, что давалось при *банде*, который, как следует из приводимых примеров, оказывается довольно разнообразен – разбой, воровство, подделка фальшивых денег. При *банде* таковой были грабежи, убийства, насилия и т.п.

Из чего получается то, что 1) специализация шаек в отличие от специализации банд много шире и при этом 2) не связывается в общем сознании непосредственно с нападениями с целью обогащения и наживы, сопровождаясь (или не сопровождаясь) убийствами и насилием (параметр контактного взаимодействия с объектами банды), мало этого 3) подобного рода действия шайке в целом не свойственны, хотя вероятны и в принципе не исключены (*Ш. разбойников*), а поэтому 4) то, о чем ранее говорилось: банда по характеру своей деятельности много более опасна, чем шайка, в связи с чем не случайно 2-е значение по БТС допускает во второй своей части воинствующий характер агрессивно настроенной группировки.

Для сравнения, 2-е значение в БТС для *шайки* выглядит менее грозно, не предполагая к тому же, как это было у *банды*, нечестность и противозаконность. Речь в данном случае идет о другом: «**2.** *Неодобр*. О компании людей, объединенных общими интересами. *Ш. дельцов*. *Одна шайка-лейка* (о людях одних взглядов, одного поведения)».

Тем самым, акцент, а также ведущее направление и внутренний семантический потенциал в отношении 'банды' обращается, концентрируясь, вокруг совершаемых действий, оцениваемых как проявляемые вовне, на других, нарушающие их положение, состояние, личную неприкосновенность, благополучие или (как в примере с озорной и шумной ватагой) спокойствие.

Акцент и ведущее направление, а с этим и семантический потенциал для 'шайки' воспринимается по-другому. БТС подчеркивает его показате-

лем объединенности: «Группа людей, объединившихся для преступной деятельности»; «О компании людей, объединенных общими интересами». В связи с чем можно было бы говорить о направленности не столько вовне, сколько на себя, для сплочения, объединения ради совершения какой-то задуманной деятельности. И при этом, опять же в отличие от банды, занимающейся грабежами с убийствами и насилием и т.п., эта деятельность шайки может иметь и нередко имеет специализированный характер – воровство, разбой, подделка денег, ценных бумаг и т.д. 2-е значение это подчеркивает: общие интересы, поведение, взгляды.

В известном смысле подобный характер соотношения отмечался и применительно к 'секте' и 'миссии', определяясь как экстравертный (для 'миссии'), распространяющийся, расширяющийся, выходящий вовне, направленный на других, и интровертный, направленный на себя, в себя включающий и поглощающий (для 'секты'). Между бандой и шайкой, точнее стоящими за той и другой представлениями, можно усматривать нечто подобное.

Тем самым, в сознании имеется представление о существующих в реальной действительности а) группах людей, б) объединяющихся для совместной деятельности, в) наносящей вред и ущерб, г) как общественного, так и личностного характера, д) в целях, как правило, обогащения е) путем незаконного присвоения ценностей с отторжением их в свою пользу. Группы эти, продвигаясь по представлениям о них в сознании далее, могут действовать агрессивным, воинственным, истребительским образом, направленным непосредственно на других, нарушая их физическую и экзистенциональную целостность. И могут действовать не воинственно, скрыто и не агрессивно, не обязательно при этом направленно на людей, специализируясь в каких-то своих областях, нарушающих достояние общества и коллектива.

Данные положения можно развертывать и развивать, не имея при этом в виду их конкретной реализации в виде представлений о 'банде' или о 'шайке' либо о чем-то подобном другом. Мало этого, то, что дается в значениях *банды* и *шайки* по словарям (это касается и всего остального), с одной стороны, не всегда до конца воспринимается и осознается носителями языка в их составе и различениях, вызывая вполне понятную трудность при объяснении (в значительно меньшей степени при употреблении). А с другой, представления эти о том и другом, согласуясь с тем, что имеется по их поводу в реальной действительности, не полностью совпадают, мо-

гут быть шире, могут быть у́же, могут быть более отвлеченными, равно как и более конкретизированными, по сравнению с теми, которые с помощью слов в их значениях словарями отображены.

В этом месте неизбежно подходим к сакраментальному для языкознания вопросу, на который часто ответа нет, по крайней мере, сколько-нибудь очевидного и однозначного. Что́ конкретно подразумевается при употреблении слова в речи, что именно называется им? Совпадает ли, а если не совпадает, то в чем, значение употребления, кем-то, в каком-то контексте, в той или иной ситуации, с тем значением, которое принято воспринимать как общеизвестное и узуальное? Если, необходимо добавить, это значение может быть до конца неотчетливым и не во всех своих признаках очевидным для говорящего. Приблизительность восприятия им значений у слов своего языка всегда неизбежна.

И тогда, называя что-то в реальной действительности с помощью слова, имеющегося в языке, говорящий субъект в своей речи а) отражает и передает, как правило и в основном, свое представление о данном объекте, как общее, так и ситуативное, которое б) далеко не всегда покрывается с представлением о том же объекте у его собеседника, что само собой разумеется, но не это предмет рассуждений, равно как и с тем, которое можно вывести из определений семантики употребленного слова по словарям.

Из чего неизбежно следует вывод (на что обращалось внимание неоднократно) о том, что более или менее общеизвестные и воспринимаемые общим сознанием как узуальные представления далеко не всегда, а тем более не напрямую, можно видеть соотносимыми с представлениями, выводимыми из значения слов. А потому и слова в их значениях, в том числе и употребленные в речи, представления эти могут не отображать. Равно как и то, что сами эти более или менее общеизвестные представления, как в общем, так и не в общем сознании, могут быть подвижны и переменчивы, до конца в своих признаках не отчетливы, отвлеченны, не оформлены и не определены.

Нечто к подобному роду деятельности относящееся

Возвращаясь к рассмотренной и выделенной на основе представлений о 'банде' и 'шайке' подгруппе с определяющим показателем вредоносной по отношению к обществу деятельности, *Nocit(Soc)*, с учетом отмеченных оговорок, а потому и несколько формализуя изучаемый предмет, можно было бы к ней относить то, что способно себя выражать такими словами, из выбранных, как *братва* (*братки*, ‘бандитская группировка’, жарг.

значение, развившееся у слова в последнее тридцатилетие), *братья-разбойники, вольница* (о группе людей, допускающих асоциальные действия[36]), *волчья стая* (в знач. группы шатающихся по дорогам и деревням, грабящих, нередко и убивающих), *вольные люди, казаки-разбойники, литва* (стар. ‘разбойничьи шайки’).

«То, что способно себя выражать» крайне важное в отношении разбираемой предметно-понятийной области положение, поскольку речь идет лишь о той семантике перечисленных единиц, которая связана с определившими себя для данной подгруппы признаками ‘вредоносной по отношению к обществу деятельности’ (при всем перед тем остальным, см. приведенную ранее формулу). А не о том, что возможно в своем отражении с их помощью как другое. При том, и это также будет весьма существенным, что, называя какую-то группу людей, объединенных для указанной деятельности, *братвой, братками, вольницей, волчьей стаей* и пр., говорящий не только передает к называемой им группе свое различное отношение, но и подчеркивает, выделяет, сознательно или нет, в каждом случае признак (признаки), становящийся характеризующим. Та же самая, хотя бы только по видимости, группа людей предстает в разном свете и своем собственном повороте.

Данное положение, общепонятное и известное, потребовалось для того, чтобы выделить то, что будет в себе содержать возможные направления, или векторы, позиционных проекций общего компонента *Nocit(Soc)*, ‘вредоносной по отношению к обществу деятельности’. Либо, что необходимо также добавить, не обязательно данного компонента, но и какого-то из возможных других в общей формуле. Выделить, отвлекаясь от выражающих его единиц, но на их основе, поскольку другая основа, не опирающаяся на значения слов, вероятная и допустимая, была бы не столь очевидна.

При этом общий по своей внешней видимости компонент *Nocit(Soc)* может быть затенен, отодвинут, не выдвинут и, присутствуя, не актуален, а актуальным и выдвинутым станет другой. Поскольку в слове, что неизбежно, точнее проводя себя через слово, отображается как отношение, так и само вероятное представление говорящего об объекте. Одно дело назвать определяемую вредоносную группу *бандой* (*молодчиков*) или *воинствующей группировкой* и другое дело *братками, братвой*. И позиция говоряще-

[36] Ср. у Даля: «***Вольница*** … вольная братія, гулливая толпа, скопище шаловливой молодежи; своевольная, буйная, шайка … || *Вольница* также разбойники».

го будет разная (извне / изнутри), и отношение к группе, и, что самое главное, не совпадающие в каждом из этих случаев о ней представления.

Такими указанными проекциями, или векторами, направлениями, не то, чтобы уточнения, а скорее, акцентировки для общей формулы и, соответственно, для стоящего за ней и ею отображаемого представления были бы, если отталкиваться от перечисленных слов:

- с акцентом на равенствующие отношения, устанавливаемые или воспринимаемые как таковые говорящим субъектом, формирующие представление (им выражаемое) о собирательно-групповой (для 'братвы') либо контактно-непосредственной, личной близости (для 'братки'), что в общей формуле получало бы отображение в виде *Org(Prim**Aequal>GregFamil**)* или *Org(Prim**Aequal>PrivatFamil**)* при открывающем компоненте левой части *Quant*$^{/Non/Mag}$*(Populi)* и всем дальнейшим справа, т.е. *Act(Fin)* и далее *Nocit(Soc)*, как определителе для подгруппы, реализуемом, если преступная группировка действует наподобие банды как *AdemptDestruct(Pret)* и *AdemptViol(Pret)*, если подобна шайке (см. описание двух этих формул ранее);

- с акцентом на предоставляющую "волю" участникам принадлежность к разбойной группе, а точнее, свободу от накладываемых обществом поведенческих ограничений, реализуемых в деятельностном компоненте *Act(Fin)*, опять же собирательно-группового характера ('вольница'), либо рассредоточено-обособляемого, по принципу ‘вместе, но при этом для каждого’ ('вольные люди'), что, распространяя указанный деятельностный компонент, можно представить в виде *Act(Fin)>**Licent(Greg)*** и *Act(Fin)>**Licent(Omnis)***;

- с акцентом на определяющую для данной группы жестокость и беспощадность действий совместно себя направляющего и взаимно подогревающего, поощряющего характера ('волчья стая'), что, являясь следствием признака организованности, *Org(PrimAequal),* с одной стороны, как позволение и допустимость, с другой, непосредственно проявляет себя в заключительном компоненте лишения, отбирания, *Adempt*, получающем дополнительный стимул в виде экстраординарной, особой, свирепости, что находило бы свое отражение в формуле в виде:

...Org(PrimAequal)>Excit(Commut)... ***AdemptFerus(Extraord)****<Destruct(Pret)*.

Что касается трех оставшихся единиц (*братья-разбойники*, *казаки-разбойники* и *литва*), не попавших в представленное подразделение, их положение в отношении выделенных направлений дальнейшего уточнения

можно свести к уже выделенным для 'братвы' и 'братков' (для первой) и для 'вольницы', 'вольных людей' (для второй и третьей). Отчасти в силу их устарелости (*вольница* и *вольные люди* также, кстати, устар.), отчасти, по той же самой причине, как основание некогда бывшего, но забывшегося впечатления, получившего свое выражение в том, что развилось впоследствии.

Отличие представления, заключенного в 'братьях-разбойниках', от 'братвы' и 'братков', в отношении характерного для тех и других "разбойно-семейного братства", можно видеть в условно присутствующей позиции говорящего. При оценивающем и воспринимающем взгляде извне (для первого) и таком же, но от себя, изнутри (для второго и третьего). Не случайно в публицистических текстах последних трех десятилетий можно заметить нередко тенденцию при описании соответствующих группировок так называемое закавыченное употребление в отношении *братвы* и *братков* (как слов), отмечающее положение, которое следует воспринимать «с их позиции», «как сами они о себе говорят, как себя называют».

Сказанное, применительно к формуле в ее организующе-равенствующем компоненте получало бы несколько измененный вид, а признак близости в группе, *GregFamil*, заменялся бы признаком группового братства-товарищества: *Org(Prim**Aequal>GregSodal**)* при сохранении в ней всего остального.

Позицию 'казаков-разбойников' и 'литвы' в их отличии от 'вольницы' и 'вольных людей' также можно воспринимать как смещенную не слишком значительно. Если первое представляет своего рода вольно-разбойный характер, допускающий "волю" как групповым, так и общеорганизующим положением себя освободившего люда (казаки-разбойники), то второе (литва), при таком же взгляде со стороны, характерном для всех четырех единиц, видит в этой организованной вольности, точнее подчеркивает, не управляемый, враждебный, поскольку исходно чуждый и инородный характер.

И тогда компонент их воинствующе целенаправленной деятельности, *Act(Fin)*, устремляющийся к *Nocit(Soc)/AdemptDestruct(Pret)*, предполагающий свободу действий как "групповую" (все)дозволенность от себя, *Licent(Greg),* получал бы вид, для 'казаков-разбойников', объединяющий положением "общинный" характер: *Act(Fin)>Licent(Commun)*. А для 'литвы' – неуправляемо-чуждый: *Act(Fin)>Licent(SubitHostil)*.

Отмеченные особенности на основе просмотренного для подгруппы с 'бандой' материала подводят к следующим уточнениям. То, что характеризовалось в виде векторов или направлений в отношении исходно общей формулы как типологизирующей дефиниции подгруппы, приходится оставить для имеющего отношение к сознанию вне реализации в представлениях, стоящих за значениями слов. Эти последние, т.е. представления, стоящие за значениями слов, проявляют себя не в виде векторов и направлений мысли, а в виде признаков, усиливающих, дополнительно характеризующих, уточняющих и проецирующих имеющееся в типологизирующей дефиниции, распространяя те или иные компоненты общего состава.

Представления, стоящие за значениями слов (на что, впрочем, ранее внимание обращалось), далеко не всегда в предполагаемо распространяющих их признаках ясны, очевидны и могут быть каким-то более или менее однозначным образом определены. В связи с чем то, что получило отражение при описании, следует рассматривать как допустимо вероятное, но не единственно возможное решение, предполагающее уточнения, не обязательно осознаваемые, а иногда и не присутствующие в сознании тех или иных носителей языка.

И, наконец, еще одно, себя обнаруживавшее наблюдение, связываемое с актуализацией имеющихся представлений во времени, воспринимаемом исторически. На примере 'вольницы', а с нею 'вольных людей', 'казаков-разбойников', 'литвы', можно было вроде бы отметить стертое, ушедшее в пассив, если не прямо забытое для современности, представление о предоставляемой "разбойной" группой поведенческой свободе. Совместной, общей, всех и каждого, от накладываемых обществом ограничений. Отметить это можно было бы, поскольку перечисленные единицы вышли из активного употребления и устарели.

Однако трудно было бы признать отсутствие указанного представления в сознании как несовременного. Представление это, несомненно, есть, но либо выражает себя с помощью других языковых и словесных средств, приводить и анализировать которые не было задачей. Либо содержится в употреблениях таких, скажем, единиц, как *братки, братва*, а также *банда, мафия, группировка* и др., для которых данный признак в узуальном отношении не ведущий. Сюда можно было бы добавить единицы и других подгрупп, типа *шобла, ватага, шарага*, плюс названия с представлениями за этим неформальных молодежных группировок, для которых выделенный как типологический компонент *Nocit(Soc)* не является характеризующим.

В существенное дополнение к сказанному следует отметить также то, еще раз подчеркнув, что то, что имеется, присутствуя в сознании, в виде разбираемых представлений, стоит рассматривать как самостоятельную, по крайней мере в аналитическом смысле, сферу, не прямо связанную с представлениями, стоящими за узуальными значениями слов и единиц языка.

И, наконец, еще одно себя обнаружившее наблюдение, касающееся, с одной стороны, 'братьев-разбойников' и, с другой, 'братвы' с 'братками', что было выделено и на что указывалось при разборе. К этому следует добавить и 'казаков-разбойников' с 'литвой'. Речь идет о возможном, но не обязательном, изменении во времени позиции характеризующего признака в представлении (не во времени – для 'казаков-разбойников' с 'литвой'). Позиции с точки зрения говорящего, т.е. носителя языка, выражающей себя в словах, точнее отображающей себя через слова, в отношении называемого им в речи явления или объекта. Позиция эта, как можно было увидеть, способна оказаться, проявившись, внешней, как позиция, отношение и оценка со стороны ('братья-разбойники') и как позиция, отношение и оценка изнутри ('братва' с 'братками'). Как позиция, в ее отношении и оценке, не своего, чужого, чуждого, инородного и неуправляемо-враждебного ('литва'). И как такая же позиция, но своего и, хотя такого же неуправляемо-разгульного, но одобрительно-сочувствующая и насмешливо-поощряющая ('братья-разбойники').

Единицы с параметром объединяющей деятельности

Остальные стоящие за выбранными словами представления рассмотрим не в соединениях, а по отдельности. Если же сходство, которое можно будет описывать как типологизирующее, станет себя проявлять, объединение таких представлений будет даваться по ходу либо в конце.

Рассуждения о 'монастырской братии'

Следующей единицей, отобранной в общую группу с 'артелью', определяемую параметром совместно осуществляемой деятельности при примарно-равенствующей организации состава, будет (*монастырская*) *братия*. Первое, над чем следует и необходимо задуматься, не отвлекаясь при этом от значения единицы, поскольку, как ранее говорилось, к характеристике представления, того либо иного, для сознания, не обязательно языкового, неизбежно приходим с опорой на существующие и определяющие их единицы, – таким существенным для всего дальнейшего будет, на

что уже также внимание обращалось, тот признак (признаки), который можно и нужно воспринимать как ведущий, определяющий, основной. Основной для понимания и выявляемого представления.

Рассуждая последовательно, монастырская братия воспринимается как какое-то не чересчур многочисленное в количественном отношении число людей, представителей мужского пола (представительниц женской обители *монастырской братией* не назовут), находящихся в монастыре, а следовательно, ушедших от мира, подчиняющихся монастырским правилам и поставленному над ними либо выбранному ими самими игумену. Характеристика эта неполная и поверхностная и к тому же внешняя, т.е. светская, не с позиции пребывающих в монастыре. Однако именно это и составляет основу искомого представления.

То, что было показано, сразу следует оговорить, не содержит необходимый ведущий признак. Характеризуя монастырскую братию как таковую, в отношении имеющегося примерного знания о ней, трудно говорить о признаке или признаках, который либо которые, обусловливая необходимое нам представление, могут и должны бы восприниматься как определяющие. Знание о том, что такое есть монастырская братия, это одно, а другое то, в чем состоять будет та специфичность, которая отличает не монастырскую братию и не представление о ней, но то, что за всем этим стоит, чего проявлением может быть и может также не быть монастырская братия. По сравнению, необходимо добавить, с чем-то подобным, но не таким.

Иными словами, определяя в последовательности выведенный перед этим состав а) относительно небольшой, сравнительно (с многолюдством и многолюдьем большого количества), группы, объединения людей, а поскольку объединения, то связанных между собой какими-то общими для всех отношениями и представляющих, следовательно, какое-то целое или единство; б) организованных примарно-равенствующим образом, предполагающим старшего, старших, при равенстве между собой остальных, равно как и равенстве каждого в подчинении старшему (старшим); в) имеющих как такое объединение совместно всеми в него входящими какой-то род или вид целенаправленной деятельности, – далее следует подходить к тому, что отличает, характеризуя собой, этот род или вид выполняемой ими деятельности от всех остальных, содержащих в составе своего представления те же позиции (а), (б), (в).

Тем самым, как выходит из сказанного, необходимо искать, в первую очередь, то, что дифференцирует представление, способное отражать себя в семантике *монастырской братии* как единицы русского языка, от представлений иного рода. Так получалось, и это нашло свое отражение при анализе, проводившемся перед этим, что специфичность возможного представления, о котором речь, находит свое выражение главным образом в характере, виде, роде, осуществляемой совместно деятельности. Все остальные допустимые и вероятные признаки упомянутой специфичности дополнялись, входя и определяя собой другие, к спецификации деятельностного компонента *Act(Fin)*.

Из чего будет следовать положение, тем обусловленное, что представление, о котором ведется речь, способное себя выражать в семантике *монастырской братии*, не обязательно при этом актуализируемое в сознании в ее составе (этой самой семантики), должно быть соотносимым с представлениями той же подгруппы (с 'артелью'), с объединяющими показателями, перечисленными в (а), (б), (в). А тогда указанные в самом начале характеристики 'монастырской братии' как именно монастырской братии для сознания оказываются не то, чтобы не актуальными, но лежащими в иной плоскости и воспринимаемыми в другой связи.

Рассуждая опять же последовательно, задумаемся, прежде всего, над тем, что́ будет важно для определяемого представления. То ли, что данное объединение людей состоит исключительно из представителей мужского пола? То же самое характеризовало бы, в принципе, если не исключительно, то предпочтительно, также и банду, шайку, братву, братков, братьев-разбойников и пр. из рассмотренного, однако не было бы, может быть, столь актуальным. Поскольку одно дело мужской монастырь с его изначально определенной по признаку пола спецификой и другое – все остальное из перечисленного, где этот признак исходно не предопределен. Из чего получается, что указанный признак, если и не ведущий, то по отношению к ведущему дополнительно фоновый.

То ли что, продолжая последовательность, данное объединение представителей мужского пола, как правило, взрослых, что, может быть, стоит добавить, поскольку детям в мужских монастырях не положено пребывать, обретается в выбираемой ими добровольно и законом монастыря полагаемой изоляции от всех остальных (изолирующий признак был характерен также для секты, но, по всей видимости, в этом случае будет другим)? Изоляции, которая предполагает особый характер совместно осу-

ществляемой деятельности, состоящей в строго регламентированном распорядке дня, с молитвами, песнопениями, непременным участием в ежедневных богослужениях, чтением литературы исключительно религиозного содержания, прежде всего канонической, а также работой, физической и интеллектуальной, как в виде занятия, положенного каждому, так и нередко ради самообеспечения данной группы.

Многое из перечисленного, помимо всего того, что предполагает отдание себя Богу, а также работы по обеспечению, касается не только монастырской, но и воинской службы, а также тюремно-лагерной изоляции. В связи с чем специфическое в отношении братии концентрируется на богослужебном характере отделенного ото всех пребывания.

При том, что все это, так или иначе, определяет называемый характеризуемой единицей объект, не оно будет, как следует предполагать, составлять ведущий, дифференцирующий признак искомого представления. В связи с чем еще раз стоит напомнить о том, что представление о конкретном реальном объекте, монастырской братии в разбираемом случае, представление о значении называющей данный реальный объект единице и представление об объединении, способное в значении называющей тот или иной объект единицы себя воплотить, – все эти три представления соотносятся между собой, но не прямо и не симметрично.

Задумываясь над представлением, о котором ведется речь (о монастырской братии), приходим к выводу, что специфичность данного объединения для сознания и, следовательно, определяющий признак о нем представления, необходимо все же искать в другом. Не оставляя, добавить следовало бы, всего того, что было до этого обозначено, воспринимать это имело бы смысл как признаки сопровождающие и присутствующие, а не ведущие. То, что стоит за собственным представлением применительно к монастырской братии, а точнее объединения людей, в ней себя отражающего, можно было бы воспринимать в развороте особого рода связующих отношений между людьми, особого рода взаимодействия между ними.

Нельзя сказать, чтобы отношения эти были какие-то особенно сплачивающие или особо близкие, скорее, их можно воспринимать, в первую очередь, как связующие. По условиям бытования, по характеру ежедневно осуществляемой всеми деятельности, по постоянному пребыванию в объединяющей их закрытой совместности, по отношению к стоящему над всеми старшему, которому следует быть послушным и подчиняться ему во всем, по виду совместного времяпрепровождения, замкнутого стенами мо-

настыря и подчиненного распорядку, с трапезованием, обязательным участием в богослужениях, песнопениями и пр. Можно было бы также сказать, что объединяет их также отказ от мирского с отданием себя Богу, однако это не видится признаком характеризующим.

Представление, о котором речь, определяется той и такой связующей братьев близостью, которая, не оставляя выбора и не предоставляя иной возможности, вынуждает их (что будет мотивирующим, но не до конца осознаваемым и потому не присутствующим обоснованием), предполагая их постоянную предоставленность самим себе в своем круге, к взаимопонимающему, скажем так, взаимоучаствующему на равных взаимодействию (тавтологичность в данном случае показательна). Соединяет, сплачивая данную группу, но не в особенный вид товарищества, о товариществе трудно было бы в данном случае говорить, а в такую особую группу, которая в этом взаимодействующем соучастии, вследствие обособленности и изоляции, отделения ото всех остальных, вырабатывает, создает, формирует тот особенный интровертный тип отношений, который, отображая себя с помощью представления, в частности, о монастырской братии, можно охарактеризовать как ‘контактно замкнутый на себе эксклюсив’.

Особенностью, специфической чертой подобного признака необходимо считать неизбежную по условиям самодостаточность, предполагающую не столько взаимодействие, сколько не передаваемое словами понимание друг друга, но понимание не в смысле сочувствия, а экзистенции, проживания со всеми последующими из этого положениями, касающимися потребностной, волевой, эмотивной, интеллектуальной, акциональной и, в том числе, коммуникативно-контактной сторон.

Отличием данного признака монастырской братии в определяемом представлении от подобных других, скажем, таких, как тюремно-лагерное, молодежное групповое, хулиганское "братство" и пр., также живущих своими законами, отображающимися в условиях добровольно и недобровольно их отделяющей от других изоляции, что влияет на свойственный им характер (для каждого свой) коммуникативно-экзистенциальной обособленности, – таким отличием можно считать понимающий (но не сочувствующий) тип контактно-замкнутого, обращенного на себя, эксклюсива связующих отношений. В то время как для перечисленных "братств" его можно было бы определять не как понимающий, а как знающий (без уточнения всего остального возможного и дальнейшего).

Иными словами, поскольку определению все это поддается с трудом, касаясь, в первую очередь, чувственно не выражаемой сферы, если для типа, охарактеризованного как ‘понимающий’, свойственно подключение к общему и включение каждого "брата" в сферу себя, с равнодействующим переносом себя, своей сферы на каждого "брата" и на сферу каждого "брата", то для типа, охарактеризованного как ‘знающий’, ничего такого не следует выявлять. Знающий тип полагать будет знание о положении другого, таком же, как и мое, но без включения и перенесения. Каждый из представителей подобного "братства" живет сам в себе, для себя, соответственным образом себя воспринимая и чувствуя, вступая во взаимодействия с остальными на тех же эмоциональных и всех прочих условиях, что и вне данного круга, в проекциях общей общественной жизни.

Объединять будет данные группы совместное пребывание, общая деятельность, интересы, позиция, отношение ко всем остальным, не являющимся представителями данной группы, а не "понимающее" включение, внесение брата в себя и перенесение себя на брата. *Понимать* в разбираемом случае более точно было бы воспринимать в первоначальном значении как *поять* и *приять*. Или, иными словами, опять же ‘вобрать, включить в себя как часть своего эмотивно-экзистенционального "организма"’ (без метафорики в данном случае не обойтись).

Исходя из сказанного, искомый для определяемого представления признак, при его сочетании с ранее выделенными другими в отношении условий совместного "монастырского" пребывания (как особого типа замкнутого изолятива с предоставленностью в своем круге самим себе), – признак этот, точнее призначный составной компонент, можно было бы характеризовать как ‘"понимающий" (в указанном смысле), эмотивно включающий другого и каждого, контактно замкнутый эксклюсив’, что получало бы выражение в формуле в виде

Sens(EmotInsert)<Exclus(ContactPraeclus).

С добавлением к этому "монастырского" места отделенно-изолятивного постоянного пребывания, обусловливающего подобное положение каждого. *Монастырское* воспринимая как деятельностно и экзистенционально предопределенное, в смысле богослужения и работы (иногда богослужения как работы и наоборот), состояние в нем пребывающих. Выражалось бы это для формулы в соответствующей позиции в виде *ActExist(Loc)<Cond(TheoFamulLabor).* В общей формуле это выглядело бы как

Quant$^{/Non/Mag}$*(Populi)>Org(PrimAequal)>ActExist(LocFin)<Cond(TheoFamulLabor)>*
>Sens(EmotInsert)<Exclus(ContactPraeclus).

Из чего получалось бы, что, при ведущем (отмеченным полужирным шрифтом) призначном составном компоненте для сенситив-эксклюсива, условия состояния, связываемого с богослужением и работой, *Cond(TheoFamulLabor),* влияют и связывают собой, оказываясь центральными, и на характер экзистенционально обусловленной местом и целью деятельности, *ActExist(LocFin)*, и на проекцию самого сенситив-эксклюсива, определяемого в отношении эмотивного включения-подключения и контактной замкнутости (контакт-преклюсива).

Если снять идею служения Богу, искомое представление будет соотноситься в составе своем не исключительно с представлением о монастырской братии, но и с чем-то близко подобным другим, а также и с монастырской братией, но без акцента на богослужении как определителе производимой деятельности. И тогда соответствующий компонент получил бы вид *Cond(FamulLabor)* либо *Cond(Labor)*, с опущением богослужения либо служения при сохранении идеи работы.

Параметры к определению 'бригады'

Признак работы в составе определяемой формулы и, тем самым, соотносимого с ней представления будет себя проявлять в отношении следующей из выбранных единиц – 'бригады'. В связи с чем необходимо установить, во-первых, какое место и в составе какого из компонентов данному признаку следует отвести. Во-вторых, какого рода и вида эта работа, если это имеет значение, и надо ли данное определение ее вида в состав компонента вводить. И, в-третьих, поскольку бригада по многим признакам своего проявления соотносима с артелью, рассмотренной ранее, видится необходимым решить вопрос о возможном их разграничении.

Прежде чем все это определить, с тем чтобы выйти на более обобщенный уровень, как это было сделано перед этим для 'монастырской братии', воспринимая показанное как представление, за которым не обязательно и не исключительно может стоять 'бригада', но и что-то другое подобное, собственно говоря, не стоять, поскольку то представление, о котором речь, отражает мысль об объединении людей, характеризующихся определенными признаками, без непременного уточнения, что это именно и как в языке называется, – прежде чем все это как-то решить, оттолкнемся, как это делалось также и раньше, от определения в словаре.

Бригада в МАС имеет два значения (ограничимся ими, не входя в сопоставления и не углубляясь, тем самым, в проблему возможных оттенков смысла): «**1.** Войсковое соединение, состоящее из нескольких полков, батальонов или батарей, а во флоте – из нескольких однотипных военных судов. *Танковая бригада*. *Бригада торпедных катеров*. **2.** Производственная группа, выполняющая определенную коллективную работу. *Комплексная бригада*. *Тракторная бригада*. *Огородная бригада*. || Личный состав, обслуживающий поезд. *Поездная бригада*».

Бригада в первом значении в данном месте не будет нас интересовать в силу того, что она представляет не объединение (сравнительно немногочисленное, необходимо добавить) людей, организованных примарноравенствующим способом ради совместной целенаправленной деятельности и т.д., что является объектом анализа, а соединение соединений, складывающихся из других, более мелких соединений, в конце которых, наконец, появляются люди. Иными словами, это организованное в определенном делении и порядке иерархическое, с представлением об одном в другом, построение.

Что касается второго значения, то работа как признак, о котором говорилось до этого, характеризуется как «определенная» и «коллективная». Под первым следует понимать то, что бригада осуществляет приписываемую ей работу, для выполнения которой она предназначена, организована и создана, но такая работа у каждого вида бригады будет своя. По характеру совершаемой работы (что можно видеть из приводимых примеров) бригада и определяется. В отношении признака «коллективная» следует полагать, что работа, о которой речь, в равной мере, распределяясь в специализации и заданиях, совершается одновременно всеми, а такое совместное совершение предполагает общий для всех достигаемый результат как задание.

Существенным в разбираемом отношении видится признак при слове *группа*, т.е. то, что она *производственная*. Следовательно, ее работа предполагает в качестве результата какой-то продукт, бригада вследствие осуществляемой ею деятельности что-либо производит. Исключением из этого правила будет оттенок опять же второго значения, представляющий личный состав поездного обслуживания. Такая бригада продукта не производит и результатом ее *производственной* в смысле осуществления, совершения, но не производительной, т.е. вырабатывающей, деятельности не будет создание чего-то принципиально нового в виде какого-то артефакта.

Из сказанного получается, что работа 'бригады' как представления, предполагая исходно дифференциацию по видам осуществляемой деятельности, не может быть вместе с тем по характеру этой деятельности определена. Характеризовать подобное положение следовало бы, обращаясь к показателю вида работы, того или иного, какого-то, для каждого вида бригады (приходится повторить слово *вид*) своего, но не общего для различного вида бригад.

Место определяемого видового параметра для работы в общей формуле в отношении 'бригады' следует выводить из компонента целенаправленной деятельности, *Act(Fin)*, с чем уже приходилось сталкиваться на примере других единиц. Выглядело бы это следующим образом:

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>Org(PrimAequal)>Act(Fin)>\mathbf{Labor(Determ/Prod/)}.$$

И, тем самым, *Labor(Determ)*, т.е. детерминируемый вид совершаемой работы, становился бы призначным компонентом, характеризующим ту или иную бригаду как разновидность объединения, группы лиц, осуществляющих общую деятельность, производительную либо другую. Обычно производительную, но не обязательно и не всегда, на что указывает помещение признака */Prod/* между косыми скобками.

Отличие от 'артели' можно усматривать в том, что 'артель' в своем представлении концентрируется на осуществлении профессиональной деятельности группой лиц, объединяющихся для этого по договору, с общей ответственностью и разделением получаемых доходов. Акцент при таком повороте падает не столько на производственную или производительную по своему виду работу, сколько на то, что это объединение в хозяйственном и юридическом смысле самостоятельное, определенным образом самодостаточное, не входящее в большее и не относящееся к нему. Бригада подобными признаками не обладает, не будучи самостоятельной и к какому-то большему объединению, действующему в общем с ней направлении, относясь. Показать это в формуле можно было бы с помощью уточнения компонента целенаправленной деятельности в отношении дополнительного показателя *Major*, т.е. *ActMajor(Fin)*.

Так же как, если возвращаться к уточняющему определению 'артели', в состав ее формулы можно бы было вводить показатель деятельностной самостоятельности, *ActLiber(Fin)*. Что, впрочем, делать не обязательно. Во-первых, в силу того, что для общего представления об 'артели' в языковом и не только языковом сознании данное ее положение не лежит на поверхности, нередко также и малосущественно для него. И, во-вторых, потому,

что это был бы признак, характеризующий не только 'артель', но и любую профессиональную организацию на примарно-равенствующих основаниях и сравнительно немногочисленную, действующую как самостоятельный коллектив (*кооперация*, *кооператив* для примера). Иными словами, будучи обобщенным, к 'артели' собственно и как таковой это не относилось бы.

Говоря о названной обобщенности, что видится важным с учетом рассматриваемого предмета, имеющееся в сознании представление вне различного рода бригад, равно как и вне 'бригады' как формы объединения лиц для какой-то работы, можно видеть и, соответственно, воспринимать как ‘сравнительно немногочисленную в количественном отношении группу лиц, организуемую на примарно-равенствующих (возможно, также дифференцируемых в подчинении) основаниях, являющуюся частью объединения большего (что хорошо было видно на примере *бригады* значения первого в МАС), предназначенного для осуществления определенного вида производительной / производственной деятельности, выполняющую ей назначаемый этим объединением вид работы, по которому данная группа может быть определена’.

Существующее в сознании представление, следовательно (что приходится повторить), до своей реализации в представлении, стоящем за значением слова, имеет не связанный с этим значением вид, хотя формируется, возникая как результат обобщения знаний об объектах действительности, а также словах, в их значениях, таковые объекты собой называющих.

О единицах не только того же параметра

Оставаясь на уровне характеризуемого обобщения, зададимся таким вопросом, имеющим, прежде всего, не столько описывающий, сколько теоретизирующий характер и, соответственно, смысл. То представление, которое стоит в сознании за 'ватагой' (продвигаясь по выбранным единицам дальше), 'громадой', 'стадом' (имея в виду людей), будет ли общим и можно ли его как общее воспринимать?

Так же как, объединяя последующие остающиеся не рассмотренными единицы, будет ли общим, еще одним, представлением то, что стоит за 'взводом', 'войском', '(военной) дружиной', '(воинским) отделением', '(военной) командой', 'отрядом', 'ратью', 'казачьей сотней'? 'Студенческой группой', 'классом (в школе)'? 'Пионерской дружиной', 'пионерским звеном', 'октябрятской звездочкой', 'пионерским отрядом'? 'Кагалом', 'коммуной', 'общиной'? 'Кланом', 'племенем', 'родом', 'семьей', 'семейством'? 'Караваном', 'колонной'? '(Производственным) коллективом', 'колхозом'? При от-

дельности в этом ряду представлений, стоящих за 'делегацией', 'комитетом', 'паствой', 'публичным домом', 'стаей' (о людях), 'товариществом'.

При ощутимом наличии в каждом из выделенных рядов внешне общего основания, что видится важным учитывать, поскольку это воспринимается общим сознанием, что́ их далее будет в этих рядах, включая и выходя в обобщенное и при этом не только внешнее представление, объединять? И будет ли объединять? Всегда ли это будет охарактеризованный как общий параметр целенаправленной деятельности, т.е. все тот же *Act(Fin)*? И деятельности ли? А если не деятельности и не для каждого ряда, тогда чего?

Однако пойдем по порядку, не углубляясь на данном этапе в подробности, исключительно в поисках общих и различающих оснований, с опорой на семантику слов, но при этом от нее в обобщениях отвлекаясь. Зададимся для начала двумя вопросами, на примере первого в первом ряду представления о 'взводе'. То, что можно ему приписать в качестве объединяющего основания входящих в данную группу людей, логично ли представлять как целенаправленную в каком-то своем направлении деятельность? И второе – с какой стороны и в каком себя определяющем отношении воспринимается то, что стоит за представлением о взводе как объекте реальной действительности?

Если деятельность понимать достаточно широко, как производимые, осуществляемые кем-либо действия, являющиеся частью более или менее постоянного и определяемого занятия, имеющего свою направленность, необходимость и цель, то, видимо, не будет противоречием взводу нечто подобное приписать. МАС определяет *деятельность* в интересующем нас значении как «**1.** Работу, занятие в какой-л. области». Не концентрируясь на представлении о работе, способном вызвать, в первую очередь, мысль о совершении каких-либо действий, направленных на достижение какого-то более или менее наглядного результата, интеллектуального, материального и т.п., а также к чему-либо предназначенных (в случае действий у взвода о каком-то таком результате, однако не предназначении, трудно было бы говорить), но обращаясь вокруг идеи занятия, понятие деятельности не будет ему не свойственно или чуждо.

Вместе с тем не деятельность будет важной для разбираемого случая и не этот параметр, не отрицаемый и где-то присутствующий, будет искомое представление определять. МАС (опять прибегаем к нему) характеризует *взвод* как «Небольшое войсковое подразделение (в пехоте, кавалерии,

артиллерии и др.) *Взвод автоматчиков. Стрелковый взвод*». Получается, что, с одной стороны, данная группа людей, относящаяся к военному делу и, в частности, войску, имеет, как правило, коллективно приписываемую ей специализацию, что можно вывести из приводимых примеров. И в то же время, с другой, представляет собой составной элемент или часть чего-то такого же и подобного большего, его включающего в себя, – роты, полка, дивизии и т.п.

Что будет важным для общего представления – то, что имеется характеризующая взвод специализация, или то, что это подразделение чего-то большего, а следовательно, его составная часть? Необходимо при этом иметь в виду, что, во-первых, мы рассуждаем не с точки зрения тех, кто имеет отношение к военному делу и войску и более или менее с данным предметом знаком. А во-вторых, также и не с точки зрения лексического значения слова, о котором не каждый носитель своего языка имеет довольно четкое и совпадающее со словарным определением воображение.

Еще одним важным параметром было бы положение о признаке ‘небольшое’ (в приведенной из МАС дефиниции). Так ли это или не так, оговаривая все то, на что обращалось внимание? В связи с тем, что речь, как уже отмечалось, не идет о тех, кто с данным объектом по роду своих занятий знаком. Также как и не об определении значения слова. А о приблизительном и довольно поверхностном, не знании и часто даже не воображении, скорее впечатлении и ощущении.

Если, к примеру, в языковом сознании, коль скоро о нем говорить, присутствуют такие стереотипные выражения (охарактеризуем их, не вдаваясь в подробности, именно так), как *Наготовила* (*наварила, напекла*) *на* (*целый*) *взвод* (о большом количестве приготовленного, так что не съесть одному или нескольким представителям данной семьи, также и приглашенным, пришедшим), сюда же (*Целым*) *взводом* (*столько*) *не съесть!*; *Да их тут прям целый взвод, как я вижу, собрался* (снова о довольно большом, а скорее, несколько или много большем, чем ожидалось, могло бы быть, количестве человек), *Мы тут к вам, можно сказать, целым взводом*; *Ходят за ней целым взводом* (о довольно большом количестве ухажеров), к этому также *Куда вы тут ломитесь целым взводом?*

Исходя из этих расхожих употреблений, типичных для разговорной речи (однако нельзя сказать, чтобы для определенной среды), трудно было бы в представлении о 'взводе' усматривать параметр ‘небольшое’ как показатель количества. С опорой на специальные знания, согласно которым

взвод состоит из нескольких десятков людей, в среднем, как правило, тридцати, то параметр ‘небольшое’, характеризуя его как воинское подразделение относительно много большего, для обыденных представлений и положений таковым уже не покажется.

Важным виделось бы при этом другое. Во-первых, говоря о количестве, затрагиваемый параметр можно было бы определять, но не как большое число само по себе, а как много большее, преувеличенно большее, чем можно, хотелось бы, следовало и т.п. ожидать. И тогда это был бы параметр субъективно воспринимаемого, а потому относительного и нередко эмоционально отмеченного, ‘большего, чем необходимо (для какого-то представления о норме), числа’. Показательным был бы также и часто встречающийся определитель в таких выражениях *целый*, подчеркивающий не только довольно большое число относительно ожидавшегося или возможного по условиям количества, но и совместность, целостность себя проявляющих в предполагаемом отношении людей.

Еще одним показателем определяемого в общем сознании представления о 'взводе' было бы неизменно стоящее за ним положение, реализующее себя в восприятии и впечатлении, о большем, чем необходимо по норме, числе не просто и не любых людей, а, в первую очередь и главным, если не единственным, образом, ‘молодых представителей мужского пола’. Иными словами, тех, кто, с точки зрения призывного либо служебного в войске возраста, под данное положение подходит.

Со всеми, что важно добавить, вытекающими из этого следствиями, относительно способности много, а тем более совместно, съесть, активных, подвижных, проявляющих не случайный и живой интерес к представительницам противоположного пола. И тогда то, что это подразделение воинское (параметр ‘небольшое’, как уже говорилось, оказывается не задействованным), переводится в общем, обиходно-разговорном, что следует подчеркнуть, сознании, языковом и не только языковом, в иную плоскость. Плоскость обыденного восприятия, проявляющего себя в закрепленных, клишированных употреблениях. ‘Воинское’ переводится в представление об изолированном от общегражданского, по роду занятий и пребывания, положении, а потому и несколько истосковавшемся, "изголодавшемся" (хотя и не обойденном), молодых людей, повышенные потребности которых, в силу их пола и возраста, не всегда и не в достаточной мере бывают и могут быть удовлетворены.

Естественным образом, как получающееся следствие сказанного, возникает вопрос, который неоднократно затрагивался. То представление, которое, складываясь, себя образует в итоге, имеет ли отношение а) к взводу как объекту реальной действительности, т.е. небольшому воинскому подразделению, являющемуся частью чего-то большего и т.п., с возможными к этому дополнениями, и б) к *взводу* как слову в более или менее общеизвестном значении, не уточненном и не до конца проясненном в признаках для носителей (как пользователей) языка, в том числе и только в обиходно-разговорном его проявлении?

Вопрос, на который следует отвечать утвердительно, т.е. да, отношение имеет, но который требует уточнений и пояснений. В том смысле, что отношение это не симметричное, не прямое и опосредуемое, дополнительно вмешивающимися, входящими знаниями, представлениями, впечатлениями опыта, речевого, житейского, бытового и пр., коллективно-общего по своему существу. Совокупностью этих знаний и впечатлений создается и существует в общем сознании заряженный импульсом образ (так это как-то можно было бы охарактеризовать).

Образ как представление, достаточно обобщенное, с одной стороны, присутствующее в сознании как виртуально не актуализированное, но которое может быть, поскольку заряжено импульсом, с другой своей стороны, проявить себя, актуализируясь в речи. В виде ли 'взвода' (коль скоро говорится о нем, но это следует отнести и ко всему остальному) как подразумеваемого либо реального, субъективно воспринимаемого как количество большее в отношении предполагаемой нормы, числа молодых и активных людей, представителей мужского пола. В виде ли 'взвода' как небольшого и специализированного в каком-либо отношении воинского подразделения, выступающего частью подразделения большего, которое, в свою очередь, является частью еще более большего и т.п. В виде ли 'взвода' как чего-то такого, о чем имеется приблизительное представление, что это нечто, имеющее отношение к армии, войску, в каком-то составе своем, состоящее из солдат, подчиняющихся своему командиру.

Из этого вместе с тем следует, что первое представление, которое было предметом разбора, имеет, может нередко иметь, весьма опосредованное, чтобы не сказать отдаленное, отношение ко второму и третьему. Степень такой опосредованности и отдаленности будет зависеть от степени (для большей точности повторим слово *степень*) знания, знакомства, осведомленности, а в результате степени освоения опытом, общим, житей-

ским, бытовым, речевым, объекта реальной действительности, о котором речь, и близости этого опыта тому значению, которое определяется словарем.

При этом при всем, на что также следует обратить внимание, то представление, о котором речь, может присутствовать и присутствует, но в сознании, по-видимому, уже не языковом или не столько языковом, как нечто в своем таком виде виртуально самостоятельное. Не зависимое напрямую от какой-либо языковой единицы для своего отражения, непосредственно не связанное с ней и, если находящее себя выражение с помощью средств языка, то различными и не однозначными способами. В связи с чем, и это было бы важным выводом и основанием производящихся рассуждений, подобные представления можно и стоит исследовать, описывать и изучать как единицы самостоятельного и собственного виртуального проявления. Равным образом как в отношении к средствам возможного их выражения и отражения в языке, так и вне таких средств.

Заключая сказанное для 'взвода', о котором речь велась как о первом для нас представлении, с подразумеваемым переходом ко всему остальному, следовало бы определить его по показателям (прибегая к исходной и общей формуле) а) того относительно небольшого в количественном отношении числа людей, т.е. $Quant^{/Non/Mag}(Populi)$, которое применительно к ситуации оборачивается и субъективно передается как ‘большее, чем необходимо по ожиданию и предполагаемой норме, число’, т.е. $Quant^{Major(Norm)}$, б) того, что организованным примарно-равенствующим образом возможно, но не существенно, в связи с чем показатель */Org(PrimAequal)/* будет браться в косые скобки как неактуальный, хотя и исходно присутствующий, в) так же как целенаправленный характер деятельности, *Act(Fin),* который будет переводиться, себя проявляя в проекции скрыто подразумеваемой ‘высокой потребностной сферы’, *Desider(Sublim)*, г) при определяющем, вследствие сказанного, показателе, обусловливающем высокую степень потребностей, ‘молодых представителей мужского пола’, *Mascul(Juvent)*.

И тогда получаемая формула 'взвода' могла бы выглядеть следующим образом:

$$\mathbf{Quant^{Major(Norm)}}Populi/\mathbf{Mascul(Juvent)}>\mathbf{Desider(Sublim)}/Act(Fin)/Org(PrimAequal)/.$$

Отмечалась бы при этом перестановка призначных компонентов ядра, что, при дополнительной нейтрализации не актуализируемых и фактически не задействованных компонентов деятельностного и организующего

состава, */Act(Fin)/Org(PrimAequal)/*, могло бы давать основания говорить о представлении, не являющимся частью состава разбираемой подгруппы с 'артелью'. Поскольку, если для этой последней определяющими были *Act(Fin)* и *Org(PrimAequal)*, то в отношении характеризуемого положения таковым становится показатель ‘большего, чем необходимо по ожиданию в норме числа людей’. И тогда именно это было бы основанием для подгруппы, т.е. $Quant^{Major(Norm)}Populi$.

То, что это ‘молодые представители мужского пола’ со своими ‘повышенными потребностями’, отражающимися, способными отражаться в характере их проявлений и действий для вероятного *Act(Fin)*, следовало бы относить к разбираемому представлению о 'взводе' в рассмотренном повороте. Иными словами, к той единице, которая входит в подгруппу с $Quant^{Major(Norm)}Populi$, с одной стороны, являясь, с другой, в свою очередь, единицей какого-то концептуального виртуального плана, на что уже обращалось внимание.

Подход от "имеющихся в языковом сознании представлений"

Основную проблему при определении и характеристике названных единиц, как это можно было заметить и раньше, не только на примере рассмотренного только что перед этим 'взвода', составляет их несоотнесенность либо неполная соотнесенность с теми значениями, которые передают и содержат описываемые в словарях слова. В связи с этим, поскольку не эта соотнесенность, а тем более не характер значений, передаваемых словами, имеющими отношение к предметно-понятийной области, о которой ведется речь, были и будут объектом предлагаемых рассуждений, попробуем в отношении всего дальнейшего пойти по несколько иному пути. Отталкиваясь не от значений слов, отражаемых в словарях, как это делалось раньше, а от возможных и допускаемых представлений, внутренне ощущаемых за словами, связанных с ними, но не непосредственно и не напрямую, потому как бы и самостоятельных.

Объяснением такого подхода, может быть только теоретического (видимо, трудно оторвать представление от вербальной его оболочки), было бы предположение, не лишенное смысла и подтверждаемое исследованиями внутренней речи[37], о том, что недооформленная для словесного сво-

[37] Не вдаваясь в специфику данного вида исследований, составляющих предмет, в первую очередь, психологии, отошлем читателя к таким известным работам: Выготский Л.С.: *Мышление и речь*. Москва – Ленинград 1934 (и последующие издания); Библер В.С.: *Понимание*

его выражения мысль, в разбираемом случае не мысль, а готовое узуальное представление, способна представлять собой форму, имеющую конфигуративный характер и передаваемую с помощью распознаваемо значимых признаков. Даже если это не так, условно примем такую возможность как допущение, необходимое для описания характеризуемой виртуальной системы.

Первой такой единицей из списка оставшихся и не рассмотренных было бы то, что стоит, выражая и не выражая себя за представлением о 'войске'. Описание ее сводилось бы к представлению о ‘достаточно многочисленном в количественном отношении людей, преимущественно мужского пола, организованных по принципу последовательного включения от меньшего подразделения к большему, т.е. уровневым, или ранговым, образом, объединенных характером деятельности’. Эта часть будет общей для целого ряда аналогичных по своему устройству единиц, выражая себя по известной формуле в виде:

$$Quant^{Mag}(Populi/Mascul)>Org^{(n+1)}(PrimAequal)>Act(Fin).$$

После чего должна наступить вторая часть, непосредственно определяющая. Специфичность будет сводиться, тем самым, к характеру деятельности, осуществляемой данным составом людей, получая свое насыщение в виде признака ‘военное дело’, *Militar*, дополняясь представлением о том, что разбираемое объединение существует не само по себе, а как ‘вооруженные силы’ данного ‘государства’. В формуле это передавалось бы в виде:

$$[Quant^{Mag}(Populi/Mascul)>Org^{(n+1)}(PrimAequal)>Act(Fin>\mathbf{Militar})]\mathbf{Arm(Publ)}.$$

Тем самым, речь бы шла о представлении для сознания такого объединения людей (включая все остальное по признакам, присутствующим, но не акцентированным), которое воспринимается как ‘вооруженные силы данного государства, занятием которых является военная деятельность’. Идя последовательно в характеристике сказанного, необходимо иметь в

Л.С. Выготским внутренней речи и логика диалога (еще раз о предмете психологии). [В:] Методологические проблемы психологии личности. Москва 1981, с. 117-134; Ананьев Б.Г.: *К теории внутренней речи в психологии*. [В:] Ананьев Б.Г.: Психология чувственного познания. Москва 1960, с. 348-369; Жинкин Н.И.: *О кодовых переходах во внутренней речи*. [В:] „Вопросы языкознания”. 1964, № 6, с. 26-38; Соколов А.Н.: *Внутренняя речь и мышление*. Москва 1968; Страхов И.В.: *Психология внутренней речи*. Саратов 1969; Ушакова Т.Н.: *Проблема внутренней речи в психологии и психофизиологии*. [В:] Психологические и психофизиологические исследования речи. Москва 1985, с. 13-26.

виду, что в сознании каждого носителя данной ментальной культуры существует знание о государстве, о его вооруженных силах, о военном деле, а также о том, что все это, в соединении, применительно к людям, выражает себя в соответствующем представлении. Его, представление это, надлежит рассматривать и определять как единицу, одну из большого числа, совокупных совместных знаний, в которых знание о возможных объединениях людей составляет свой собственный понятийно-предметный разряд.

Представление, стоящее за 'громадой', видится по своему характеру менее четким и очевидным. Отсутствует признак, делающий данную группу объединением, нет параметра организованности. Количество вместе собравшихся немногочисленно и не определено. Трудно было бы говорить также и о какой-либо целенаправленной деятельности, собственно и о деятельности как таковой. Имеется представление о каком-то количестве вместе собравшихся и, пожалуй, на этом практически все.

Что показательно, словари, включая Даля, у слова *громада*, применительно к российским реалиям, представления о людях не отмечают, определяя его как ‘мир, община’, устар. на Украине и Беларуси, а также в Польше. Вместе с тем вполне допустимы и вероятны для русского языка выражения (о людях) типа *Да их тут просто громада! Собрались целой громадой. Шли целой громадой. Куда это вы всей громадой на одного!* и т.п.

Положение, которое может служить еще одним подтверждением того, что то, что имеется, существует в сознании и может себя каким-то вербальным способом отразить, не обязательно и далеко не всегда должно быть соотносимо с каким-либо словом. Представление есть, а прямого лексического себе выражения в виде определенного слова оно не находит, передаваясь иными средствами, в том числе и неточным, смещенным, по сравнению со словарной семантикой, способом.

То представление, о котором речь, соотносимо с привычно передаваемым словами *сборище* и *толпа*. Однако это не то же самое. Представляемое 'сборищем' акцентируется на случайном и разнородном либо свободном и вольном характере собравшихся. К этому надо добавить, в одном месте, в одно общее время, связываясь, тем самым, с признаками, выделенными ранее для 'многолюдства' (и 'многолюдья'). В представлении о 'толпе', в свою очередь, акцентируется неорганизованно хаотический и при этом обычно внутренне перемещающийся, неспокойный характер, потенциально чем-то заряженный, на что-то направленный, наэлектризованный,

нередко также и выжидательный, предвещающий. При той же позиции в одном месте в одно общее время (если это реальная и наблюдаемая, пусть условно, а не воображаемая и абстрагируемая 'толпа' как понятие).

Представление, стоящее за 'громадой' и выражающее себя в употреблении, не в значении слова (трудно, если вообще возможно, без этой связи с вербальным отображением говорить), обращается вокруг субъективно воспринимаемого людского состава, не то, чтобы слишком большого, но большего, чем могло бы, ожидалось, предполагалось, хотелось или должно было, следовало бы быть. И при этом не только числом, но и неразличимой, неорганизованной, не распределенной по лицам и группам, массовидной (но не массивной) "нагроможденной" несобранностью. При все том же определяющем общем параметре единства места и времени, подразумевающихся, но не акцентируемых и, как правило, не обозначаемых.

В связи с чем, опираясь на эти параметры (единства места и времени), при отсутствии организующего и деятельностного компонентов, характерных для представлений с 'артелью', то, о чем говорится, с опорой на 'громаду', 'сборище' и 'толпу', следует относить к 'многолюдству' (и 'многолюдью'). Для первого представления (обращаемого вокруг идеи 'громады') это передавалось бы в формуле:

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi)>\mathbf{(MajorPercept)}>Congr/Est\mathbf{(Cumul)}>Loc/(TempSimult).$$

Для второго (в отношении 'сборища'):

$$Quant^{/Non/Mag/Mag}(Populi)>Congr/Est\mathbf{(CasusVarius/LiberRemot)}>Loc/(TempSimult).$$

И, наконец, для третьего (через идею 'толпы'):

$$Quant^{Mag}(Populi)>Congr/Est\mathbf{(CumulTurb)}>Loc/(TempSimult).$$

Говоря о последнем из трех представлений, применительно к его отражению через 'толпу', если вспомнить о том, что ранее в отношении той же 'толпы' выводилось, следует еще раз обратить внимание на то, что представления и способ их отражения могут быть разными. В зависимости от употребления, поворота, передаваемого смысла, можно и следует полагать наличие не одних и тех же, хотя и согласуемых между собой, единиц, выражаемых нередко с помощью совпадающих лексико-семантических средств. То, что за этим стоит, можно иначе определить таким образом, что при помощи совпадающих средств языка, в разбираемом случае речь идет о лексемах, говорящий, в том числе и разные говорящие, способен (способны) передавать не всегда и не полностью совпадающие по своему

существу и в основе своей представления, существующие, имеющиеся в его сознании как концептуальные и концептуально-оценочные единицы.

Продвигаясь далее, представление, стоящее за 'студенческой группой', можно охарактеризовать, в ее отношении к целенаправленной деятельности, т.е. это был бы ряд единиц с 'артелью', как ‘сравнительно небольшое в количественном отношении объединение, преимущественно молодых, людей, организуемых (при наличии старосты) примарно-равенствующим или равенствующим способом, характер целенаправленной деятельности которых сводится к обучению в заведении, дающем высшее образование’. Выразить это можно было бы с помощью формулы:

$$Quant^{/Non/Mag}(Populi/Juvent)>Org(PrimAequal/Aequal)>Act(Fin)>\mathbf{Educ(InstUltim)}.$$

Из чего получалось бы, что, как в случае с 'войском', единица подобного типа имела бы достаточно определенный в квалифицирующем ее отношении вид. На основе чего можно было бы говорить о единицах сознания (концептуальных и концептуально-оценочных) разных видов. Таких, которые могут быть недостаточно четко и однозначно в своих параметрах определены, допускающих некоторую размытость и множественность. Но, видимо, не вариативность. О вариативности стоило бы говорить применительно к разным, а не к одной единице сознания, поскольку варианты какого-то инварианта как представления, в концептуальном и концептуально-оценочном отношении, скорее, было бы целесообразным воспринимать как проявления не совпадающие, чтобы не говорить не тождественные. Хотя, поскольку вариативность может быть разная, и в зависимости от ее отношения к какому-то смысловому узлу не исключены также и варианты единого представления.

Объединения институционального типа (советская школа)

Помимо семантически неоднозначных и способных варьироваться единиц, третьим видом были бы единицы, подобные представлениям, соотносимым с воображениями о студенческой группе и войске, т.е. в своем смысловом отношении достаточно четкие и однозначные.

К таковым следует относить единицы, строго привязываемые к объединениям, которые можно охарактеризовать как институциональные, т.е. такие, которые, вписываясь в ту или иную общественную структуру, ее выражают, ей соответствуют, если не прямо ее формируют и создают. Примером подобного рода институциональной организованности может служить советская школа, передающая тип структуры, подобный армей-

ской, с подразделениями от меньшего к большему, дифференцируемыми (для школы) по возрастному признаку (так, как для армии по родам войск). Для пионеров (возьмем только этот ряд) это было бы взаимно включающее и последовательное формирование, начинающееся со звена (ряда парт в классе, которых три), объединенных в отряд (равный классу). Совокупность отрядов в школе составляла дружину.

Совпадение со школой, почти полное (не пионеров в соответствующем возрасте в школе практически не было), по внешнему виду могло бы соотноситься с тем, что было выведено для студенческой группы, однако характер деятельности у пионеров, не совпадая с процессом учения, хотя и не исключая его, должен требовать собственного определения. К этому надо добавить, что, действуя главным образом в школе (по причине показателя возраста от семи до четырнадцати лет), пионерская организация номинально за школой не была закреплена. Мало что дают для понимания характера деятельности также и определения в словарях («Член детской коммунистической организации» по ТСУ; «Член добровольной детской коммунистической организации в Советском Союзе, а также член детских коммунистических организаций в ряде других стран» по МАС).

Опустим параметр ‘добровольной’, применительно к характеризуемой организации, как не существенный и не показательный. Остается ‘детской’ и ‘коммунистической’. Если первый из этих двух достаточно ясен и определен, то второй потребует объяснения. Можно ли его считать показателем деятельности? А если нет или не только, тогда чего? Рассуждая последовательно, необходимо признать, что данная организация воспитательная, точнее воспитательно-формирующая, воспитательно-сплачивающая и идеологическая. Воспитывающая и формирующая подрастающие поколения в духе идеологии, называвшейся коммунистической, однако по смыслу и характеру своему социализирующей, подчиняющей личность интересам, потребностям и требованиям, но не общества, а государства, точнее его руководства. Смысл такого последовательно не объявляемого воспитания, поскольку это было бы важным для определения, состоит в таком формирующе-сплачивающем воздействии, при котором каждый воспитанник, чувствуя себя частью общего и большего организма, действует в соответствии и согласно с заданием. В широком его понимании, не узком, своего рода житейским заданием, стоящим и ставящимся равным образом перед всеми. Иными словами, это было бы проявлением

(в отношении каждого) акционально-экзистенционального и поведенческого (не говоря о других) партитивного социоинституционализма.

В связи со сказанным, остается решить вопрос, осознается ли (осознавалось ли) это? И, следовательно, можно ли это считать тем параметром, призначным компонентом, который составит определяемые представления о разновидностях пионерских объединений как им соответствующие концептуальные единицы?

При возможном, если не осознании, то ощущении сказанного применительно к этим объединениям, необходимо, видимо, говорить о некотором концептуально преобразующем, для общего восприятия, его положении. Получается, что при знании одного, насколько действительного и соответствующего реальному положению вещей, не суть важно, возможно, имеется, существует одновременно в сознании нечто другое, иногда похожее, но смещенное, иногда не похожее и представляющее собой какую-то новую форму знания, точнее ее еще один вид.

Не вдаваясь в теоретические подробности данного положения и оставаясь в пределах необходимости определения названных пионерских подразделений, можно было бы ограничиться воспитательно-формирующим и консолидирующим воздействием в идейно-ориентирующем и социализирующем ключе. Поскольку все это трудно было бы не осознаваемым признавать. Вместе с тем, стоит вспомнить о призначном компоненте *Mod(Human)*, ‘формировании образа (нового) человека’, появившемся в связи с агитколлективом и всем, что было при нем.

Однако, и это необходимо признать, все эти признаки и включающие их в себя параметры, отображаемые в формуле с соответствующим определением для нее, неизбежно выглядели бы достаточно обобщенно. В том смысле, что их можно было бы относить не только к пионерским объединениям в разных странах, в том числе и СССР. Иными словами, характеризуя и представляя сказанное в показанных далее формулах с их определениями, остается вопрос – что же, собственно, для сознания отличает, и отличает ли, то или иное пионерское подразделение (равно как и что-то подобное), как пионерское, от каких-то аналогичных других, но при этом не пионерских?

Вопрос сам по себе не праздный и важный. По крайней мере, в двух отношениях. С точки зрения сознания. Важно ли, и всегда ли, и в достаточном ли для осознания проявлении, это действенно для него? И с точки зрения осознаваемого за тем или иным представлением объекта реальной

действительности. И опять же, важно ли, и всегда ли, в достаточном ли проявлении это действенно для него?

Однако прежде чем попытаться ответить на заданный перед этим вопрос, выведем формулы с их определениями для пионерской дружины, отряда, звена. Для пионерской дружины формула выглядела бы следующим образом:

$$Quant^{Mag}(Pueri)>Org^{Part(MajorInloc)}(PrimStruct)>\mathbf{Conform/Consolid(SocIntent)}>$$
$$>Mod(Human)>\mathbf{Inst(EducMed)}$$

‘достаточно большое в количественном отношении число детей, представляющих собой организацию, которая, являясь частью большей и находящейся вне, складывается из структурных объединений состава и имеет старшего во главе, действует в направлении идейно-консолидирующего воспитания в духе общественных требований, предполагая формирование человека, в среднем учебно-образовательном заведении’.

Для отряда, являющегося частью состава дружины, это могло бы иметь, с точки зрения общей характеристики, аналогичный вид, отличаясь параметрами организационно-структурного подключения, отражаемого в индексах части большего в том же месте, которая является частью еще более большего и находящегося вне, при примарно-равенствующем и одновременно структурном устройстве:

$$Quant^{/Non/\ Mag}(Pueri)>\mathbf{Org}^{\mathbf{Part[MajorLoc(PartMajorInloc)]}}(PrimAequalStruct)>$$
$$Conform/Consolid(SocIntent)>Mod(Human)>\mathbf{Inst(EducMed)}.$$

И для звена, соответственно, в том же ключе, как составляющей части для части, которая является частью организации, выступающей частью большей не локализованной в данном месте:

$$Quant^{/Non/\ Mag}(Pueri)>\mathbf{Org}^{\mathbf{PartPart[MajorLoc(PartMajorInloc)]}}(PrimAequalStruct)>$$
$$Conform/Consolid(SocIntent)>Mod(Human)>\mathbf{Inst(EducMed)}.$$

В связи со всем этим, как уже говорилось, необходимо поставить вопрос о специфике пионерских организаций для их понимания в СССР (другие страны не будем затрагивать). Применительно к пионерскому звену, входящему в пионерский отряд в количестве три в соответствии с рядами парт в классе, равно как отряду, равному классу, который входит в дружину, и дружина тогда состоит из такого количества отрядов, сколько классов с пионерами в школе, – важно это для знания и понимания или нет? Поскольку во всем остальном, помимо структурного подключения к

большему, отличия в определяющих признаках для дружины, отряда, звена не находим.

Для понимания указанного устройства в его соотношениях, находящих свое выражение в соответствующих единицах, видимо, важно. Понять, что такое дружина без того, что она состоит из отрядов, равно как и то, что отряд является частью дружины и состоит из трех пионерских звеньев, было бы невозможно. За всем этим стоит организующее общее построение, которое, вместе с тем и в свою очередь, не является организующим построением только для школы и пионерских организаций. Это общее построение, предполагающее взаимное подключение от меньшего к большему, при котором меньшее входит в большее, а то, в свою очередь, становится частью более большего и т.п., по схеме $n + 1$, – это все, отражая себя в приведенных примерах, а) составляет знание об институциональных структурах данного общества и б) соответствует реалиям действительности данного общественного существования и проявления.

Из чего получается, что мы имеем дело с тем, что называется социальными знаниями, с одной стороны, и с тем, что составляет часть экзистенционального опыта данного коллектива, с другой, отображаясь, как то и другое, применительно к разбираемому проявлению. Устройство пионерских организаций повторяет устройство других общественных институтов. Специфика заключалась бы в точном количественном отображении, связываясь со спецификой организации школы и класса: три звена в каждом отряде, по количеству трех рядов парт в каждом классе, и число отрядов в дружине, равное количеству пионерских классов в школе. А тем самым, снова приходится говорить о все тех же реалиях школьной действительности и существующих в обществе знаниях о ней. Знания о школе и реалии школы, накладываясь, проявляют себя в разбираемом случае.

Так же как, переходя к основному в связи с пионерской темой вопросу о ее специфичности для СССР (а тогда и о специфичности некоторого числа обусловленных существующими общественными реалиями единиц), следует говорить о включении ее, этой темы, равно как и других, общественно обусловленных, в общий контекст совместного экзистенционального опыта. Вне этого контекста и опыта, что представляет собой ‘пионерский’ применительно и в отношении к СССР будет не действенно. Следовательно, данный параметр оказывается обусловленным и не самостоятельным. Необходимо знание о том, что такое пионерские и другие организации для данной страны и в данной стране, чем они занимаются, ка-

ковы их задачи и роль. Не то, чтобы не подробно и в общих чертах, а с достаточным, вписывающим и объясняющим, представлением обо всем остальном. И это были бы знания, определяющиеся как лингвокультурологические. Характеристика и рассмотрение их не входили в поставленную задачу, составляя особую сферу исследования. В данном месте подобное положение следует обозначить.

Из чего получается, что имеются единицы общественно не обусловленные и обусловленные. Первые не предполагают и не требуют дополнительных знаний и пояснений, предполагающих вписывание их в обозначенный социальный контекст. К таковым относятся представления, из рассмотренных, о 'многолюдстве' и 'многолюдье', 'толпе', 'студенческой группе', 'войске', 'миссии', 'секте', 'банде', 'громаде'. В то время как представления обусловленные, типа стоящих за 'пионерской дружиной', 'отрядом', 'звеном', а также, отчасти, 'активом', 'агитколлективом', 'агитбригадой' и пр., для своего уточненного понимания таких пояснений, точнее отнесения к существующим социальным знаниям, требуют.

Имеются также и представления, типа стоящих за прежде рассмотренным 'взводом' и с этим отчасти 'артелью', которые следует для более ясного их понимания соотносить не только с социальными знаниями и общественными реалиями, но и сложившимся в данном языковом коллективе речевым узуальным опытом. Опыт этот предполагает модели, формы и предпочтения употреблений, которые, отображаясь, откладываясь в представлениях о том и другом, обусловливают особый характер их выражения и, соответственно, понимания и восприятия.

Границы между тремя обозначенными рядами существующих представлений, внеобусловленных, обусловленных социальным контекстом либо узусом речи и языка, не всегда могут быть очевидны. Мало этого, и данное положение также важно, при внеобусловленности, равно как и обусловленности по внешнему виду чем-то одним, следует неизменно учитывать национально-культурную и социальную специфичность. В том числе также историческую, не говоря о мировоззренческой, политической и какой-то другой.

Сочетаясь и составляя в известном смысле и мере то, что характеризуется как идиоматика языка, отображающая идиоматичность мышления и сознания, а также, как следствие, мышления и сознания на языке и при помощи языка, – все это, проникая в структуры и единицы того же сознания, обусловливает специфичный характер по внешнему виду не специ-

фичных, казалось бы, представлений. Не говоря об 'артели', скажем, для российской действительности самой по себе специфичной, представления о 'толпе', о 'войске', о 'многолюдстве' и 'многолюдье', равно как и многом другом, для носителей русского языка, в том числе современного языка современных носителей, могут выглядеть отличающимися от представлений того же или подобного у других, а потому идиоматичными и специфичными. Впрочем, опять же, это не составляло и не могло составлять задачу. Однако это необходимо учитывать, обращать на это внимание и при анализе отмечать.

Выводимые на основе такого анализа формулы с их определениями как проекции разбираемых представлений (концептуальных и концептуально-оценочных единиц сознания), одни в большей, другие в меньшей степени, как было сказано, вписываются в своей совокупности в экзистенционально-социальный контекст житейского и речевого опыта. В этом контексте, в свою очередь, действует, ощущает, себя проявляет и вместе с тем его создает данное языковое и не языковое сознание как ментально-культурный и, отчасти, этнический и исторический тип. Из чего должно следовать и за этим стоять представление о существующих типах такого сознания и, соответственно, представление об их типологии с возможным ее рассмотрением и изучением. Однако и этот вопрос, в силу его объемности и сопоставительности, не мог перед нами стоять.

Несколько обобщающих наблюдений

В завершение сказанного и проанализированного, далеко не полностью и не в достаточной мере, материала видится небессмысленным показать, на примере некоторых единиц, не бывших предметом проведенного перед тем рассмотрения, некоторые особенности, представляющихся в том или ином отношении специфическими. Для этого из отобранного материала, самого по себе не полного, будут выбраны только такие, которые с указанной точки зрения могут представлять интерес.

Для начала зададимся несколько парадоксальным и не вполне по внешнему виду научным вопросом. Чем отличаются между собой представления, способные выражать себя с помощью обозначаемого, но не в словах, а, скажем так, в идеях и смыслах, такого чего-то, как 'делегация', 'паства', 'кагал' и 'гурьба'; 'базар', 'обезьянник', 'мир', 'орда', 'столпотворение', 'силы' и 'табор'? Все остальное отобранное, не анализируя и не описывая, попробуем, сгруппировав, представить в каких-то их собирающих основаниях, основания эти предварительно выделив и обозначив.

Если так представляемая 'делегация', для восприятия и в воображении, определяет себя в отношении группы людей, кем-то и для чего-то выделенных из себя и куда-то для этого направляемых, то, соответственно, 'паства' уже и не группа. Не выделенных, а если и направляемых, кем-то, куда-то, то в смысле ведомых, руководимых и наставляемых. В духовно-религиозном, житейском и поведенческом отношении.

'Кагал', отвлекаясь от однозначного и исторического представления о еврейской общине, передавал бы тогда впечатление и мысль об опять же не группе, не организованном объединении и не совсем, чтобы так многолюдной толпе. А о чем-то таком, в чем, представляясь в людском отношении как нечто единое, общее (вопрос тогда был бы, что это такое?), каждый действует и проявляет себя на свой лад, не слушая и не воспринимая другого, других и всех остальных. Как ему хочется, заблагорассудится и придет в голову, по своему усмотрению и не в свой черед. Из чего возникает шум, непонятный крик, беспорядочность и неразбериха.

'Гурьба', в свою очередь, опять же не объединение, хотя, может быть, в каком-то своем отношении группа. Но перемешанная, не разобранная в своем составе. Действующая и проявляющая себя без толку и складу, в ничего не дающей понять, отделить и выделить одновременности, представляющейся по виду, хоть и не разборчивой, но все же не массой, а

(пользуясь научной терминологией) конгломератом. «Механическим соединением чего-л. разнородного, беспорядочной смесью», согласно определению этого слова в МАС, с иллюстративным примером *Конгломерат племен и народов*. Более точным было бы тогда представление о перемешанной однородности в беспорядочной смеси состава, единого по родовому и видовому своему существу. Для гурьбы это была "смесь", состоящая из людей.

В сказанном, при объяснении, встретились такие слова-определители, как *объединение*, которое может быть не всегда, *группа*, не объединение и не группа, но "*смесь*" какого-то своего состава, *толпа*, которая предполагает определение сама по себе, *община* и, возможно, также и пр.

Не вдаваясь в подробности с объяснением каждого из таких определяющих слов, что потребовало бы своего отдельного рассмотрения, остановимся только на некоторых из возникших при этом особенностей. Под *объединением*, как следует из внутренней формы слова, имеет смысл понимать такую совместность некоторого количества людей, которая предполагает единство их по какому-то действующему параметру. Иными словами, объединение что-то совместно делает, производит, над чем-то работает, и эта их деятельность имеет свой результат. *Группа* тогда представляет собой такую совместность опять же некоторого числа людей, которая не обязательно предполагает какую-то деятельность. Группы при этом могут быть более или менее постоянными и сложившимися, имеющими какую-то объединяющую их совместную цель и функцию, и тогда они могут определяться и как объединения. И могут собой представлять людей совместно где-нибудь в данный момент находящихся, пребывающих, не объединенных специально ничем, помимо указанного момента, а если и объединенных, то это для их представления как группы не важно.

О параметрах предполагаемой типологизации

Сказанное в предыдущем абзаце было необходимо не для того, чтобы понять, что такое объединение или группа, а для другого. Для того, чтобы вернуться к затронутому распределению в четырех выбранных для этого представлениях.

Итак, 'делегация' – группа, которая может себя выражать как в отношении имеющегося для всех ее членов задания, объединяющего их и общего, мысленно, в воображении, вне наблюдения и наличия их всех в

данном месте в данный момент. Так и при таковом наблюдении и наличии. Из чего получалось бы, что для восприятия 'делегации' важным оказывается параметр, помимо везде повторяющегося некоторого, в данном случае не слишком большого, числа, ‘объединенности’ людей, ее составляющих, ‘определенным заданием’. Остановимся на этом уровне отражения, который давал бы понять не что такое есть 'делегация' как делегация, т.е. не определял бы ее, а выражал бы некое представление более общего и группирующего характера. Представление о разряде, к которому делегация относилась бы наравне с другими, подобными ей по тому же общему для них основанию.

Соответственно, 'паства' к тому же разряду, что и 'делегация', не относилась бы. В том, что стоит за ее представлением, за существующим знанием о ней, не предполагает объединенность общим заданием, ни тем более, добавим, хотя это было бы положением следующего уровня уточнения, выборности для осуществления такового задания из какого-то много большего числа людей, делегацию от себя направляющих. За чем, соответственно, будет стоять еще один характеризующий показатель – ‘выдвижения, вычленения, выделения и отделения’. Из большего меньшего, из одного, большого обычно, числа людей, другого числа, значительно меньшего, как своих, для чего-нибудь, представителей (хотя не обязательно и не всегда, но это на следующем уровне уточнения).

'Паству' в рассматриваемом отношении будет объединять, в какое-то представляемое мысленно целое, ‘принадлежность’, отнесенность, вхождение и включение в нечто, за всем этим стоящее, но при этом, возможно, абстрактное, не конкретное, не наблюдаемое и физически, материально себя не выражающее. В какой-то все это, всех их, поскольку речь ведется о людях, объединяющий и включающий центр, придающий им всем и равным образом каждому характеризующий смысл.

При этом, что стоило бы добавить, если для делегации можно себе представить ее отражение для сознания как некоей отвлеченности в составе входящих в нее людей, так и как наблюдаемое наличие, присутствие их всех либо значительной частью в каком-либо месте в данный момент, то применительно к пастве это второе, в принципе допустимое, будет не актуальным и, отчасти, мало правдоподобным. В отношении места и времени пребывания паствы, даже если все ее представители где-то когда-то и для чего-то вдруг соберутся в полном своем составе, данное ее положение не будет ее ни в каком отношении для сознания воплощать. Воплощать

может, коль скоро речь о месте и времени, ‘проживание’ (на последующем уровне уточнения) в каком-то, обычно, общем районе в данное время, относящемся к данному церковно-религиозному объединению, определяющем указанную перед тем отнесенность.

На основе сказанного, применительно к предполагающемуся распределению, можно было бы выделить единицы по показателю общей, объединяющей заданности (позиция отношения к заданию), или оперативы, для 'делегации' и подобных ей. И ассертивы, по основанию объявленного включения, вхождения, принадлежности, отнесенности к чему-либо некоторого данного числа людей, применительно к 'пастве'.

Определяющим показателем для 'кагала', не в историческом смысле, было бы то, что, составляя мысль о собрании, некоем количестве вместе собравшихся где-то обычно людей, предполагает это собрание в действиях каждого не согласованным, разобщенным, разбитым на группы либо отдельно для каждого, т.е. дистрибутивным. Иными словами, 'кагал' представляет собой собрание, с одной стороны (конгрессивом). И это было бы определителем его первого уровня, равным ассертивности и оперативности в отношении подразделения с 'паствой' и 'делегацией' (ни та, ни другая собраниями считаться не могут). Но таким собранием, которое, в свою дальнейшую очередь и с другой своей стороны, определяется, по внутренней характеристике, как дистрибутив. И это был бы, на следующем уровне, дистрибутив конгрессива.

Для 'гурьбы', соответственно, таким первым уровнем отражения было бы представление о груде, куче, кумулятиве, перемешанности состава (людей) в неразобранном, хаотическом виде, перемещающихся, движущихся, возможно также и действующих сообща (ср.: *навалились гурьбой, делают все гурьбой, даже задачки решают гурьбой*). И это движение, перемещение и осуществление ими чего-то было бы следующим уровнем определения – транслятивом кумулятива.

Отвлекаясь от представлений о 'делегации', 'пастве', 'кагале', 'гурьбе', понадобившихся для выведения оснований, получившиеся в результате заданности (оперативы), принадлежности (ассертивы), собранности (конгрессивы) и перемешанности (кумулятивы) можно рассматривать (о чем говорилось) как показатели первого уровня предполагающегося распределения. Данное положение означало бы, что, если не появятся новые основания первого уровня, возможные представления о некотором количестве, сравнительно небольшом ли, большом, не суть важно, мыслимых вместе

людей, в какой-то соединяющей их совмещенности, можно было бы для сознания по этим параметрам для начала распределять.

Проверка параметров на материале

Обратимся теперь, для дальнейшего рассмотрения, к представлениям, обозначенным как 'базар', 'обезьянник', 'мир', 'орда', 'столпотворение', 'силы' и 'табор'. С тем чтобы установить, достаточны ли четыре выделенных основания или потребуются какие-то дополнительные для предварительного, на первом уровне, их подразделения.

'Базар', если то представление, которое за этим стоит, не есть рынок, а выражает, передает наблюдаемое и не наблюдаемое, но воображаемое, ощущаемое, мысленно видимое, состояние, при котором большое или не очень большое, неважно, число людей, обычно в каком-то месте и в общее время, собравшись, производит совместно шум, неразборчивый, громкий, мешающий, – то такое о них представление можно рассматривать как себя проявивший на примере с 'кагалом', с одной стороны, конгрессив. А с другой, и при этом равновозможный, – на примере с 'гурьбой', также и кумулятив.

Из чего получалось бы, что это либо собранность, либо перемешанность. При том, что одно другое не исключает, видимо, следует говорить о наличии двух представлений – с акцентом на первое и второе. В связи с чем опять приходится вспомнить, что представление для сознания о совместном числе людей с их проекцией к чему-то, и представление о чем-то, что связывается с 'базаром' (равно как и чем-то другим) не одно и то же. В данном случае возможен поэтому и конгрессив, и кумулятив, при не непременной, но вполне вероятной их одновременности. Из чего получалось бы, что для сознания выделенные параметральные основания могут не различаться в отдельностях, быть неотчетливы, равно как и соединяться между собой, входя в различного рода и вида комбинаторные отношения и порождая, в итоге, не два, а три представления. Третье могло бы быть совмещенным.

Конгрессив, за 'базаром' стоящий, от конгрессива 'кагала', коль скоро об этом речь, отличаться будет дальнейшим своим основанием. Для 'базара', точнее того представления, которое в этом месте в сознании себя отражает, это был бы не дистрибутивный, где каждый в отдельности и сам по себе, а неразборчиво-смешанный в своей бестолковщине конгрессив, коммикстив-конгрессив.

Кумулятив его от кумулятива 'гурьбы', при, возможно, большем количестве, хотя не всегда, базар могут делать и небольшое число человек, отличался бы тем, что для него это был бы, в первую очередь, шум, толкотня, суматоха, неразбериха ("шум" движения, дополняющий звуковой), а не совместно осуществляемые перемещения или действия. И тогда это был бы тумультатив-кумулятив.

'Обезьянник', имея в виду людей и при этом не место временного содержания задержанных в полицейском участке, а необычное по своему составу собрание любящих повыставляться и себя показать, если не вдаваться в подробности, на первом уровне представления не существенные, следовало бы отнести либо к собранностям (конгрессивам), либо к перемешанностям (кумулятивам), при равной возможности одновременного отображения обоих параметральных критериев. В первом случае, на дальнейшем этапе определения, можно было бы говорить о демонстратив-конгрессиве, с допустимым для каждого из участников дистрибутивом демонстративности, при котором акцент будет падать на составляющие 'обезьянник' отдельности. Во втором перемешанность может иметь такой же, как и при 'базаре', тумультатив, совместного шума, крика и толкотни, при определяющем сохранении демонстратива и допустимости дистрибутива.

'Мир', соответственно, если иметь в виду представление об общине, с одной стороны, подобно рассмотренной перед этим 'пастве', относился бы к принадлежностям (ассертивам), а с другой, как собрание, сходка всех ее представителей, к собранностям (конгрессивам). И то и другое следует воспринимать как представления разные, хотя и связанные составом предполагаемых участников.

Отличие 'мира' от 'паствы', коль скоро об этом речь, можно видеть в привычности и при этом, скорее, даже более вероятной, тяготения 'мира' к собранностям, с предполагаемым присутствием всех собравшихся в одном месте в общее время. Иными словами, 'мир' – это, в первую очередь, конгрессив, за которым стоит неизбежно второе, как основание, отнесение к общему в ассертиве. При еще одном различающем основании, проявляющем себя в характере принадлежности, не религиозно-церковного, а общинно-жительного объединения своих представителей.

Это следующее основание необходимо рассматривать как имеющее отношение к дифференциации, предметно-понятийной и тематической, иного рода, отражающей для сознания характер общественного устройства, пересекающейся с определяемым предметом, но не связанной с ним.

То, что имеются религиозно-церковные, административно-хозяйственные, воинские, учебные, производственные, др. какие-то подразделения людей, входит своим отражением в характеризуемые представления, о 'пастве' и 'мире', в частности, как в разбираемом случае. Однако, входя в них и их собой уточняя, подобные основания не влияют на вид и характер, а следовательно и типологию, того что, было предметом данного рассмотрения – совмещенности некоего числа людей как *n*-людства, с входящим призначным компонентом $Quant^{Mag/Non/Mag}(Populi)$.

То, что то или иное *n*-людство представляет собой совмещенность по своему характеру религиозную, учебную, административно-хозяйственную и т.п., определяет его не как *n*-людство по собственному для *n*-людства устройству, а отмечает его отнесенность, включение, положение в социуме, существующих в данном обществе отношениях, учреждениях, положениях, позициях и институтах. Вписывает его в структуру имеющегося порядка, совмещая его при таком приписывании с чем-то в типологическом и понятийно-предметном смысле и отношении кардинально другим, а потому долженствующим быть учтенным при определении, но не требующим и не предполагающим, при стоящей задаче, изучения и описания.

'Орда', если вкладывать в это представление о неорганизованно диком, возможно движущемся и, если не агрессивно настроенном, то не поддающемся регулированию и воздействию разума многолюдном собрании, относилась бы, как и предшествующее представление об 'обезьяннике', либо к собранностям (конгрессивам), что вероятнее, либо к перемешанностям (кумулятивам), либо к тому и другому одновременно. С тем отличием, что, если для представления об 'обезьяннике' важен был параметр демонстратива, то при общности тумультатива, 'орду' отличать будет, не столько не организованный, сколько непредсказуемо иррегулятивный и необузданно-своевольный, индомитивный[38], характер, всех и каждого в их такой совмещенности, способной поэтому быть источником небезопасных по своему характеру проявлений. И это был бы, не углубляясь в дальнейшее, иррегулятивный тумультатив-индомитив конгрессива / кумулятива.

Определение в МАС для *орды* соответствующего значения, к слову сказать, подобного (индомитивного) признака прямо не отображает, хотя в

[38] Лат. **in-dŏmĭtus** 1) неукрощённый, необузданный, необъезженный (equus ‘конь’); дикий (gens ‘племя’); разнузданный, безудержный; свирепый, жестокий; 3) неукротимый, неодолимый.

приводимых примерах его можно почувствовать. Ср.: «**3.** *перен.*; *кого* или *какая*. *Разг.* Многолюдная, беспорядочная и шумная толпа, сборище кого-л. [*Солдат*] *плотно окружала орда мастеровых в изодранных армяках*. Григорович, Петербургские шарманщики. Орда немытых казачат улюлюкала Прокофию вслед. Шолохов, Тихий Дон».

'Столпотворение', если отвлечься от исходного представления о сооружении вавилонской башни, творении столпа, обратившись к имеющемуся в языковом сознании обозначению «Сутолоки, суматохи, неразберихи» (МАС), с необходимым для нас уточнением при ‘большом, достаточно большом или воспринимаемом как большее, чем стоило бы быть, стечении, собрании людей в некотором числе’, – относилось бы, как и 'орда' с 'обезьянником' и 'базаром', к собранностям (конгрессивам) и перемешанностям (кумулятивам). Также в трех возможных в акцентах проекциях, с дифференцирующим далее признаком ‘слишком большого количества, а потому и в стеснении, в одном месте толпящихся’, что выражалось бы как тумультатив-компрессив в отношении конгрессива / кумулятива. Сутолока, суматоха и неразбериха, отмечаемые в МАС, следовали бы из данного признака.

'Силы', как обозначение неопределенного и неясного по своему источнику, но воспринимаемого по общему основанию и при этом обычно большого числа людей (ср. в выражениях *темные силы, тайные силы, движущие силы, враждебные силы, революционные силы, силы реакции* и т.п.), были бы отражением, по причине в них ощущаемой направленности, основания заданности (оперативы). В отличие от 'делегации', описанной как выбираемый для реализации какой-либо цели, выдвигаемый в качестве представительства из какого-то большего коллектива, оператив, 'силы' являются оперативом ‘большого в количественном отношении, неопределенного, но при этом самонаправляемого множества’, что передавалось бы как мультипликатив-инкурсив в отношении оператива.

И, наконец, последнее из выбранных, 'табор', не имея в виду непосредственно, что цыганский, а также, что лагерь, давало бы представление о неорганизованной, движущейся, возможно при этом шумной и пестрой, нагруженной разнородным и плохо упакованным багажом, толпе или группе людей, большой либо воспринимаемой и передаваемой как большая. Проявлялось бы это как иррегулятивный тумультатив-траектив аккумулятив-импозитива в отношении конгрессива / кумулятива.

О разрядах характеризуемой предметной области

Как показал проведенный краткий обзор отобранных представлений, способных себя выражать при посредстве соответствующих значений у показанных слов, можно, выделив, говорить о типичных для разбираемого предмета четырех разрядах и совмещенном пятом, по которым возможно производить подразделение для первого уровня. На последующих этапах дифференциации выделяемые признаки начинают себя проявлять таким образом, который позволяет видеть в них категориальность, свойственную не только тому или иному разряду, как специфический для него набор, но также и для других разрядов, в характерных для них сочетаниях.

Признаки, о которых речь, соединяясь между собой в композиции и структуры, могут иметь не только узуальный, но и типичный для данного проявления характер, в отдельных случаях, если не прямо индивидуализируя манифестируемое представление, то допуская акцентную по своему характеру вариативность. В связи с чем то, что было показано, следует воспринимать как один из возможных, но при этом все же типичный вариант, с опорой на языковое сознание и отображение его представлений в лексемной семантике языка.

Отсутствующая симметрия между характеризуемыми представлениями, как уже отмечалось неоднократно, и лексическими значениями у существующих слов, зафиксированными в словаре, подводит к необходимости говорить об их не зависящем непосредственно от слов с их значениями положении. С одной стороны, это может предполагать способность отображать их при проявлении в речи при посредстве различных лексических средств. Равно как и, с другой своей стороны, пусть не покажется это чем-то несообразным и странным, возможную неспособность в речи их передать с помощью существующих средств в виде значений у слов. Тем более значений словарно фиксируемых и узуальных. К этому надо добавить, что таковые могут далеко не всегда быть осознаваемы в словарном их отражении носителями языка. Чего нельзя сказать об исследуемых представлениях, которые, с одной своей стороны, нередко скорее ощущаемы, чем осознаваемы, а с другой, и отчасти как следствие неподконтрольной их неосознаваемости, имеют, точнее могут иметь, вариативно нечетко определимый характер. Не во всех своих составляющих, не до конца прорисованный, размытый и иногда импульсивный.

Невыразимая эта, точнее не находящая своего выражения, неспособность проявляет себя таким образом, что представления подобного ро-

да можно почувствовать и ощутить из контекста (конситуации). Либо, что также вполне возможно и не исключено, не прочувствовать, не ощутить и, тем самым, не воспринять до конца. А если и воспринять, то опять же импульсивно, каким-то намеком, толчком и потому неосознанно.

Указанная асимметрия, как следствие, позволяет ставить вопрос о возможности, если не необходимости, изучать и описывать означаемые представления в виртуально-системном, парадигматическом, чтобы не сказать грамматическом, виде, как нечто самостоятельное. С опорой на слова с их значениями, поскольку иного способа определения нет, но при этом вне их, не всегда их при соответствующем описании учитывая. В предлагаемой работе, в силу ее не столько системно последовательного, сколько иллюстративно примеривающегося характера, этот принцип не мог быть в достаточно необходимой мере использован и отображен. При отсутствии в составляющих ясно действующей, как описанной и воспринимаемой, парадигмосистемы иного способа, не предполагающего опору на семантику слов и извлечение с их помощью соответствующих для дальнейшего распределения признаков, не предвиделось.

Набросок возможного категориального описания

Возвращаясь к охарактеризованному материалу, с тем чтобы в завершение можно было представить набросок возможного описания разбираемой предметной области, в качестве иллюстрации, на примере разряда оперативов ('делегация' и 'силы', как представления, способные в семантике соответствующих слов себя отразить), покажем полученные по данному основанию категориальные, мыслимые как категориальные, отображения. С тем чтобы то же самое сделать для остальных четырех, с учетом пятого совмещенного, разрядов и затем попытаться представить отобранный, способный передаваться с помощью соответствующих слов, материал в виде какого-то подразделяющего распределения, возможного, как уже отмечалось, но не единственного.

Итак, оперативы (заданности) могут быть, на основе показанного в отношении признаков, представляемых как категориальные: 1) определенными и не определенными в составе участников; 2) выдвигаемых и не выдвигаемых как выбранные для осуществления задания в качестве представителей из чего-то большего, значительно большего с точки зрения множественности и числа; 3) целенаправленными в отношении задания либо не целенаправленными, и тогда в отношении чего-то стихийно имеющего-

ся к осуществлению; 4) направляемыми кем-то прямо и непосредственно (в рассмотренном случае с 'делегацией' – выбравшими) и самонаправляемыми либо направляемыми не непосредственно ('силы').

Первые признаки в каждой паре из четырех, показанных в пунктах, были бы свойственны представлениям, сходным в своем таком отношении с 'делегацией'. Вторые, соответственно, с 'силами'.

К разряду оперативов из выбранных представлений можно было бы относить такие, которые способны себя отражать в определенных значениях следующих слов: *агитколлектив*, *актив*, *армия*, *артель*, *банда*, *братва*, *братья-разбойники*, *бригада*, *взвод*, *воинство*, *войско*, *войска*, *группен-секс*, *групповуха*, *делегация*, *демонстрация*, *дружина*, *звездочка*, *звено*, *казаки-разбойники*, *коллектив*, *колонна* (как часть идущих на демонстрации либо едущих в общем движении автомашин), *колхоз*, *команда* (как группа людей, организованных и для осуществления чего-либо предназначенных), *комитет*, *комсомол*, *контора*, *конференция*, *манифестация*, *митинг*, *объединение*, *отряд*, *парад*, *партактив*, *партгруппа*, *партия* (как политическая организация), *партколлектив*, *пикет*, *пионерия*, *политбюро*, *рать*, *рота*, *секта*, *силы* (*движущие силы*, *силы революции*, *реакции*, *темные силы*), *содружество*, *союз*, *стая* (*волчья стая*, о людях), *товарищество*, *фирма*, *шайка*, *шарашка*.

Некоторые из перечисленных представлений были ранее рассмотрены. В данном месте их следует воспринимать не как отдельности, а как позиции вероятного отнесения к разряду. При этом следует помнить о том, что, как уже отмечалось ранее неоднократно, положение о способности отражения их в определенных значениях обозначенных слов, позволяя их соответствующим образом для наглядности показать, мало что говорит о самих подразумеваемых за всем этим представлениях, описание которых отдельно каждого, предполагает необходимость более или менее обстоятельного анализа.

К разряду принадлежностей (ассертивов), показанном на примере 'паствы' и 'мира' в смысле сельской общины и ее сходки, собрания, можно было бы, без дальнейшего в признаках различения, в своих основаниях не проявленного, отнести представления, способные себя выражать в соответствующих значениях таких слов, как *Азия* (в смысле люди, характеризуемые в своей совокупности как нецивилизованные, недостаточно развитые и плохо воспринимающие кого-то других), *бабье*, *бараны*, *беднота*, *болото* (люди застоя и неспособности), *босота*, *босячество*, *братия* (мо-

настырская), *верхи*, *власти*, *вольница*, *ворье*, *вши* (о людях), *выселки* (живущие там поселенцы), *голодрань*, *голыдь*, *голытьба*, *голь*, *голь перекатная*, *девчата*, *девчонки*, *деревня* (деревенские жители), *детва*, *детвора*, *детский сад* (*детский сад младшая группа*, о людях, ведущих себя несообразно с возрастом), *домашние*, *дружбаны*, *дружки*, *Европа* (о людях с высоким мнением о себе не в силу достоинств, а в силу наносной цивилизованности), *жеребцы* (о молодых мужчинах, юношах, соответствующим образом себя проявляющих), *жулье*, *зверье* (о людях), *знакомства* (о совокупности лиц, с помощью которых что-либо достигается), *избранные*, *кадры*, *клан*, *клопы*, *клуб*, *коллектив*, *команда* (*блатная команда*, *босоногая команда*), *коммуна*, *компашка*, *крысы*, *люд* (*черный люд*), *люди* (*выйти*, *вывести в люди*), *малина*, *массы* (*рабочие*, *трудовые*, *темные*, *революционные*, *неорганизованные*), *матросня*, *мафия*, *междусобойчик*, *мелкота*, *мир*, *молодежь*, *мошкара*, *мужичье*, *наши*, *низы*, *нищета*, *общество* (*тайное общество*), *община*, *партия* (о ее членах как некоей совокупности, отличающей их от других), *партколлектив*, *паства*, *пацаны*, *пацанва*, *первый класс* (*как в первом классе*, о людях, ведущих себя несоответственно с возрастом), *племя*, *поселение* (о жителях), *притон*, *ребятня*, *род*, *родные*, *родня*, *салон* (применительно к представителям), *сброд*, *свита*, *свои*, *сволота*, *сволочь* (*всякая сволочь*), *связка* (*в связке*, *в тесной связке*), *селение*, *село*, *семейство*, *семья*, *слобода* (о жителях), *слободка*, *содружество*, *солдатня*, *союз*, *стадо*, *стервятники*, *строй* (*в строю*), *телки* (о девушках), *трясина* (о людях), *умет*, *хамье*, *чернь*, *шайка-лейка*, *шантрапа*, *шараш-монтаж*, *шатия*, *шатия-братия*, *шваль*, *шпана*, *штат* (*штаты*), *шушера*, *элита*, *элиты*.

Внимание следует обратить (что вполне понятно в силу того, что слова отражают в каждом случае какое-то из возможных значений) на то, что одно и то же слово, попадая в своем отнесении к разным разрядам, в зависимости от восприятия, может быть выразителем не одного представления и, тем самым, служить его иллюстрацией.

Конгрессивы можно отобразить с помощью вероятных значений у следующих единиц: *ассамблея*, *взвод*, *вертеп* (о людях), *вечеринка*, *воронье*, *галье*, *группа*, *девичник*, *дюжина* (*чертова дюжина*), *зал* (*полный зал*), *караван*, *караван-сарай*, *колонна*, *команда* (*футбольная команда*), *компания*, *кунсткамера*, *лагерь*, *лазарет*, *линейка*, *люд*, *люди* (*прилюдно*, *при людях*, *на людях*), *майдан*, *мальчишник*, *манифестация* (понимая под этим собравшихся), *многолюдство*, *многолюдье*, *народ* (*при народе*, *при всем*

честном народе, *принародно*), *обоз*, *общежитие* (*женское*, *мужское*, *студенческое*), *паноптикум*, *парти* (в смысле собравшихся на каком-то приеме вместе людей), *полчища* (*несметные полчища*), *публика* (*публично*, *припублично*), *рать* (о большом количестве), *раут*, *рота*, *ряд* (*ряды*), *сбор* (*сбор блатных и шайка нищих*), *сборище*, *семейный совет*, *сила*, *скопище*, *скопление*, *слет*, *собор*, *собрание*, *совет*, *сонм*, *стан*, *становище*, *съезд*, *той*, *трамвай* (о людях внутри, сюда тогда также *автобус*, *троллейбус*, *вагон* и т.п.), (*детский*) *утренник*, *шеренга* (*шеренги*, *в шеренгах*).

Кумулятивы можно представить через такие слова, как *базар*, *базар-вокзал*, *балаган*, *бардак*, *бордель*, *вакханалия*, *вокзал* (*как на вокзале*, о шумном собрании и суете), *дурдом*, *клоповник*, *клопятник*, *муравейник* (о людях в большом стеснении и постоянном движении), *орда*, *рой*, *саранча*, *свадьба* (*собачья свадьба*, *как на Маланьину свадьбу*), *свистопляска*, *свора* (*собачья свора*), *спектакль*, *столпотворение* (*вавилонское*), *сумятица*, *табун*, *тараканник*, *тараканы*, *театр*, *толпа* (*толпы*, *толпища*), *тусовка*, *тьма* (*тьма народу*), *хор* (*хором*), *хоровод* (также и переносно, ср.: *водить хоровод* и *хороводиться*, в том числе *с кем-либо*), *цирк*, *шарага*, *шоу*, *ярмарка*.

Конгрессивы-кумулятивы как проявления можно отметить в значениях таких единиц, как *ватага*, *вселюдство*, *гамузом* (*всем гамузом*), *громада*, *гульбище*, *гурьба*, *зоопарк*, *кагал*, *камарилья*, *коммуналка*, *коммунальная кухня*, *костомятка*, *крысы*, *мышиная возня*, *обезьянник*, *оргия*, *пауки в банке*, *психушка*, *публичный дом*, *сабантуй*, *скопом* (*всем скопом*), *сорочье*, *табор* (*цыганский табор*), *ходынка*, *хоровод*, *шурум-бурум*.

Как уже отмечалось ранее, разряды в своем составе не следует воспринимать как неразложимые смысловые единства. Это деление первого уровня. Представления, в них входящие и к ним относящиеся, способные передаваться в значениях соответствующих слов и устойчивых сочетаний, не обязательно при этом словарных, могут далее, до своего определения, дифференцироваться по основаниям, которые допустимо рассматривать как подразделение на группы (подгруппы). И допустимо также (что служит еще одним показателем характеризуемого устройства, представляемого как парадигматическое и виртуальное по своему существу), определять их, опираясь на признаки, воспринимаемые как категориальные. Будут ли эти признаки категориями в достаточно полном для этого понимания или нет, можно будет решить исходя из общего, с определением и выведением системы, в ее действии и характерных для нее проявлениях.

Не вдаваясь в подробности вероятного описания, на примере выделенного разряда принадлежностей (ассертивов), оказавшегося наиболее многочисленным (что может свидетельствовать об особенностях языкового сознания через состав характерных для него представлений), такое подразделение, определяемое в категориальных по своему характеру признаках, виделось бы следующим образом (с опорой на значения все тех же обозначенных слов, которые в ряде случаев как значения следует дополнительно оговаривать и которые, в зависимости от акцентов и восприятия, могут быть иллюстрациями разных определяемых групп):

- ассертивы поведенческих признаков (свойственности, или хабитативы): *Азия*, *бабье*, *бараны*, *болото*, *вольница*, *ворье*, *вши*, *детский сад* (*детский сад младшая группа*), *Европа*, *жеребцы*, *жулье*, *зверье*, *клопы*, *команда* (*блатная команда*, *босоногая команда*), *крысы*, *матросня*, *мафия*, *мошкара*, *мужичье* (имея в виду поведение), *первый класс* (*как в первом классе*, о людях, ведущих себя несоответственно с возрастом), *притон* (о поведении, *это прямо притон какой-то*, *как в притоне воспитывался*), *сброд*, *сволота*, *сволочь* (*всякая сволочь*), *солдатня*, *стадо*, *стервятники*, *телки* (о девушках), *трясина* (о людях), *хамье*, *чернь* (поведенческая), *шайка-лейка*, *шантрапа*, *шараш-монтаж*, *шатия*, *шатия-братия*, *шваль*, *шпана*, *шушера*;

- ассертивы лишенности / обладания, наделенности (привативы): *беднота*, *босота*, *босячество*, *голодрань*, *голыдь*, *голытьба*, *голь*, *голь перекатная*, *Европа* (как обладание, ср.: *у нас тут (мы тебе) не Европа, разносолов не жди*), *знакомства*, *избранные*, *малина*, *нищета*;

- ассертивы отмеченной выделенности (на фоне других) / отнесенности к собственной, исключающей, группе (эксклюсивы): *братия* (монастырская), *верхи*, *власти*, *клан* (о людях тесного круга), *клуб*, *компашка* (*теплая компания*, *тесная компания*, *своя компания*), *междусобойчик*, *общество* (*тайное общество*), *партия*, *салон*, *содружество*, *союз*, *элита*, *элиты*;

- ассертивы места-позиции (ситуативы): *выселки*, *девчата*, *девчонки*, *деревня*, *детва*, *детвора*, *кадры*, *коллектив*, *коммуна*, *люд* (*черный люд*), *люди* (*выйти*, *вывести в люди*), *массы* (*рабочие*, *трудовые*, *темные*, *революционные*, *неорганизованные*), *мелкота* (о детях), *мир*, *молодежь*, *низы*, *община*, *партколлектив*, *паства*, *пацаны*, *пацанва*, *племя*, *поселение*, *притон* (как место сбора), *ребятня*, *род*, *свита* (как сопровождение), *селе-*

ние, *село*, *семейство*, *семья*, *слобода*, *слободка*, *строй* (*в строю*), *умет*, *чернь* (черный люд), *штат* (*штаты*);

- ассертивы субъектного отношения (релятивы): *домашние*, *дружбаны*, *дружки*, *наши*, *родные*, *родня*, *свита* (как те, кто готов выполнять поручения, будучи в услужении какого-либо лица), *свои*, *связка* (*в связке*, *в тесной связке*).

Как можно заметить, каждая из выделенных подгрупп допускает свое дальнейшее подразделение, которое будет себя выражать при посредстве последующих выделяемых категориальных признаков. Вплоть до возможности, на каком-то этапе, собственного отображения данного представления либо близком к нему. Важным для характеристики языкового сознания будет также количество каждого из составов. Как можно заметить, наиболее многочисленными в данном ряду оказались поведенческие (хабитативы) и позиционные определители (ситуативы).

В свою очередь, собранности (конгрессивы) можно было бы подразделить на такие подгруппы:

- конгрессивы представительной либо представленной собранности (репрезентативные): *ассамблея*, *зал* (*полный зал*), *караван*, *команда* (как представительное число людей, ср.: *Да их тут целая команда!*), *компания*, *люд*, *люди* (*прилюдно*, *при людях*, *на людях*), *многолюдство*, *многолюдье*, *народ* (*при народе*, *при всем честном народе*, *принародно*), *публика* (*публично*, *припублично*), *ряд* (*ряды*), *трамвай*, *шеренга* (*шеренги*, *в шеренгах*);

- конгрессивы количества либо числа (квантитативные): *взвод*, *группа*, *дюжина* (*чертова дюжина*), *команда* (*футбольная команда*), *полчища* (*несметные полчища*), *рать*, *рати* (о большом количестве), *рота*, *сила* (о большом числе людей: *Нас теперь сила!*), *скопище*, *скопление*, *сонм* (*сонмы*, *сонмище*, *сонмища*);

- конгрессивы-характеристики (аттрибутивные): *вертеп*, *воронье*, *галье*, *караван-сарай* (как характеристика где-то вместе собравшихся), *кунсткамера*, *лазарет* (о больных, ср.: *У меня теперь не дом, а сплошной лазарет, все больны*), *паноптикум*, *сбор* (*сбор блатных и шайка нищих*), *сборище*, *сорочье*;

- конгрессивы события (эвентивные): *девичник*, *мальчишник*, *манифестация*, *парти*, *раут*, *семейный совет*, *слет*, *собор*;

- конгрессивы предназначения, назначенности (функтивные): *колонна*, *лагерь*, *лазарет* (больница, *попасть в лазарет*), *линейка*, *майдан*,

обоз, *общежитие* (*женское*, *мужское*, *студенческое*), *собрание*, *совет*, *стан*, *становище*, *съезд*, *той*.

Перемешанности делились бы, соответственно, на кумулятивы:

- шумной неразберихи и суеты (тумультативы): *базар*, *базар-вокзал*, *балаган*, *бардак*, *бордель*, *вакханалия*, *вокзал* (*как на вокзале*, о шумном собрании и суете), *дурдом*, *свистопляска*, *сумятица*, *тараканы*, *ярмарка*

- избытка, стеснения, стесненного множества (компрессивы): *клоповник*, *клопятник*, *муравейник*, *свадьба* (*как на Маланьину свадьбу*), *столпотворение* (*вавилонское*), *тараканник*, *толпа* (*толпы*, *толпища*), *тьма* (*тьма народу*),

- неорганизованности (иррегулятивы): *орда*, *рой*, *саранча*, *свора* (*собачья свора*),

- проявления, действия на показ (демонстративы): *свадьба* (*собачья свадьба*), *спектакль*, *табун*, *театр*, *цирк*, *шарага*, *шоу*;

- совместности (симультативы): *хор* (*хором*).

Аналогичным образом, видимо, можно было бы подразделять и последнюю группу, определяемую в своих отличиях не столько в отношении для нее специфических смыслов, сколько в их акцентировке. Сохраняя алфавитный порядок, конгрессивы-кумулятивы представлялись бы в разделении, соотносимом как с конгрессивами, так и с кумулятивами:

- репрезентативы: *ватага*, *громада*;

- квантитативы: *вселюдство*;

- симультативы: *гамузом* (*всем гамузом*), *скопом* (*всем скопом*), *хоровод*;

- аттрибутивы / тумультативы: *гульбище*, *кагал*, *коммуналка*, *коммунальная кухня*, *костомятка* (три последних, возможно, как компрессивы стеснения), *крысы*, *мышиная возня*, *оргия*, *пауки в банке*, *психушка*, *публичный дом*, *сабантуй*, *табор* (*цыганский табор*), *ходынка*, *шурум-бурум*;

- демонстративы: *зоопарк*, *камарилья*, *обезьянник*, *сорочье* (о не стесняющихся других оговаривать, делая это нередко демонстративно).

Возможное дальнейшее подразделение с определением категориальных признаков как характеризаторов и оснований, описанием представлений в их различениях, совпадениях и отдельностях, требует, как уже отмечалось, более полного обращения к материалу. С выявлением парадигматики и синтагматики разбираемой системы, отражающей действие и

устройство (фрагмент его) языкового и не только языкового сознания носителей данной ментальности и ее "языка".

Литература[39]

Апресян Ю.Д.: *Дейксис в лексике и грамматике и наивная картина мира*. [В:] „Семиотика и информатика”. Вып. 28. // Апресян Ю.Д.: Избранные труды. Т. II. Москва 1995, с. 629-650.

Апресян Ю.Д.: *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*. [В:] „Вопросы языкознания”. 1995, № 1, с. 37-67.

Арутюнова Н.Д.: *Типы языковых значений. Оценка, событие, факт*. Москва 1988.

Бодуэн де Куртенэ И.А.: *Количественность в языковом мышлении*. [В:] Бодуэн де Куртенэ И.А.: Избранные труды по языкознанию. Т. 2. Москва 1963, с. 311-324.

Болдырев Н.Н.: *Когнитивная семантика*. Тамбов 2000.

Бурас М.М., Кронгауз М.А.: *Концептуализация в языке: все или ничего*. [В:] Язык и структура знания. Москва 1990, с. 50-57.

Бюлер К.: *Теория языка*. Москва 2001.

Веккер Л.М.: *Психика и реальность: единая теория психических процессов*. Москва 2001.

Верньо Ж.: *К интегративной теории представлений*. [В:] „Иностранная психология”. 1995, № 5, с. 9-17.

Гак В.Г., Кузнецов С.Н.: *О типологии квантитативной сегментации предметов*. [В:] Лингвистическая типология. Москва 1985, с. 13-122.

Грайс Г.П.: *Значение говорящего, значение предложения и значение слова*. Перев. Г.Е. Крейдлина. [В:] Философия языка. Редактор-составитель Дж.Р. Сёрл. Москва 2004, с. 75-98.

Дегтярев В.И.: *Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование)*. Ростов-на-Дону 1982.

Жинкин Н.И.: *Язык. Речь. Творчество*. Москва 1998.

Залевская А.А.: *Значение слова и возможности его описания*. [В:] Языковое сознание: формирование и функционирование. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. Москва 1998, с. 35-55.

Залевская А.А.: *Некоторые вопросы отображения реальности у пользователя языком*. [В:] Реальность, язык и сознание. Тамбов 1999, с. 4-14.

[39] Приводимые в списке источники даны с целью общего представления о проблематике. Некоторые из них нашли свое концептуальное отражение в книге, другие служили теоретическим фоном. Научная литература, на которую содержатся ссылки, по этим причинам не включена.

Зинченко В.П.: *Миры сознания и структура сознания*. [В:] “Вопросы психологии”. 1991, № 2, с. 15-36.

Калентьева Т.Л.: *Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода*. Иркутск 1998.

Караулов Ю.Н.: *Ассоциативная грамматика русского языка*. Москва 1993.

Караулов Ю.Н.: *Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи*. [В:] Языковое сознание и образ мира. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. Москва 2000, с. 191-206.

Караулов Ю.Н.: *Русский язык и языковая личность*. Москва 2002.

Категория количества в современных европейских языках. Под ред. В.В. Акуленко. Киев 1990.

Кацнельсон С.Д.: *Типология языка и речевое мышление*. Ленинград 1972.

Клобуков Е.В.: *Число и коммуникативная типология грамматических значений*. [В:] Число – язык – текст. Минск 1998, с. 127-136.

Красильникова Е.В.: *Имя существительное в русской разговорной речи: функциональный аспект*. Москва 1990.

Красных В.В.: *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология*. Москва 2002.

Кубрякова Е.С.: *Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона*. [В:] Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. Москва 1991, с. 82-140.

Лакофф Дж.: *Мышление в зеркале классификаторов*. Перев. с англ. Р.И. Розиной. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Москва 1988, с. 12-51.

Леонтьев А.А.: *Языковое сознание и образ мира*. [В:] Язык и сознание: парадоксальная реальность. Москва 1993, с. 16-21.

Леонтьев А.Н.: *Деятельность. Сознание. Личность*. Москва 1975.

Лурия А.Р., Виноградова О.С.: *Объективное исследование динамики семантических систем*. [В:] Семантическая структура слова. Москва 1971, с. 27-62.

Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж 2001.

Пете И.: *Семантические типы количественных отношений*. [В:] „Die Welt der Slaven”. Jg. XXVI, H. 2, 1981, s. 338-345.

Петров М.К.: *Язык. Знак. Культура*. Москва 2004.

Пинкер С.: *Язык как инстинкт*. Перев. с англ. Е.В. Кайдаловой. 2-е изд. Москва 2009.

Портнов А.Н.: *Сознание, язык, смысл: в поисках новой научной парадигмы*. [В:] Философский альманах. № 1-2. Иваново 1998, с. 41-43.

Потебня А.А.: *Мысль и язык*. Киев 1993.

Привалова И.В.: *Этноцентричность языкового сознания*. [В:] Русский язык в контексте реформирования российского общества. Москва 2003, с. 64-67.

Радбиль Т.Б.: *Язык и мир. Парадоксы взаимоотражения*. 2-е изд. Москва 2017.

Радченко О.А.: *Язык как миросозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства*. 2-е изд., испр. и доп. Москва 2004.

Рахилина Е.В., Ли Су-Хён: *Семантика лексической множественности в русском языке*. [В:] "Вопросы языкознания". 2009, № 4, с. 13-40.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Под ред. Б.А. Серебренникова и др. Москва 1988.

Стернин И.А.: *Коммуникативное и когнитивное сознание*. [В:] С любовью к языку. Москва – Воронеж 2002, с. 44-51.

Тарасов Е.Ф.: *Язык и сознание: парадоксальная реальность*. Москва 1993.

Тарасов Е.Ф.: *Языковое сознание*. [В:] „Вопросы психолингвистики". № 2, 2004, с. 34-47.

Тейяр де Шарден П.: *Феномен человека*. Москва 1955.

Уланович О.И.: *Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия*. [В:] Вестник Томского государственного университета. Филология. № 1(9). Томск 2010, с. 44-51.

Урысон Е.В.: *Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике*. Москва 2003.

Уфимцева Н.В.: *Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских*. [В:] Языковое сознание: формирование и функционирование. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. Москва 1998, с. 7-23.

Ушакова Т.Н.: *Понятие языкового сознания и структура речемыслительной деятельности*. [В:] Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Под ред. Н.В. Уфимцевой. Москва – Барнаул 2004, с. 6-17.

Филлмор Ч.: *Фреймы и семантика понимания*. Перев. с англ. Л.Н. Баранова. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Москва 1988, с. 52-92.

Шарандин А.Л.: *Собирательные формы существительного в аспекте концептуализации действительности и категоризации языка*. [В:] Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Отв. ред. Т.В. Симашко. Москва – Архангельск 2013, с. 240-249.

Щерба Л.В.: *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград 1974.

Этнокультурная специфика языкового сознания. Москва 1996.

Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва 1997.

Языковое сознание: устоявшееся и спорное. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. Москва 2003.

Языковое сознание: формирование и функционирование. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. Москва 1998.

Anderson J.R.: *The Structure of Cognition*. London 1983.

Behrens L.: *The MASS/COUNT distinction in a cross-linguistic perspective*. [In:] “Lexicology” 1, 1995, p. 1-112.

Bunt H.: *Mass terms and model-theoretic semantics*. Cambridge 1985.

Dönninghaus S.: *Море людей* и *пропасть цветов*. Метафоры неопределенного количества. [В:] Количественность и градуальность в естественном языке. München 2001.

Dryer M.S.: *Plural words*. [In:] “Linguistics” 27, 1989, p. 865-895.

Gordon P.: *Evaluating the semantic categories hypothesis: the case of the count/mass distinction*. [In:] “Cognition” 20, 1985, p. 209-242.

Heyl S.: *Typologische Aspekte des Feldes der Numeralität*. [In:] “Zeitschrift für Slawistik” 35, 1990, 4, p. 558-561.

Mervis C., Rosch E.: *Categorization of natural objects*. [In:] “Annual Review of Psychology” 32, 1981, p. 89-115.

Rosch E.: *Principles of categorization*. [In:] Studies in cross-cultural psychology. V. 1. New York 1977, p. 1-49.

Scha R.: *Distributive, Collective and Cumulative Quantification*. [In:] Truth, Interpretation and Information. Dordrecht 1984, p. 131-158.

Schwarzschild R.: *Pluralities*. [In:] Studies in Linguistics and Philosophy 61. Dordrecht – Boston – London 1996.

Talmy L.: *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. 1-2. Cambridge 2000.

Словари:

Большой толковый словарь русского языка. (БТС) Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург 2000.

Даль В.И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. В четырех томах. Москва 2000.

Ефремова Т.Ф.: *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Т. 1-2. Москва 2000

Латинско-русский словарь. Сост. И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков. Под общ. ред. С.И. Соболевского. Москва, 1949.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.: *Толковый словарь языка Совдепии*. Санкт-Петербург 1998.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. 2-е изд., испр. Под общим рук. Ю.Д. Апресяна. Москва 1999.

Подосинов А.В., Белов А.М. Русско-латинский словарь. Москва, 2000.

Преображенский А.Г.: *Этимологический словарь русского языка*. Т. I-II. Москва 1959.

Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Сост. Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Т. 1-3, кн. 1-6. Москва 1994-1998.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1, 2. Москва 2000, 2002.

Словарь иностранных слов. Гл. ред. Ф.Н. Петров. 9-е изд. Москва, 1982.

Словарь русского языка в 4-х томах. (МАС) Гл. ред. А.П. Евгеньева, 2-е изд. Москва, 1981-1984.

Словарь современного русского языка в 17 томах. Москва – Ленинград 1948-1965.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Скляревской. Санкт-Петербург 1998.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Под ред. Г.Н. Скляревской. Москва 2008.

Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. (ТСУ) Т. I-IV. Москва 1934-1940.

Фасмер М.: *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х томах. Перев. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. Москва 1986-1987.

Черных П.Я.: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В двух томах. 3-е изд. Москва 1999.

Научное издание

Пётр Червинский

Семантика многолюдства
русского языкового сознания

Дизайн обкладинки, верстання та макет: Юрій Завадський.
Мова видання: російська.
Підписано до друку 10.01.2019. Папір офсетний.
Обліково-видавничих аркушів 16.
Тираж 500 примірників.

Видавництво «Крок»
Свідоцтво ДК No.3538 від 30.07.2009 року
вул. Гайова, 56, Тернопіль, Україна, 46006
тел. +38 0352 248436
info@krokbooks.com
KrokBooks.com

ISBN 978-617-692-511-8

9 786176 925118 >